

Р.Р.Тилов

Говорящая бронза Кавказа
этническая интерпретация племен кобанской культуры.

СОДЕРЖАНИЕ:

Предисловие.....	3
Глава I. Истоки зооморфного стиля	5
Глава II. Кобанская археологическая культура Кавказа.....	10
Глава III. Хетты.....	37
Глава IV. Отдин – Религия Огня.....	59
Глава V. Карачаево-балкаро-германские лексические параллели.....	65
Заключение.....	79

По материалам книги «Сага о Кавказе». Нальчик. Издательство М. и В.Котляровых, «Полиграфсервис и Т», 2005. ISBN 5-93680-157-8

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Кавказ – один из интереснейших для исторической науки регионов Евразии. Его географическое положение на стыке Юго-Восточной Европы и Малой Азии стало причиной формирования самобытной кавказской культуры. Здесь, как свидетельствуют археологические данные, проходили древние пути миграций народов Восточной Европы, Малой и Средней Азии, происходили контакты европейских, ближневосточных и среднеазиатских культур. Эти исторические процессы, оседание определенной части миграционных потоков и сформировали сегодняшний полиэтнический облик Кавказа, который справедливо называют «горой народов и языков». Изучение этих миграционных волн, выявление их этнического содержания поможет приоткрыть многие страницы древней истории Кавказа.

На сегодня, не смотря на довольно скрупулезную фиксацию и описание археологических материалов, историческая наука не дает окончательного ответа на основной и самый естественный вопрос о создателях той или иной археологической культуры – на вопрос об их этнической принадлежности, хотя бы в рамках языковой семьи. Под понятием языковой семьи, в данном случае, нужно понимать принадлежность к малым языковым семьям: славянским, германским, угорским, иранским, тюркским и т.д. Аппеляция к понятиям языковой макро-семьи: индо-европейской, урало-алтайской, кавказской, семито-хамитской и т.п., при этнической интерпретации археологических культур позднебронзового века и античности, не совсем соответствует истине, поскольку к тому времени многие нынешние народы были этнически оформлены, говорили на языках довольно близких к их современным и, возможно, были известны соседям под теми же этнонимами, что и сегодня.

Как отличить материальную культуру одного древнего народа от культуры другого? Здесь имеются используемые в археологии классические методы описания и сопоставления типологии погребений и погребальных обрядов, извлеченного инвентаря, костных останков, статистической обработки всего полученного материала и т.д. Но есть еще один аспект – лингвистический, не использовавшийся в науке, в силу того, что он не был обнаружен или по определенным причинам умалчивался теми, кто его обнаруживал.

В данной работе вниманию специалистов предлагаются весьма нетрадиционные методы трактовки этнической принадлежности племен кобанской культуры Кавказа. Метод, которым пользовался автор, весьма прост и основан на сопоставлении археологического и лексического материалов, **поскольку история материальной культуры каждого народа отражена в лексике его языка.** Памятники культуры древних цивилизаций, произведения прикладного искусства убеждают нас в том, что их создатели не были людьми примитивными или интеллектуально ограниченными. Наши далекие предки создали основы того, чем мы широко пользуемся и сегодня, развивая и далее: керамическое производство, металлургию, металлообработку, ювелирное дело, зодчество, письменность, ткачество, животноводство, земледелие, мореходство и т.д. Касаясь вопроса происхождения письменности, нетрудно предположить, что наиболее проблемной для наших предков могла быть потребность в **фиксации, хранении и передаче информации.** Именно эта проблема могла толкать их на поиски в этой области. С ней связано возникновение феномена устного народного творчества, реализованного в виде мифов, сказок, эпических сказаний и баллад. С того момента, когда люди стали задумываться над проблемой фиксации информации, их внимание обязательно должно было повернуться к проблемам

философского осознания и научного анализа собственной речи. Как она возникла? Как рождались слова? Как их отобразить и зафиксировать в материале: камне, глине, дереве или металле? Из области интеллектуальной, по мере давления этой проблемы, она перемещалась и в сферу быта и ремесла. Речь и методы ее отображения на материальных носителях стали своего рода лингвистическим «кубиком-Рубика» для определенной части социумов. Так стала появляться пиктография – рисуночное письмо, которое читалось не фонетически, а образно. Больших проблем передать посредством рисунка имена существительные, типа: «человек»; «гора»; «дерево»; «река»; «медведь»; «олень», не составляет труда, но как передать глаголы – слова действия, или прилагательные – слова качества. Тут и возникла задача, как отобразить через рисунок прилагательное «красивый» или глагол «думать». На помощь могла прийти игра слов, заключенная в каждом языке, и имеющая довольно характерную индивидуальность. К примеру, числительное «сто» немец может передать через знак «собака», поскольку в германском языке в числительном «Hundert» – 100, содержится существительное «Hund» – собака. Славянин может нарисовать «стог» (сена) для передачи числительного «100». Тюрк нарисует «круг» или «пловца» поскольку в его языке числительное «100», слово «жуз», фонетически тождественно существительному «круг» (жуз) и глаголу «плыви» (жуз). Так на смену понятийно-рисуночному письму – пиктографии, могло прийти фонетическое письмо, в котором знак, рисунок стал передавать не понятие, а фонему. Если слово было длинным, его могли попытаться разбить на отдельные составные части-слова. Например, германское слово «bereiten» – готовить, приготавливать, можно расчленивать на слова «Bär» – медведь, и «reiten» – ездить верхом. Таким образом, в абстрактно представляемой немецкой фонетико-пиктографической письменности рисунок «медведь на коне» может передавать фонетически понятие «готовить, приготавливать». **Отмечу, что выразительные возможности для такой письменной передачи информации довольно индивидуальны для каждого языка.** Так, например, ребус из английского журнала для школьников можно прочесть лишь с позиции английского языка, но не финского или корейского.

Это и есть суть авторской методики этнической интерпретации археологических материалов эпохи бронзы. Люди бронзового века, озадаченные проблемой передачи информации, изобретали методы ее фиксации и отображали ее на изделиях ремесла и прикладного искусства. Революционным являлось открытие самого принципа письма, как средства сохранения и передачи информации, а методы его осуществления могли быть многовариантны. Так зародился фонетико-семантический стиль прикладного искусства, получивший в археологической науке название «**зооморфный стиль**». **Изображения на предметах зачастую являлись фонетической передачей их названия или глагола, передававшего их функциональное назначение.** Этому стилю и истории некоторых этносов, имевших отношение к его созданию, и посвящена данная работа.

Глава I.

ИСТОКИ ЗООМОРФНОГО СТИЛЯ.

Факторы, обеспечивавшие его преемственность с эпохи бронзы до раннего средневековья.

Выявление истинных источников возникновения зооморфного стиля в искусстве древних народов эпохи бронзы, тема довольно интересная, требующая комплексного подхода к исследованию. Существующий на сегодня подход к элементам зооморфного стиля в керамике и металлопластике как к индивидуальному творческому мотиву, возникшему у конкретного ремесленника, не совсем соответствует истине. Конечно, полностью отрицать факт индивидуальности и своеобразия стиля отдельного мастера в прикладном искусстве было бы неверно, но существующий археологический материал свидетельствует о чрезвычайной (!) устойчивости отдельных элементов зооморфного стиля. При этом эти элементы сохраняются на протяжении столетий, с разрывами во времени и затем возникают, зачастую, на довольно отдаленных друг от друга территориях. Как объяснить подобные факты? Обычно для этих необъясненных фактов приемлют мудреный термин – конвергентность, т.е. независимость и типичность явлений исторического процесса развития материальной культуры на различных территориях. Но в случае с возникновением зооморфного стиля имеется четкий его источник появления – язык его создателей.

Если традиционно рассматривать зооморфный стиль, как элемент художественного творчества, можно предположить следующий логический ряд. **Один** древний ремесленник вводит в производственный оборот **один элемент** зооморфного стиля, как плод своего воображения и абстрагированного восприятия производимого им предмета. Данный элемент стиля может воспроизводиться лично им неоднократно, если он считает его удачным, эстетичным и не обременяющим изделие при его функциональном использовании. Кроме него эту форму могут копировать его коллеги по цеху и ученики.

На первом этапе появления и утверждения нового зооморфного элемента в керамике или металлопластике он существует в той этнической среде, к которой принадлежит автор данного художественного образца. Дальнейшее его распространение возможно в целом ряде случаев:

1. Посредством тиражирования и экспорта изделий в другую этнокультурную среду. Касательно керамики, она может распространяться в результате торговли, выполняя функцию тары. В этом случае идет распространение стилизованных изделий без миграции их творцов и носителей.
2. Распространение посредством миграции этноса или его части с места зарождения данного элемента зооморфного стиля, в результате определенных причин: ухудшения природно-климатических условий; демографической перегрузки в регионе проживания; причин, вызванных хозяйственным укладом (кочевое животноводство, истощение почв и т.п.); обострения этнополитических взаимоотношений с соседними народами; раскола этноса, по каким либо социально-экономическим, политическим или религиозным мотивам; совершения военных походов, с последующим оседанием на новой территории или миграция под воздействием внешней агрессии; миграция для поисков новых источников металлургического сырья и рынков сбыта металлургических услуг, учитывая важность этого аспекта экономики в период бронзы.

3. Распространение методом копирования данного художественного элемента в новой этнической среде и на новой территории, куда проникли стилизованные изделия в результате торгового обмена, или куда мигрировали создатели и носители этого стиля; попытки копирования более высокохудожественных и высокотехнологичных изделий, добытых как военные трофеи. Копирование данного художественного элемента с изделий, добытых в результате грабительских раскопок захоронений более раннего периода.

Анализируя элементы зооморфного стиля и орнамента на керамических и металлических изделиях указанного периода, автор данного исследования и пришел к твердому убеждению о существовании «лингвистического» источника в появлении определенных художественных элементов и форм. В подавляющем числе случаев форма предмета или рисунок на предмете **выполняли роль фонемы, и служили для передачи его названия или глагола его функционального назначения.** Таким образом, это была оригинальная форма объемного иероглифического письма, основанная на «народной» этимологии названия предмета. Констатация этого факта и применение методов лингвистического анализа позволили не только объяснить возникновение многих устойчивых во времени и пространстве элементов и форм зооморфного стиля, но и установить этническую принадлежность их создателей. При этом этническая интерпретация археологической культуры, в материалах которой были выявлены исследуемые зооморфизмы, была построена на основе комплексного анализа, включавшего в себя:

1. анализ семантики элементов зооморфного стиля в археологических материалах с этнической интерпретацией их создателей на основе сопоставления лексики и зооморфизмов;
2. анализ сообщений письменных источников данного периода о народах населявших территорию данной археологической культуры;
3. анализ современных научных версий о генезисе, хронологии и внешних связях данной культуры;
4. анализ лексики современных народов, проживающих на данной территории, на предмет выявления лексических заимствований из языка создателя исследуемой археологической культуры;
5. анализ мифов и легенд современных насельников территории и потомков ее древних обитателей, с целью выявления дополнительного аргументирующего материала.

Естественно, углубленные и детализированные исследования по всем этим пунктам непосильны для одного автора, поэтому его исследование было построено на макро-уровне (книга «Сага о Кавказе»). А в данной работе лингвистически анализируются наиболее оригинальные предметы, и устанавливается этническая принадлежность их создателей.

Постулируя существование лингвистического источника в возникновении ряда устойчивых во времени и пространстве художественных канонов и подчеркивая роль языка и «языческих» традиций в их консервации, приведу некоторые примеры из археологии. Речь пойдет о довольно оригинальных изделиях, имевших широкое распространение – сапожкообразных сосудах для питья (табл.1).

Демонстрация нижеследующего ряда керамических и металлических сосудов, изготовленных в хронологически разные эпохи, охватывающие три тысячелетия, и выявленных на довольно отдаленных друг от друга территориях, явно указывает на то, что эта художественная форма, не продукт индивидуализма и отвлеченной абстракции ремесленника. Она не имеет объяснения, ни с точки

зрения общепонятных ассоциативов, ни с точки зрения улучшения функциональности такого древнего изобретения, как керамический сосуд для питья. Заметим, что это именно сосуды для питья, а не для хранения жидкостей. Существенные хронологические разрывы в датировке этих экстравагантных изделий не позволяют говорить о преемственности форм, так же, как и их территориальная разбросанность. Спонтанность их появления и устойчивость «обувной» интерпретации сосудов связаны с этнической принадлежностью их изготовителя к тюркской языковой семье. **Во многих тюркских языках, в том числе и карачаево-балкарском, слово «аяк» имеет два значения - «нога» и «чаша для питья».**

Табл.1 Сапожкообразные сосуды:

1. Украина. Трипольская культура. III тыс. до н.э.
2. Турция. Анатолия. Кюль-Тепе. II тыс. до н.э.
3. Венгрия. Область Хайду-Бихар. Культура Эдьек. Бронзовый век.
- 4-7. Закавказье. Армения, Азербайджан. Середина I тыс. до н.э.
8. Кавказ. Кобанская культура. Вторая половина II тыс. до н.э.
- 9 – 10. Иран. Хасанлу. XI век до н.э.
11. Северное Причерноморье. Первые века н.э.

Как образовалось такое двусмыслие? Древнетюркское слово «каб/кап/габ» - сосуд, горшок, этимологизируется и дословно означает «оболочка». Связь

понятия «оболочка» с понятием «сосуд» довольно прозрачна, ведь сосуд и есть глиняная оболочка. Но слово «каб» - оболочка, участвует и в создании устойчивой фразы «аяк каб» - обувь, дословно означающего «ноги оболочка», но приобретающего игривый смысл «нога-сосуд». К примеру, и в современном карачаево-балкарском языке, слова «габаш» и «каблау» означают обувь, и в них ложно присутствует древнее слово «сосуд». Длительное употребление фразы «аяк каб» – обувь, привело к тому, что в целом ряде тюркских языков, в том числе и карачаево-балкарском, слово «аяк» - нога, самостоятельно стало означать и чашу - сосуд для питья, не имея при этом удовлетворительной этимологии. Данный небольшой историко-этимологический анализ двузначного слова «аяк» - 1.нога; 2.чаша, проясняет спонтанность возникновения и одновременно устойчивость существования этой художественной формы керамических сосудов для питья, продиктованной игрой тюркских слов. Эта игра слов тюркского языка может стать основой калькированного заимствования в другие языки и аналогичных лексических связей «нога-сосуд», **но в тюркских языках она имеет объяснение и этимологию.** Интерес, в этой связи, представляет происхождение русского слова «бутылка», германского «Buttel», английского «Bottle» в том же значении «сосуд». В корне этих слов присутствует общетюркское слово «бут» - нога, синоним слова «аяк»- 1.нога; 2. чаша, но только в его первом (!) значении.

По сообщению известного балкарского фольклориста и историка М.Ч.Джуртубаева, длительное время занимающегося изучением фольклора, истории и культуры балкарцев и карачаевцев, в недалеком прошлом, в ритуалах застолья у балкарцев засвидетельствован следующий факт. В случае, когда глава застолья - тамада, произнося обычную фразу «аягынгы кётюр» - подними чашу, предоставлял кому-либо право сказать тост, тостующий вставал, поднимал чашу, **но при этом приподнимал и загибал одну ногу за другой.** Факт «застольной гимнастики» не имел удовлетворительного объяснения, но явно указывал на вербальный характер действий тостующего, вызванных абсолютной фонетической тождественностью фраз «подними чашу» и «подними ногу», сказанных тамадой, в повелительном наклонении. В балкарских застольях и до сегодняшнего дня случаются лексические курьезы в связи с двусмысленностью этой фразы.

В случае ошибочного заимствования этой застольной лексической формулы в традициях и речи другого соседнего народа также может появиться застольная фраза «я поднимаю золотую ногу», подразумевающая «я поднимаю золотую чашу». Такой факт заимствования действительно имеется. Со слов известного этнографа-кавказоведа Я.В.Чеснова лет десять назад автору данной книги довелось услышать следующее. В обрядовых застольях у абхазов существует фраза: «я ежегодно поднимаю золотую ногу бога». Заинтересовавший этнографа факт указывает на то, что эта застольная лексическая формула у абхазов является ошибочно калькированным заимствованием из языка соседей – карачаевцев, балкарцев.

Рис. 1

Теперь обратимся к германскому языку и проведем историко-этимологический анализ одного из слов означающих сосуд для питья. Слово «Voskal/Poskal» - бокал, кружка, имеет, несомненно, германское происхождение и происходит от слова «Vosk», означающего «козел», «баран», «бык» (самцы).

Связь понятия «сосуд для питья» с названием этих домашних животных довольно прозрачна, поскольку их обработанные рога издревле служили в качестве сосудов для питья. Небьющихся, функционально удобных. Их можно носить, подвесив к поясу. Рога-сосуды использовались у многих народов, но в германском языке этот факт отражен в лексике, что предопределяет возможность материализованной реализации этой игры слов германским мастером-керамистом или ювелиром.

Рис.2

Рис.3

Рис.4

1. Кобанская культура. Ритон с протомой в виде головы тура. Первая половина I тыс. до н.э.
2. Скифская торевтика. Друзья с рогом – бокалом (скифский «брудершафт»). Вторая половина I тыс. до н.э.
3. Иран. Серебрянный ритон в виде головы барана. V век до н.э.
4. Урарту. Ритон в виде головы быка из Эребуни. V-IV вв. до н.э.

Стоит обратить внимание на приводимый ряд сосудов для питья, изготовление которых гипотетически можно приписать германскому мастеру.

Другое общеизвестное русское слово «кубок», вероятно, также имеет древнегерманское происхождение и означает «бык» - «Khubock» (дословно «самец коровы»), отражая традицию изготовления сосудов для питья из бычьих рогов.

На ритоне в виде бычьей головы изображен и флейтист. Можно, конечно, в семантике изделия подразумевать, что это праздничный ритон для пиршеств, на которых обязательно звучит и музыка, а для застолья производится убой быков.

Но стоит обратить внимание на игру слов в германском языке:

Schale – чашка (посуда).

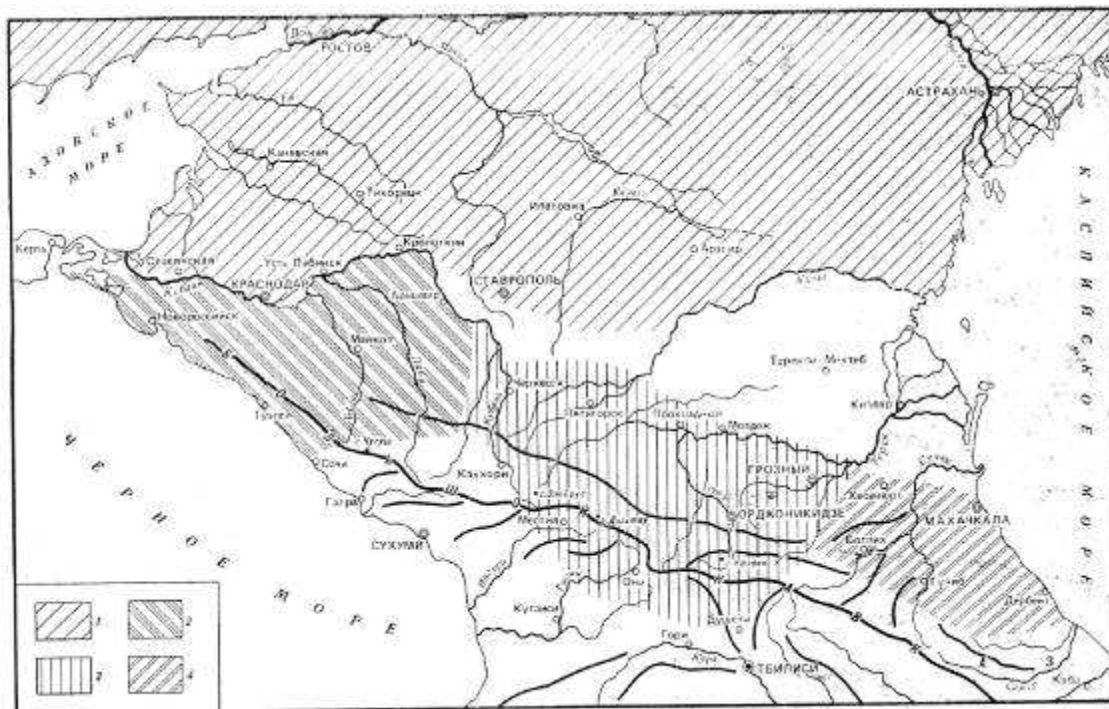
Schalmai – свирель, дудка.

Автор не утверждает, что древнее государство Урарту было германским, а лишь обращает внимание на этот ритон, изготовить который (гипотетически) мог древнегерманский ювелир. Подобный сюжет флейтиста на сосуде автору встречался и по материалам из Причерноморья скифского времени.

Как видно, основанная на этом методе этническая интерпретация создателей тех или иных оригинальных форм керамики или металлопластики может иметь довольно высокую достоверность.

Теперь, поскольку работа в основном посвящена Кавказу, углубимся в лексико-семантический анализ элементов художественной пластики и зооморфного стиля одной из ярких археологических культур Кавказа эпохи поздней бронзы - кобанской археологической культуры. При этом в тексте приводятся аналогии из других культур, связь которых с Кавказом известна специалистам.

Глава II. КОБАНСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КАВКАЗА

Карта 1. Схема распространения археологических культур Северного Кавказа. Вторая половина II тыс. до н.э.

1. Срубная культура.
2. Прикубанская культура.
3. Кобанская культура.
4. Каякентско-хорочоевская культура.

Данная археологическая культура существовала по обе стороны Центрального Кавказского хребта примерно с середины II - тысячелетия до н.э., являясь на тот период одним из передовых металлургических центров, имевшем весьма далекие внешние связи как в Европе, так и в Азии. Исследуемая культура была неоднородна по этническому составу и включала в себя как представителей германского, так и тюркских этносов. Ряд фактов указывают на два тюркских компонента в кобанской среде. Одни говорили на языке огузской ветви - «йокающий» диалект, предположительно туркмены, а другие на «джокающем» диалекте тюркского языка - протоболгары, предки нынешних балкарцев и карачаевцев. Германский язык, на котором разговаривала часть кобанцев, был близок по лексике современному немецкому языку.

Автор прекрасно понимает чувства специалистов - археологов, историков, этнографов, лингвистов-кавказоведов, читающих эти строки, но просит набраться терпения и ознакомиться с аргументирующими материалами, приняв вышеизложенное утверждение за **изначальную гипотезу**. Комплексный аргументирующий материал достаточно серьезен. Многие, из изложенного, абсолютно не будут соответствовать принятым научным концепциям по проблемам этногенеза кавказских народов, истории Кавказа и Великого пояса степей Евразии, но поможет раскрыть некоторые страницы истории транскавказских миграций народов Европы в пределы Малой Азии и Ближнего Востока. Появление в Малой Азии волны **европейских** народов, образовавших хеттскую империю, давно привлекает интерес ученых, а Кавказ рассматривается как один из возможных путей их продвижения. Но подобные спонтанные перемещения народов не возможны. Для этого должна быть определенная цель и необходима организация самого процесса миграции или военного похода. Должен быть проведен предварительный сбор информации об интересующей

территории, ее населении, ресурсах, климате, изучены пути достижения интересующей территории. А в ходе миграции, возможно, часть потока европейских переселенцев оседала по ходу движения, в том числе и на Кавказе.

Реконструируя этническую ситуацию на Кавказе эпохи поздней бронзы и раннего железа, и утверждая присутствие в рамках одной археологической культуры - Кобанской, носителей как германского, так и тюркского языков можно предположить, что данное сообщество находилось на стадии двуязычия, т.е. определенная часть населения владела как родным языком, так и языком соседнего народа. Подобная межэтническая ситуация довольно банальна и имеет множество аналогий как в древнейшей, так и в новейшей истории мирового общежития. На Кавказе подобная ситуация двуязычия существует уже много столетий, как в малых локальных вариантах, так и в общекавказском варианте. Так, например, общим языком межнационального общения для всех кавказцев сегодня является русский язык, а совсем недавно кумыкский язык являлся локальным языком общения многонационального Дагестана, да и многие кавказцы знали язык соседнего народа для минимального уровня бытового общения. Исходя из реальности подобной ситуации и практики межэтнического общения, можно согласиться с предположением о стадии двуязычия в среде тюрко-германского населения.

Теперь конкретно перейдем к чтению истории Кавказа по археологическим материалам кобанской культуры, рассматривая отдельные группы предметов. При этом будем пользоваться вышеописанным методом, анализируя семантику гравированных изображений и металлопластики, сопоставляя ее с лексикой заявленных языков с целью выяснения этнической принадлежности мастера-металлурга.

При ссылке на балкарскую лексику в дальнейшем будет использоваться один из этнонимов «балкарцы» или «карачаевцы», поскольку это единый этнос и язык.

1. ТОПОРЫ. Один, из довольно специфичных элементов кобанской культуры, с характерной формой изгиба и весьма оригинальными гравировками на лезвиях. Топоры - инструмент весьма древний. Изначально они могли появиться как орудия труда для лесоповала и деревообработки, и только затем трансформироваться в вид боевого оружия. **Это логичное предположение справедливо, в первую очередь, для древних жителей регионов с обширными лесными массивами.** Ландшафт диктует выбор форм хозяйствования, жилищного обустройства, и как следствие определяет развитие тех или иных форм орудий труда. К примеру, у оседлого аборигенного населения безлесных степей или песчаных пустынь потребности в таком **орудии труда** нет, следовательно, не может быть и приоритета в его изобретении и массовости его среди орудий труда. Но в археологии известны топоры и другого рода – кельты, имеющие поперечное расположение лезвия относительно топорика. Изначально они произошли от земледельческих орудий труда – мотыг, служивших для выкорчевки кустарников и обработки почвы, а не появились как инструмент для деревообработки или оружие. В дальнейшем, по мере социального развития обществ и появления войск, топоры и облегченные кельты стали видом **боевого оружия**. Малые формы кельтов используются и в специфичных операциях выборки пазов при деревообработке. Следовательно, у различных народов в названиях топора исторически могут сложиться оба значения - и «мотыга», и «топор».

Рассмотрим теперь топоры кобанской культуры и семантику их гравированных изображений, среди которых встречаются изображения оленей, собак, козлов, лошадей, рыб, змей, несопоставимые (!) с функциями топора, как

инструмента. Массовы, также, изображения солярного знака – свастики (?!). И естественно, подобные гравировки должны вызывать интерес и находить логичное объяснение.

1. Олень, собака, змея. Одни из устойчивых зооморфных сюжетов в гравированных орнаментах кобанских топоров. В контексте нашего исследования интерес представляет сопоставление названий оленя, собаки, змеи и топора в языках этносов, заявленных автором данной работы, как создателей кобанской культуры.

САГ - олень. Очень значимое для исследования слово, присутствующее в нескольких языках, принадлежащих к разным языковым семьям. Оно присутствует в осетинском языке, вероятно восходя к его дигорскому диалекту, в котором означает еще и **козла**. Присутствует в древнеогузском, бурятском, монгольском, тушинском, славянских языках, иногда с незначительной трансформацией корневого гласного.

1.Sag – олень (осет).

2.Sagaan – олень (бурят).

3.Сугак - антилопа (украин).

4.Сайгак – антилопа (русск). Вероятно из древнеогузского «сагак», сопоставимого с украинским «сугак», закономерно перешедшего в тюркских языках в форму «сайгак» и заимствованного в русский язык.

5.Suhak – антилопа (польск).

6.Сугун – олень (туркм.).

7. Саг – олень (тушин.)

Выявление этнического источника происхождения данного слова, является ключевым моментом в установлении исторической истины относительно некоторых археологических культур. Для того, чтобы развязать «гордиев узел» происхождения и принадлежности слова «саг» – олень, предложу следующий этимологический анализ. Слово «саг», в значении «голова», является, несомненно, древнетюркским словом и от него происходят следующие тюркские понятия:

- саг – голова
- саг – чуткий, осторожный;
- саг – собака (от понятия «чуткий», «осторожный»);
- саг – сторож; охранник (аналогично русскому словообразованию «сторож» «осторожный»);
- сагыш – мысль;
- сагына – вспоминать;
- **сагана** – надмогильная стела (оленный камень!); мавзолей (дословно «вспоминая», «поминальник». Образовано аналогично семантическому ряду «память» > «памятник» в русском языке).

С тюркским понятием «чуткий», «осторожный» - **саг**, и связано, по мнению автора, название **оленя, горного козла и собаки**, отражая древность возникновения этих слов в период первобытного общества охотников. Чуткость обоняния и слуха этих животных и осторожность поведения оленя и тура продиктовали возникновение этого слова, принадлежавшего к древнему пласту охотничьих терминов. Синонимическое тюркское слово «буг», «буга»- прячься, прятаться, прячься, относиться к тому же классу понятий и употребляется в отношении самца оленя, но в тоже время означает домашнего **быка**. Этимология слова «буга» – бык, подтверждает, что изначально оно относилось к оленю, а затем перешло на одомашненное животное - быка. Аналогичное употребление слова «бык» и к домашнему животному, и к оленю-самцу имеет место и в русском языке. Таким образом, предположение о древнеогузском происхождении

слова «саг» – олень, козел, собака, не лишено оснований. Именно многозначность древнеогузского слова «саг» сыграла огромную роль в появлении ряда художественных форм в зооморфной металлопластике и орнаментах на изделиях, начиная с эпохи бронзы. В данном исследовании автор придерживается огузской гипотезы происхождения слова «саг» - олень, козел, собака, ввиду более высокой и достоверной результативности лексических трактовок этого символа в археологических материалах - металлопластике и керамике эпохи поздней бронзы. То, что оно присутствует и в языке ираноязычных осетин, где также означает и оленя, и козла, имеет свои исторические причины. Дело в том, что ранняя история и этнические корни осетин-дигорцев связаны с древними огузскими племенами.

Исторические процессы всегда связаны с взаимопроникновением этнических культур, смешением народов и факты смены языка и ассимиляции не являются редкостью и сегодня. Это норма и суть этногенетических процессов.

Теперь приведу ряд тюркских слов, в которых присутствует фонема «саг/сак» и их семантику:

САГ – 1.голова;

2.осторожный, чуткий;

3. олень;

4. козел (горный тур);

5. собака;

6. бить; колоть, пронзать;

7. правый (-ая), (о стороне);

8. сжимать; прессовать;

9. доить.

САКСАК - жалить, колоть, (применительно к змеям и насекомым). Это туркменское слово построено на удвоении глагола «саг/сак» - колоть, пронзать, жалить. Его закономерная фонетическая форма «саксаул» < «саксакул» известна и в русском языке, как название кустарника песчаных пустынь Средней Азии. Для данного исследования важно то, что слово «саксак» - жалить, т.е. «колоть» в туркменском языке употребляется применительно к змеям. Для фразеологии балкарского языка характерно иное. В нем нет выражения «змея укусила», «змея уколола», а говорят «джылян урду» - змея ударила, что действительно отражает факт молниеносности удара змеи. Тюркский глагол «ур» – бей, является омонимом или ложным корнем существительных «ур», «уран» – змея. Таким образом, изображение змеи, в тюркской трактовке, может передавать глагол «бить». Изображение змеи на топорах встречается на Кавказе и в период средней бронзы - в северокавказской культуре, с которой связана последующая кобанская культура (С.Б.Бурков, 1985, с.140, 142,144; С.Н.Корневский, 1984, с.263, рис.9.5, 9.10).

САГА - топор, мотыга. Данное древнеогузское название и мотыги и топора происходит от глагола «саг» – бить, колоть. В грецизированной форме «сагарис» оно засвидетельствовано Геродотом (IV.70) при описании боевого вооружения **массагетов**, признанных по данным этнографии предками **современных туркмен**. Все анализируемые фонетические формы с «саг» восходят к огузским диалектам, к которым принадлежит и туркменский язык. Даже для современного туркменского языка характерны наиболее древние фонетические формы ряда общетюркских слов. Древнеогузское слово «сага» - топор, в фонетической форме «сугэ», присутствует и в монгольском языке. В лексике балкарского языка также присутствует древнеогузское слово «сага» – мотыга; топор-кельт. Это слово «чага» - мотыга. При этом надо отметить, что для балкарского языка характерна замена огузского начального «с» на «ч» в целом

ряде слов: сач/чач – волосы; сачак/чачакъ – бахрама; сичхан/чичхан – мышь; сага/чага – мотыга; сак/чак – время, и т.п. Такие же переходы начального «с» в «ч» имеются и в узбекском языке.

Рассмотренная огузская лексика фонетического ряда с корнем «саг» и сопоставление его со словом «сага» – мотыга, топор, показывает, что варианты изображений на кобанских топорах **олений, собак, змей, козлов** являются своеобразной формой письменности и **огузскими фонетико-семантическими комплексами**, отражавшими название топора или передававшими глагол «бить». Именно комплексами, потому, что в ряде случаев на топорах одновременно изображаются и олень, и змея, и козел, и собака. Тот факт, что огузское слово «саг» – собака, присутствует в слове «сага» – топор, в качестве фонемы в массовом количестве отражено на гравировках и пластике топоров и колхидской культуры, родство которой с кобанской общепризнано, если не сказать, что это единая кобано-колхидская культура.

Скульптурные фигурки собак на обухе топоров по статистике, приводимой Теховым Б.В., известны по находкам в с.Рене, Каспского района Грузии, в Галиатском могильнике. Из 12 топоров подобного типа 10 экземпляров происходят с территории Грузии. Но предлагаемые трактовки семантики этого зооморфизма – собака на обухе топора, ошибочны. Так М.М.Грапш связывал фигурку собаки на куланурвхвском топоре с абхазским божеством Айтар – великим богом природы, размножения и особенно скотоводства (Техов Б.В. 1988, с.72), что малоубедительно. Изображения кобано-колхидских топоров с указанными гравировками приведены в **табл.1**

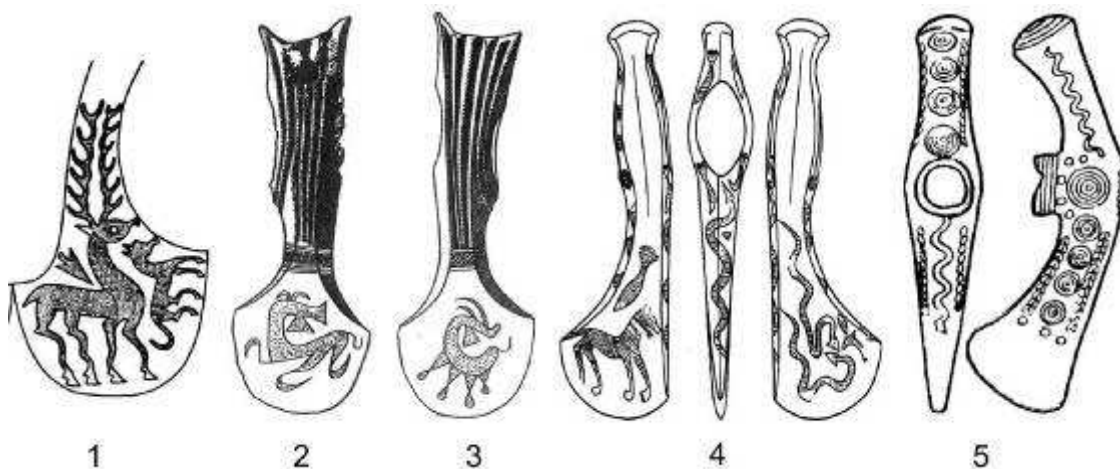

Таблица 1. Кобано-колхидские топоры с изображениями оленя, собаки, козла, змей.

На рис. 5 представлен топор более ранней, северокавказской культуры эпохи средней бронзы, с которой генетически связана кобанская культура. Изображение змей встречается на топорах обеих культур.

Чтение гравировок следующее:

САГ – олень; собака; козел (др.огуз.).

САГ/САК/САКСАК – бить; колоть; жалить (о змеях, насекомых, колючках и т.д.).

САГА – топор; мотыга; топор-кельт.

Как видно из данного ряда древнеогузских слов, животные являются «фонемой» для передачи слова «топор».

Возвращаясь к гипотезе об этногенетической связи осетин-дигорцев с огузами-туркменами, отмечу, что у дигорцев, в качестве пословицы, сохранилось выражение **«пришел как олень к топору»**. Подобная пословица есть и у балкар-карачаевцев. Вероятно, это сохранившийся калькированный фразеологизм или

пословица из древнеогузского языка, в котором существовала игра слов «олень» и «топор».

Поскольку в начале данной книги утверждалось присутствие в составе кавказского населения, причастного к созданию кобанской культуры, и древних германцев, необходимо аргументировать и это заявление. Доказательная база этого утверждения строится на том же методе фонетического «чтения» археологических материалов. По результатам исследования автора, каждая этническая группа кобанцев, пользуясь одним и тем же методом, изобретала свои зооморфные и орнаментальные сюжеты, исходя при этом из игры слов в собственном языке или межязыковой игры слов. Это говорит о довольно тесных межэтнических контактах, имевших место и среди профессиональных групп металлургов. Логичность и естественность двуязычия в подобной полиэтнической группе населения уже высказывалась. Предположить разделение труда между этими этническими группами, как и внутри них, вполне правомерно. Одни - отливают заготовки топоров, другие - их обрабатывают и гравировуют. Подобное разделение труда среди оружейников явление известное.

Итак, приняв за рабочую гипотезу факт знакомства древних германцев с «языческими» традициями древнеогузских ремесленников и их активную деятельность в сфере металлургии, автором была предпринята попытка выявить элементы зооморфной пластики и орнаментации, связанной с лексикой германского языка. Эти поиски германских «фонетико-семантических» художественных форм также дали весьма убедительные результаты.

Рис.6

Топоры, как известно, являлись одним из излюбленных видов боевого оружия древних германцев и средневековых викингов. И естественно автор занялся исследованием германской лексики, связанной с терминами «топор», «мотыга», «рубить», «колоть», «мотыжить» и т.д. И выяснилось следующее. В современном немецком языке присутствует очень древнее и интересное слово **«Hacke»** – мотыга. В древности, по результатам исследования автора статьи, оно также означало и топор, калькированно или независимо повторяя огузское многозначие слова «сага» –

топор, мотыга. Фонетико-семантический ряд германских слов: **«Hacke» – мотыга; топор; «hacken» – 1.колоть, рубить; 2.мотыжить; 3.клевать (применительно к хищным птицам)** довольно прозрачен с точки зрения этимологии и указывает на ассоциативную связь процесса работы мотыгой с клевком хищной птицы. Эта фонетико-семантическая связь германской лексики и стала основой появления явно выраженных клювовидных топоров уже на ранней стадии становления археологических культур поздней бронзы Кавказа. Клювовидные топоры были характерны для колхидской культуры Западной Грузии, которую ряд исследователей верно отождествляют с кобанской культурой, употребляя совокупный термин колхидско-кобанская культура. Классификация колхидских топоров приведена в книге Д.Л.Коридзе «К истории колхской культуры», изданной в Тбилиси в 1965 году. Приводимый здесь на рис.6 клювовидный топор из Хеви взят из указанной работы (таблица XIX, рис.5). Мнение о единой колхидо-кобанской культуре основано на идентичности форм и гравировок топоров, являющихся определяющим элементом этих культур. Уже рассмотренные огузские фонетико-семантические комплексы: собака, олень, змея, также присутствуют и на колхидских топорах.

Одним из наиболее развитых в орнаментации кобанских предметов, как известно, является мотив свастики. Появление данного орнамента на определенных предметах не случайно, и связано с реализацией фонетических и семантических особенностей **германского языка**. Автор статьи прекрасно понимает, что аргументация германской этно-принадлежности свастичного орнамента на изделиях кобанских металлургов и утверждение гипотезы о проживании древних германцев на Кавказе в период бронзы может вызвать бурные отрицательные или положительные эмоции в определенных кругах, поэтому он заверяет, что свастика на кобанских бронзовых изделиях выполняла всего лишь (!) фонетико-семантическую роль, а не идеологическую. Ретропроекции идеологии новейшей истории на орнаменты эпохи бронзы, в данном случае, неуместны, как и навязывание автору работы солидарности с идеями фашизма.

Рис.7

Рис.8

Рис.9

Рис.10

проживании древних германцев на Кавказе в период бронзы может вызвать бурные отрицательные или положительные эмоции в определенных кругах, поэтому он заверяет, что свастика на кобанских бронзовых изделиях выполняла всего лишь (!) фонетико-семантическую

роль, а не идеологическую. Ретропроекции идеологии новейшей истории на орнаменты эпохи бронзы, в данном случае, неуместны, как и навязывание автору работы солидарности с идеями фашизма.

Итак, анализируя германскую лексику, отмечу, что немецкие слова «Наске»- мотыга, топор, и «hacken» - колоть, рубить, ложно присутствуют в названии свастики – «Hakenkreuz», дословно означающем «крюковый крест». Это позволяет трактовать название свастики, как фонетико-семантический ряд: «топор-рубить-крест-свастика», т.е. «рубящий крест-свастика», что и стало лексическим источником появления обычных крестов и свастик на топорах изготовленных древнегерманскими металлургами, проживавшими на Кавказе (рис.7-8).

Но это не единственно возможная игра слов в немецком языке. В указанном слове «Наске» - топор, мотыга, немецком слове «Hackbeil» - топор-колун, ложно присутствует слово «Наск» - лошадь. Хорошая игра слов, для того, чтобы германский оружейник мог отразить это в гравировках на топорах. Данное предположение можно было бы считать авторской выдумкой, но на кобано-колхидских (рис.9-11), а затем и скифских (рис.12), тагарских (рис.13) топорах действительно встречаются изображения лошади. Оно встречается на топорах из Глийского могильника (Техов Б.В.1980, табл.108, рис.4; табл.113, рис.1), бронзовый топор с фигурками лошадей на обухе был найден в окрестностях г.Гудауты (Техов Б.В.1988, с.72). Лошади изображены и на обухе скифского топора из известного Келермеского кургана (рис.12).

Рис. 11

Рис.12

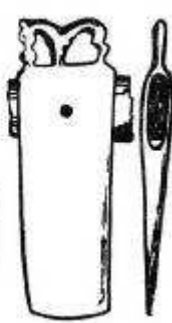

Рис.13

вероятно, из германского языка созвучность слов «лошадь» и «топор» проникла в тюркскую терминологию холодного оружия. В туркменском языке существует устойчивый фразеологизм «Ат-яраг», являющийся собирательной фразой означающей в целом «оружие», «вооружение». Он состоит из слов «Ат» – конь и «Яраг» – резак, (топор, нож) и, возможно, ошибочно калькирует немецкое слово «Hackmesser» -

вероятно, из германского языка созвучность слов «лошадь» и «топор» проникла в тюркскую терминологию холодного оружия. В туркменском языке существует устойчивый фразеологизм «Ат-яраг», являющийся собирательной фразой означающей в целом «оружие», «вооружение». Он состоит из слов «Ат» – конь и «Яраг» – резак, (топор, нож) и, возможно, ошибочно калькирует немецкое слово «Hackmesser» -

нож, в котором ложно присутствует и слово «Наск» – лошадь. Если в кавказских бронзах эта игра слов немецкого языка отразилась на топорах (др.герм.«Наске» - топор, мотыга), то в известной сеймо-турбинской культуре и в культурах Китая появились ножи с конеголовыми эфесами. Но подробнее об этом будет изложено далее.

Теперь важно отметить факт, что в живом немецком языке существует слово «metzeln» – резать, забивать скот, возникшее по предположению автора, на балкаро-германских созвучиях и лексических взаимопроникновениях. Немецкие слова «hacken» - колоть, рубить, и «haken» - зацеплять на крючок, застегивать, являются омофонами, т.е. фонетическими созвучиями, а балкарское слово «мет» означает и «застежка» и «ромб». В древности имело место искусственное германское словообразование, с использованием карачаево-балкарского слова «мет» - 1.застежка; 2.ромб, синонима немецкого слова «haken» - зацеплять на крючок, имеющего омофон «hacken» – колоть, рубить, мотыжить, копать. От слова «мет» и произошло германское слово «metzeln» - резать, забивать скот, имевшее древнее значение «колоть», «рубить». Оно присутствовало уже в готском языке, в словах «maitan» < «meten» - резать, рубить. Теперь обратите внимание на то, что немецкое слово «Messer» - нож, имеет и второй смысл «измеритель», «мера». Это также стало основой появления искусственного балкаро-германского слова «Metze» - *уст* гарнец, осьмина (мера). Уже в готском языке раннего средневековья также существовали созвучия: «mitan» < «meten» – мерить; «miton» < «meten» – измерять; «mitaps» < «metaps» – мера, созданные, по убеждению автора, искусственно на стыке германского и карачаево-балкарского языков.

Теперь представьте, что данная искусственная балкаро-германская лексика с корнем «мет» - ромб, появившаяся в немецком языке участвует в образовании фонетико-семантических орнаментальных мотивов в кобанских изделиях. Следовательно, надо ожидать, что на колыще-рубящем оружии, мотыгах и на определенной керамике – мерах объема (рис.14-17), могут появиться ромбические узоры – балкарская фонема «мет» в германских словах: «Metze» - *уст*. гарнец, осьмина (мера); «metzeln» – резать. И это не просто предположение, а факт, имевший глобальное распространение, а не только на Кавказе. Более наглядно схема калькирования фонем, создания искусственной балкаро-германской лексики будет приведена в отдельной главе.

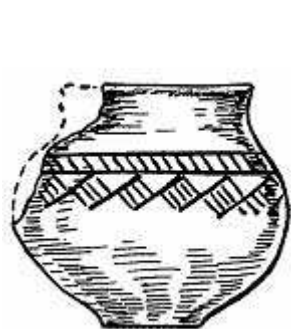

Рис.14

Рис.15

Рис.16

Рис.17

Одним из интересных геометрических орнаментов на кобанских топорах, является изображения клиньев (рис.17). Орнамент не случайный, поскольку встречается и в гравировках кельтов из Сибири, топоров из Северного Китая. Данный орнамент является художественной реализацией лексики германского языка, в котором от слова «Keil» – клин, происходит легко этимологизируемый

термин «Keilhaue» – кайло, дословно «клин – мотыга». Да и используемое в тексте русское слово «кайло», как видно восходит к германскому слову «Keil» – клин. Это дает основание предполагать, что клиновидная гравировка на топорах и кельтах сделана немецким металлургом. Да и германское слово «Hakenstein» – клинообразный, содержит слово «Hасke» - топор, мотыга, **поскольку поперечное сечение топора и мотыги - есть клин.**

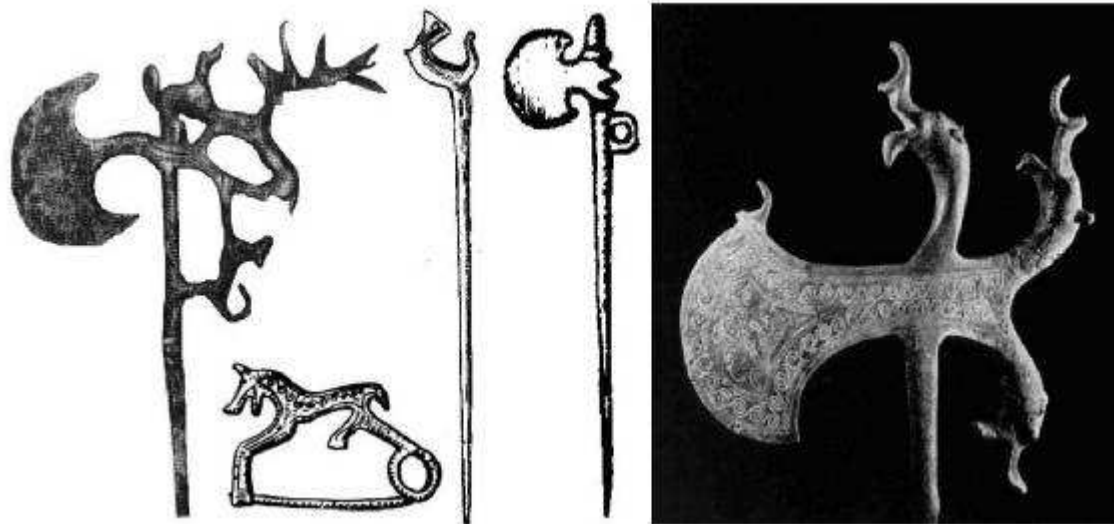

Рис. 18

Рис.19

Рис.20

Рис.21

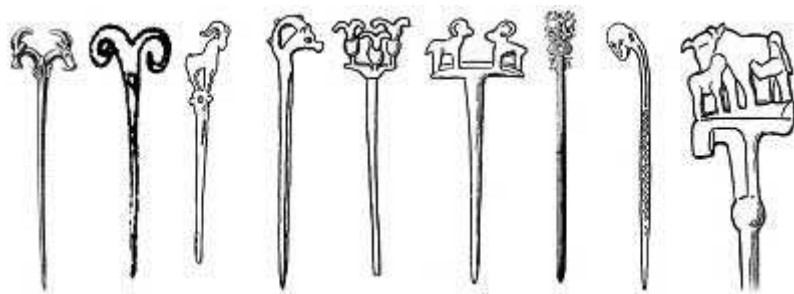
Рис.21

2. ШИЛЬЯ. Весьма устойчивыми зооморфными элементами в пластике кобанских шильев также является изображение **собак, оленей, козлов** на головках шил. При этом характерной особенностью изображений собак на шильях является подчеркнуто гипертрофированная шиповидность носа собак (рис.21). С чем это связано? По результатам поисков автора, опять таки, с полисемантизмом слова «саг» и лексическими созвучиями в древнегузском языке, реализованными в виде зооморфизмов в бронзовых изделиях. Вышеприведенное огузское слово «**саг/сак**» - колоть, весьма древнее. Уже в древнетюркском языке глагол «**сай**» означал «колоть», «прокалывать», «пронзать» и являлся следствием фонетического развития древнегузского глагола «**саг**» - **прокалывать, пронзать, бить** с закономерным переходом конечного «г» - в «й»; «в» или «у». Эта закономерность хорошо известна тюркологам и неоспорима. С этим значением слова «саг» связано и происхождение древнегузского слова «**сагау**» – шило, в котором ложно присутствуют слова «саг» - собака, олень, козел, голова; «сага» – топор. Это древнегузское название шила, в закономерной фонетической форме «**сайау**» < «**сагау**», имеется и в карачаево-балкарском языке. Гипертрофированная шиповидность носа собак, изображенных на кобанских шильях, связана с **устойчивым фразеологизмом**. Так, например, существует туркменская устойчивая фраза «**ит бурун**» – колючка, заноза, шип, дословно означающая «**собачий нос**», а балкарцы фразой «**ит бурун**» называют кустарник шиповника. Фраза «ит бурун» связана с тем, что в более древней, синонимической форме она звучала «саг бурун» или «саксак бурун», и имела два смысла «колющий кончик» и «собачий нос». Слово «бурун», помимо прямого значения «нос», означает «кончик», применительно к острым предметам. К примеру, слово «бурун» – нос, и в карачаево-балкарском языке применяется для обозначения кончиков режущих и колющих предметов: «сайау бурун» – кончик (нос) шила; «бичак бурун» – кончик (нос) лезвия ножа; «балта бурун» – кончик (нос) лезвия топора и т. д.

Данное этимологическое исследование полностью подтверждается стилистикой кобанских шильев (**сагау**), которые оформлялись как фонетико-семантический комплекс, с изображениями: топора (**сага**), оленя (**саг**), собаки (**саг**) (Рис.18-21), козла - **саг**, змеи – **саксак**, присутствующих в словах **шило** и **колоть, пронзать**. При этом указанные зооморфные символы встречаются на изделиях как в комплексе, так и отдельно. Золотая заколка для волос с изображением оленя найдена недавно и совместной российско-германской археологической экспедицией при раскопках скифских царских курганов в Туве. Но кобанская культура и прототипы изделий старше тувинских по датировке, что говорит о направлении распространения типологии зооморфизма с Кавказа на

Восток.

Шилья с козлиной головкой, подобные по семантике кобанским (рис.22-23) или из археологических материалов горного Дагестана (рис.24), встречаются нередко и далеко на Востоке от Кавказа.

22 23 24 25 26 27 28 29 30

В виде козлиных головок оформлялись рукоятки шильев и создателями карасукской (рис.25,26,27), тагарской, таштыкской (рис.28) культур. Учитывая, что кобанские изделия выполнены по более совершенной технологии литья бронзы по выплавляемым моделям, а таштыкские, например, представляют собой обкладку золотой фольгой резьбы по кости или дереву, можно согласиться с существующим мнением археологов, что бронзовый век «пришел» в южную Сибирь с запада уже в готовом и зооморфном виде.

Стоит обратить внимание на сюжет дойки коровы на головке шила из материалов карасукской культуры (рис.30). Ассоциация дойки и шитья – несовместима. Зато совместима огузская лексика.

Сагау – шило.

Саг – колоть, пронзать.

Саг – сжимать; доить (рис.30).

Сагмак - доить.

Саг – козел (рис.22-28).

Саг – голова (рис.29).

Сау – доить (кар.балк.).

Сайау – шило (кар.балк.).

Именно однокорневой ряд огузских слов стал причиной столь изощренной зооморфизации обычного шила. И если на Кавказе это были олени, козлы, собаки – фонема «саг», топоры – фонема «сага», входящие в слово «сагау» – шило, то в материалах карасукской культуры эта фонема дополнительно отражена через понятия «голова» - **саг**, и «доить» – **саг**, **сагмак** (рис.29,30). Изделия неподражаемо «красноречивы» и «разговаривают» на огузском языке. О связях кобанской культуры Кавказа с карасукской Южной Сибири известно по ряду научных работ. По утверждению Н.Членовой, кобанская и карасукская культуры имели связи «*вплоть до этнического и антропологического родства населения*».

Рис. 31

Рис.32

Рис.33

Рис.34

А что мог «сказать» по поводу оформления шильев немец-кобанец, проживавший на Кавказе. Он может отметить в своем языке созвучие слов: **Hack** – лошадь; **hacken** – колоть; **Hacke** – топор. И тогда на свет обязательно появится кобанское «германское» шило с топориком или с лошастью на ручке (рис. 31, по материалам издания Института археологии Кавказа, 2004 г.) или шилья с

всадником, бинарными конскими головами (рис. 32, 33, Козенкова В.И.1982, с.165, табл. XXXIV, рис.5-7). Нужно отметить, что и в германском, и в огузских языках слова колоть и топор созвучны, но «лошадь» на шиле – это чисто германское лексическое «изобретение». Фибула в форме лошади (рис.34) принадлежит позднебронзовой культуре эсте, существовавшей на северо-востоке Италии, между реками Минчо и Ливенца. Культура датируется началом I тыс. до н.э., а сама фибула сопоставима с кобанской фибулой с собакой, приведенной на рис. 19. Разница в том, что первая фибула (рис.19) – это реализация в металле огузской лексики, вторая (рис.34) – германской.

- Саг – колоть (огуз.);
- Саг – собака (огуз.);
- Сагау – шило (огуз.);
- Hack – лошадь (нем.);
- Hacke – топор (нем.);
- hacken – колоть (нем.).

«**Hakenkreuz**» - свастика, дословно «кривой крест». Но в этой германской фразе игра слов «haken» - кривой, и «hacken» - колоть, создает игровое понятие «колющий крест». Именно поэтому на одном из кобанских шильев, приведенном в специальной работе В.И.Козенковой (Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант, САИ, выпуск В2-5), был выгравирован орнамент из свастик.

Рис.35

Исследуемое полисемантическое слово «саг» – олень; козел; собака, присутствует в качестве фонемы и в древнеогузском слове «сагут» – 1.посуда; 2.инструмент; 3.оружие, которое в современном карачаево-балкарском языке существует в закономерной фонетической форме «саут» с теми же значениями. Это дает основание предположить, что древнеогузская фраза «сагут гулак» – ручка сосуда, дословно «ухо сосуда», могла стать основой стилизации ручек кобанских сосудов в виде собачей головы с гипертрофированными ушами (рис.35), что подчеркивало игру слов «саг» - собака, «сагут» – посуда, «гулак» - 1.ухо; 2. ручка (у сосудов). Современная карачаево-балкарская фраза «саут кулак» - ручка сосуда, дословно «ухо сосуда», подтверждает данное предположение. Учитывая вышеприведенные фонетические совпадения, присутствие многозначной фонемы «саг» в слове **сагут** - посуда, **sagraq** – кубок (др.тюрк.), нужно ожидать, что на сосудах кобанцев-огузов могут стилизованно изображаться также **олени, козлы** (в том числе стилизованные в виде двуххвостного орнамента), **или собаки**.

Подобные факты также имели место в зооморфной пластике и граффити на кобанских и иных кавказских сосудах. На рис.35 (а,б) приведены образцы художественной керамики из древней кавказской Албании (Азербайджан), этническая принадлежность населения которого также вызывает споры. Но и в данном случае присутствует «говорящая» (!) огузская (!) керамика, которая

передает древнетюркское слово **sagraq** – кубок, реализованное через вышеисследованное слово **саг** – **олень; козел** (рис.35а !!!). Сосуды приведены по материалам Дж. Халилова, опубликованным в многотомнике «Археология СССР».

В приведенном выше ряде значений древнеогузского слова «саг/сак» нужно обратить внимание на абсолютную фонетическую тождественность слов «голова» и «собака» и известного античного этнонима «сак» - прямых предков казахов, ногайцев. Эта игра слов также нашла отражение в мелкой антропоморфной пластике кобанцев. Так в работе В.И.Козенковой «Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант», опубликованной в САИ, выпуск В2-5, приводится следующее описание антропоморфной глиняной статуэтки:

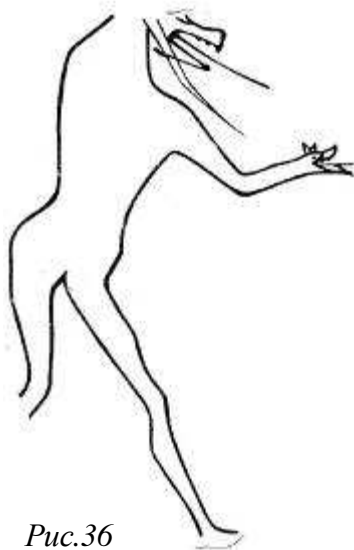

Рис.36

«Псоголовое существо (1 экз.). Статуэтка мужчины с подчеркнутыми половыми признаками, широко расставленными ногами и руками, вытянутыми вперед, но с головой собаки.» (ук. издание, стр.70, и табл.ХLIII, 28). Данный факт изображение собакоголовых антропоморфных фигур явление не исключительно кавказское. Оно имеет параллели и в графике центральноазиатских стел. Так, например, древнее изображение собакоголового андроида приводится в работе Л.Р.Кызласова «Древнейшая Хакасия» (МГУ, 1986, с.212, рис.141; с. 214, рис.142). Приводимый здесь рисунок (рис.36) из указанной работы очень ценен с точки зрения сопоставления его с кобанской пластикой. Собакоголовость андроидов в обоих случаях, кавказском и центральноазиатском, явно не случайна и основана на абсолютном фонетическом тождестве огузских слов «голова» и

«собака» - **саг**, и слова **сагт** – облик человека, статья. Но стоит обратить внимание и на изображение **правой** руки андроида из Хакасии. Огузская фраза «саг гол» - правая рука, имеет варианты игры слов «собачья рука» или «собака-голова-рука», что и реализовано в граффити из Хакасии. В материалах мелкой кобанской бронзовой пластики также известны подобные случаи изображения собак исключительно на **правой** руке (рис.37). В обоих случаях (кавказском и хакасском) собака – это передача понятия «правая» рука. Слово «саг» в значении «правый (ая)», применительно к стороне, образованно от понятия «чуткий» и связано с лексической констатацией факта повышенной управляемости и дееспособности правосторонних конечностей тела - руки, ноги.

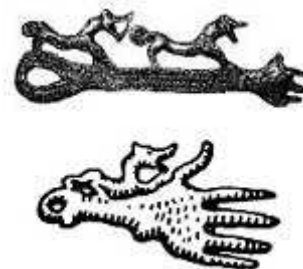

Рис.37

В современной Балкарии широко известен двусмысленный топоним «Ит кол» - **1. собачья рука; 2. собачье ущелье**, ставший названием одноименной

гостиницы «Иткол» в Приэльбрусье. Со словом «кол» дело обстоит просто, оно означает как «рука», так и «ущелье», «русло реки». Участие слова «рука» в образовании топо- и гидронимии факт широко известный во многих языках. Но вопрос вызывает слово «ит» – собака, определяющее ущелье, как «собачье». По мнению автора, к собаке этот топоним не имеет никакого отношения, хотя современные балкарцы пробуют объяснить его исходя из «народных» этимологий и преданий. На самом деле этот топоним похож на древнеогузский топонимический термин «правое ущелье», который мог применяться к наименованию правого бокового ответвления от основного Баксанского ущелья. Данный факт говорит о том, что в балкарский язык название этого частично калькированного топонима, вероятно, попало от древних туркмен, проживавших в исследуемый период кобанской эпохи совместно с балкарцами, что и было заявлено в качестве рабочей гипотезы в начале данной работы. А приводимые на рис.37 кобанские изделия мелкой металлопластики пластики могли иметь иную функциональную семантику, например, застежек для **колчанов**. В тюркском, по происхождению, слове – **колчан**, присутствует тюркское слово **кол** – **рука**. Также интересны связи слов: **саг** – **собака**, и **сагдак** – **лук** (оружие).

Таким образом, можно констатировать, что игра древнеогузских слов рука – колчан, собака- лук, и фонетическая тождественность фраз «правая рука» и «собачья рука», отразилась как в кобанской бронзе и топонимике Балкарии, так и в граффити из Хакасии. Связующим звеном между этими территориями и материализованными лингвистическими фактами являются киммерийцы, народ оставивший следы своего пребывания на довольно обширных пространствах Евразии. Но более подробно об этом будет изложено в следующих главах данного исследования.

3. ДЕТСКИЕ НОЖНЫЕ БРАСЛЕТЫ.

Данная этнографическая особенность кобанских погребений (рис.38) также связана с этнографией туркмен, в культуре которых детские ножные браслеты-обереги, называемые «**бурма**», сохранились до современности. Они представляют собой кольцевые лодыжные браслеты, надеваемые **исключительно на мальчиков** с целью оградить их от влияния злых сил и случайных увечий, и носятся ими до достижения подросткового возраста. Браслеты кольцевые, но их название, слово «бурма», легко этимологизируется и означает «**закрученный**», «**завиток**», «**пружина**», а его семантика

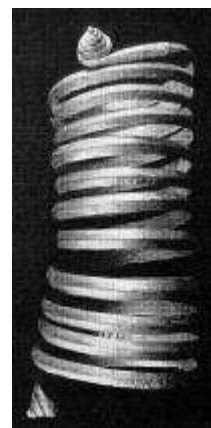

Рис.38

реализована в геометрии кобанских спиралевидных и кольцевидных детских ножных браслетов. Опять прослеживается явная этнографическая параллель в культуре туркмен и кобанцев. Ножные браслеты у кобанцев также являлись принадлежностью **исключительно детских и подростковых захоронений мальчиков**, что отмечено в работе В.Б.Ковалевской:

« В погребениях мальчиков устойчивый, хотя и весьма небогатый набор вещей: на ногах бронзовые браслеты (архаическая черта для данного могильника, так как ножные браслеты характеризуют предшествующий этап кобанской культуры), рядом с погребенным – астрагалы для игры в «бабки»» (1984, «Кавказ и аланы», с.42-43).

В карачаево-балкарском языке слово «бурма», также дословно означает «завиток», «витой», «закрученный», но нет сохранившегося этнографического подтверждения о существовании детских ножных браслетов-оберегов в материальной культуре предков карачаевцев и балкарцев, хотя есть косвенные сведения. У них существовал несколько другой обряд. Лодыжки только

начинающего ходить ребенка обвязывались восьмеркообразно шнурком, который затем разрезался посередине. Этот обряд имел целью ускорить навыки ребенка в ходьбе и предотвратить влияние злых сил, мешающих ему в этом. А прилагательное «бурма» - витой, крученный, имеет омофоном глагол повелительного наклонения «бурма» - не закручивай, не завивай. Этот амулет – обращение к злым духам – джинам, с просьбой или требованием не закручивать ножки ребенка, учащегося ходить.

В этой связи важно привести еще одну параллель из этнографии и вербальной детской обережной магии карачаево-балкарцев. Она отражена в одной детской песенке, называющейся «Тёгерек» (Кольцо). Если только начавший ходить ребенок падал, ему пели эту песенку:

Ой, тѣгерек, тѣгерек,

Ѓзюбизге не керек?

Ой, тѣгерек, тѣгерек.

Бизге энди оюн керек!

*Подстрочно: Ой, колечико, кольцо,
что для тельца нужно нам,
Ой колечико, кольцо,
нам теперь игра нужна.*

(Т.Биттирова. Жашау дерслери (Уроки жизни). Нальчик, 2005 г., с.9).

Рефреном в этой магической песенке-обереге для оступившегося и упавшего ребенка идет неоднократно повторяющаяся фраза «Ой, колечико, кольцо».

В принципе, семантика туркменской и карачаево-балкарской детской обережной магии сходна и связана с понятием кольца (тёгерек) или спирали (бурма) на ногах ребенка. А древняя балкарская песенка-оберег «Тёгерек» (Кольцо) перекликается с современными обрядами надевания на мальчиков ножных **колец-амулетов** и термином «бурма» (Кольцо, Спираль) у туркмен. Если сопоставить это с материалами детских (!) мальчиковых (!) погребений кобанской культуры, **то их этническая принадлежность не вызывает сомнений** хотя бы в рамках тюркской языковой семьи.

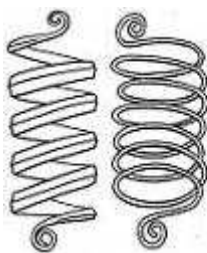

Рис. 38 а

Рис. 38 б

Подобные кобанским ножные детские браслеты-обереги встречаются в эпоху поздней бронзы и в Европе – в Венгрии (рис.38а, кошидерские бронзы), и среди материалов лужицкой культуры (рис.38 б). Однотипность браслетов с Кавказа (рис.38) и Венгрии

(рис.38а) поразительна. Не стоит упускать из виду и то, что это не просто детали украшений, а **элементы детской обережной магии туркмен**. Подобные элементы народной эзотерики, а тем более детской обережной магии, не экспортируются как обычный товар. Они могут распространяться только с носителями этой культуры и обряда.

На одном из кобанских браслетов, на утонченном конце браслета, имелось изображение **собаки**. Вероятно, это изображение также было фонемой «саг» - собака, для передачи одного из древнеогузских слов: «сага» - ребенок, «саглык» - здоровье, осторожность, или «саг» - стражник, охранник, т.е. оберег. Восстановить семантику данного зооморфного изображения можно только углубившись в указанную обрядность и ее терминологию у туркмен. В связи с изложенным, автор относит детские ножные браслеты в материальной культуре кобанцев к этнографическим особенностям **древних туркмен и карачаево-балкарцев**, проживавших тогда на Центральном Кавказе. Но с распространением

создателей кобанской культуры на запад, копии этих спиралевидных ножных браслетов появились и на территории Венгрии и среди материалов лужицкой культуры средней Европы.

Образ собаки в магии оберегательных обрядов тюрков имеет и другие аналогии. Игра древнеогузских слов и присутствие слова «саг» – собака, в слове «сага» – ребенок, и «саглык» – здоровье, нашло отражение в тюркских магических обрядах лечения больных детей. В недавнем прошлом больного рахитом ребенка карачаево-балкарские знахарки перекачивали на месте, где оценилась собака. Считалось, что это восстановит здоровье ребенка. Анализ этого обряда показывает, что и в данном случае имеет место вербальная магия и действия, проводимые на ее основе. Пережитки подобных обрядов и древних терминов отразились и в лексике. Интерес вызывает сопоставление карачаево-балкарского слова «кючюк» - щенок, с огузским словом «кючюк» - маленький, применяемым в общем значении, а не только к ребенку.

В обрядах, проводимых в первый год жизни младенца немаловажную роль играет обряд его первой стрижки и бритья головы, которую у карачаево-балкарцев обычно выполняет дядя по материнской линии. Первородные волосы ребенка называются при этом «итлик чач» - собачий волос. Этот термин характерен не только для кавказских тюрков – карачаево-балкарцев. Такой же термин «итлик чач», применительно к первородному волосу ребенка, употребляется и у алтайских тюрков. У них имеется и легенда о собаке, не имевшей волосяного покрова и охранявшей по велению бога первого созданного им ребенка – предка людей. Но в обмен на шерсть собака допустила к младенцу злого демона Ерлика, плюнувшего на творение бога. За это собака была проклята богом и отдана в вечное услужение человеку. Фразеологизм и легенда, несомненно, интересны, но они являются всего лишь более поздними кальками с древнеогузского языка и мифологизированными попытками их разъяснения. Древнеогузская фраза «сага сач» – детский (первородный) волос, допускает игру слов и может трактоваться как «собачий волос», ввиду указанного созвучия слов «ребенок» и «собака». Эта фраза при синонимическом калькировании в форму «итлик чач» - собачий волос, теряет связь с понятием «ребенок» и становится несколько абстрактной для обозначения первородных волос ребенка. Это указывает на то, что древний огузский фразеологизм и игра слов в нем первичны, по отношению к карачаево-балкарскому и алтайскому синонимически калькированным терминам «итлик чач», утеравшим первичное значение.

4. ШЕЙНЫЕ ГРИВНЫ. Удивительная деталь кобанской культуры, должным образом не отмеченная многими исследователями, - **шейные гривны**, ставшие широко известными лишь столетия спустя в культуре скифов, кельтов, сармат, алан и целого ряда других народов. Роль кобанских племен Кавказа в сложении материальной и духовной культуры этих народов еще не оценена должным образом. Замечу, что самые древние образцы характерного для скифов и сармат вооружения, этнической символики и некоторые религиозные культы связаны с Кавказом.

Теперь подробнее о генезисе такого оригинального элемента культуры кочевников, как шейные гривны. Они появились не случайно, а явились результатом все тех же лингвистических упражнений и увлеченности кобанцев-тюрков «народной» этимологией. В тюркских языках имеется слово «ас», означающее «род». Оно существует параллельно другим терминам в том же значении: «ок»; «огуз»; «таг»; «сыр»; «арыс»; «жуз»; «эн»; «кума» и т.д. При этом для различных тюркских народов характерно преимущественное употребление некоторых из них. В древности слово «род» могло употребляться и как

самоназвание народа, что заметно и в русских терминах «род» и «народ». Относительно истории тюрков, это отразилось в возникновении таких античных и раннесредневековых этнонимов, как «ас», «аристей», «огузы», «куманы», которые, возможно, и построены на словах, означающих понятие «род». В древнем карачаево-балкарском языке для обозначения рода употреблялись слово «ас», «эн», «сыр», «кума», откуда происходят слова: «асыл» – родовитость, честь, благородство; «асыллы» – благородный (по происхождению рода); «сырма» – благородный, и термин «эн», означающий хозяйские, семейно-родовые метки у скота, в виде тавра и ушных надразов. В слове-этнониме «ас» – род, и скрыт источник возникновения элемента древнетюркской геральдики – шейной гривны. Древнее карачаево-балкарское существительное «ас» – род, фонетически абсолютно тождественно глаголу «ас» – души, вешай. В результате этого созвучия слово «асыл» – честь, благородство, происходящее от понятия «род», приобретает второй искаженный смысл – «удушись», а понятие «асыллы» – благородный, в виде игры слов трактуется как «удушенный». Таким образом, занимаясь «народной» этимологией, кто-то **из предков карачаевцев и балкарцев** и создал удушающую шейную гривну – «ожерелье благородства и чести». Оно было призвано для идентификации людей благородного происхождения из рода **асов**, что говорит о существовании у кобанцев-балкарцев родов царского, княжеского, жреческого или иного благородного происхождения.

За несколько столетий до появления скифских гривен, кобанские гривны, наряду с типичными для кобанской культуры фибулами, пинцетами и булавками стали распространяться в западном направлении. Уже в начале XIII века до н.э. шейные гривны появляются в Лужицкой культуре Центральной Европы, затем Высоцкой культуре Западной Украины рубежа II-I тыс. до н.э., Гальштатской и Латенской культурах Европы I тыс. до н.э. Шейная гривна и прямоугольная вертикальная ременная пряжка с ромбовидной гравировкой, близкие аналогии которой имеются в кобанских материалах, есть и среди материалов андроновской культуры. Это указывает на широкие внешние связи кавказского населения. Вероятнее всего, шейные гривны на указанных территориях изначально появились вместе с их носителями, **т.к. данный предмет являлся этногеральдическим символом благородства (княжеского сословия) и вряд ли мог экспортироваться как обычный товар (!!!)**. В дальнейшем этот символ благородства мог быть заимствован правящими социальными группами других народов, поскольку распространение элементов культуры одного народа в среду других явление мировое и известно с древнейших времен. Сопоставление инвентарных комплексов, обрядов погребения и краниологических материалов конкретных погребений с указанными шейными гривнами и их датировка даст более точный ответ на вопрос о месте возникновения и направлениях распространения шейных гривен и их носителей. Автор придерживается мнения, что они впервые появились на Кавказе, в среде носителей этнонима «ас» – предков карачаево-балкарцев, откуда затем и распространились.

Среди карачаево-балкарских слов, передающих понятие «род», интерес представляет и слово «сыр» – род, и его производные: «сырма», «сырлы» – благородный. Оно также может быть использовано в геральдике для создания геральдических символов благородства. Так, например, оно присутствует в карачаево-балкарском слове «сырга» – серьга, что предполагает ношение людьми благородного происхождения не только шейной гривны, но и серьги. Данное предположение также не гипотетично, а имеет реальное воплощение в графике оленых камней, а также антропоморфной пластике кобанской и гальштатской культур. Возвращаясь к аргументам наличия туркменского этнического

компонента в среде кобанских племен, отмечу факт, засвидетельствованный в легендарной родословной туркмен «Огуз – наме». Это факт, свидетельствующий о присутствии «серьги благородства» в геральдике древних огузов. Так одна из жен легендарного Огуз – хана выразила ему свою преданность следующей фразой:

*Где бы не находилась твоя **серьга** – там мое ухо,
где бы не был **обруч для волос** – там моя голова.*

Данный фрагмент из текста сказаний указывает на наличие в одеянии Огуз-хана обруча для волос и серьги, что наряду с шейной гривной могло являться геральдическими идентификаторами людей благородного происхождения и высокого социального статуса. Имеются случаи, когда в гравировках оленных камней наряду с шейными гривнами присутствуют обе детали, упоминаемые в Огуз-наме – серьга и головной обруч-диадема (рис.39,40). К последнему

Рис. 39

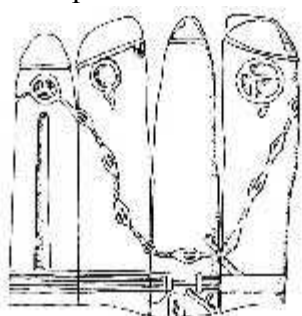

Рис.40

Рис.41

упомянутому типу изделий из этнографии древних туркмен можно отнести и орнаментированные диадемы из погребений кобанской культуры (рис.42).

Известные по материалам кобанских погребений браслеты на запястья, шейные гривны и серьги (а это могли быть и серьги-клипсы в 1,5 – оборота) встречаются и в

мелкой антропоморфной пластике Закавказья, где

южная граница кобанской культуры довольно туманна и не определена. Андроид с шейной гривной, серьгами и браслетами на запястьях (рис.41) найден в Закавказье, на территории древнего государства Урарту, эпоха поздней бронзы. По указанным геральдическим атрибутам вероятно связь с кобано-киммерийской культурой (фото по многотомнику «Археология СССР»).

Рис. 42

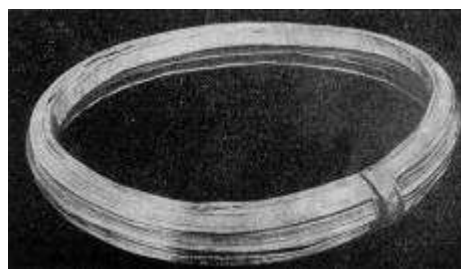

Рис.43

Обручи для волос известны как по графике киммерийских стел (рис.39,40), материалов кобанской культуры (рис.42), так и в культурах позднебронзового века Европы (рис.43. Золотой головной обруч из погребения в Бад-Каннштатте.). Распространение вещей кобанского типа в Европе можно объяснить миграциями части кавказского населения в пределы Европы и обратно на Кавказ. Эти процессы могли происходить периодически, волнообразно, вовлекая в них жителей Европы. Причины этих перемещений кобанцев могли быть различны, но, вероятно, важной была постоянная связь с Кавказом, как прежней родиной, освоенным источником металлургического сырья и готовых металлических изделий, базой бронзовой и железной индустрии. Возможно, этим объясняется и материальное родство кобанской и гальштатской культур, отмеченное

археологами, включая и краниологическое единство динарского антропота Балкан и кавкасионского антропота Кавказа (балкано-кавказская раса).

5. ПОЯСА, ПОЯСНЫЕ ПРЯЖКИ, ЗАСТЕЖКИ. Теперь проведем лексико-семантический анализ еще одной интересной детали в кобанской культуре – широких бронзовых поясов. Как элемент мужской одежды они встречаются довольно часто. Характерны для этих поясов и пластинчатые прямоугольные пряжки, богато орнаментированные геометрическими и зооморфными гравированными изображениями. О фонетической

Рис. 44 а б в г д е ж з

тождественности в древнегузском языке существительных «олень», «собака» и прилагательного «правый» уже упоминалось, и приводился соответствующий аргументирующий материал из кобанской металлопластики и современной топонимики Балкарии. Аналогичные фонетико-семантические комплексы были отражены и на **правых** пряжках кобанских поясов, на которых гравировались изображения **собак и оленей** (Рис.44, в,е,ж).

Стоит отметить и определенную идентичность геометрии гравировок на кобанских поясных пряжках (рис.44 б, г, д, е) и пряжке из материалов андроновской культуры (рис.44 з). Можно привести еще один пример, конвергентность возникновения которого абсолютно исключена ввиду сложности орнамента. Это свастичные орнаменты на кобанских топорах (рис.45 б) и андроновских сосудах (рис. 45а).

Рис. 45 а б в г

Они не могут иметь независимое происхождение ввиду сложности и своеобразия свастичного орнамента. Так же явна и тождественность ромбов с точкой посередине на андроновских сосудах и кобанских диадемах. Древнегерманское слово «Ra» - центр, середина (!), содержится в слове «Raute» - ромб (!), и при этом перекликается с карачаево-балкарским словом «Ара» - центр.

Теперь рассмотрим орнаментацию кобанских поясов. В современном туркменском языке имеется интересное, с точки зрения используемого автором метода, слово «**чызык**» – **пастушечий пояс**, в корне которого присутствует слово «**чыз/сыз**» – **линия, черта**. Ассоциирование пояса с линией вполне логично и может отразиться в языке в виде однокорневых слов, что и засвидетельствовано в туркменском языке.

Сыз/Чыз – линия.

Чызык – пастуший пояс.

Убедившись, что у кобанцев существовала традиция придавать изделиям тот вид, который напрашивается исходя из игры слов и «народных» этимологий, я предположил, что на поясах, изготовленных древними кобанцами-туркменами, должна присутствовать линейная гравировка. Предположение оправдалось полностью. Линейные гравировки и точечные линии, нанесенные пуансоном характерны для кобанских поясов. Помимо Центрального Кавказа пояса с продольной линейной гравировкой массово встречаются в культуре Урарту (рис.46), и подробно описаны в специальной работе С. А. Есяяна «Об урартских поясах, найденных на территории советской Армении». В этой работе им отмечено и некоторое сходство деталей кобанских поясов и поясов из Урарту:

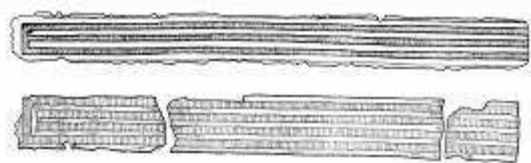

Рис.46

«...К этому концу пояса приклепано небольшое кольцо для застегивания пряжки, которая не сохранилась. Подобные кольца (табл. VII, 1) зафиксированы на урартских поясах из Игдыра [7, рис. 26], из погребения № 40 Глийского могильника [17, с. 131, рис. 5], где была найдена и пряжка, лежащая недалеко от пояса, и из собрания музея г. Аданы [27, рис. 10, табл. 18]...»

Пояса и поясные пряжки, сходные с кобанскими даже по орнаментации, встречаются и на киммерийских стелах. Так можно сопоставить пояс с киммерийской стелы (рис. 40) с кобанскими линейно-орнаментированными поясами и поясами из Урарту (рис.46). Аналогичны и ромбические поясные орнаменты на киммерийской стеле (рис.39) и орнаменты кобанских пряжек (рис. 44 б, г).

Рис.47

Помимо сопоставления линейного орнамента кобанских и урартских поясов с лексикой туркменского языка обращает на себя внимание и современный топоним Армении - **Игдыр**, указанный в статье С.А.Есяяна. Топонимику можно условно назвать частью письменной истории, т.к. существующие названия рек, гор, лесов, пустынь отражают этническую историю территории, смену и наложение этносов ее населявших, а исследование топонимики является одним из направлений комплексного научного анализа исторических процессов. Данный топоним привлек мое внимание в связи с тем, что «**Игдыр**» – это название одного из крупных родов у огузов, в том числе и у современных ставропольских туркмен. То, что они поселились в Предкавказье довольно поздно, в XVI-XVII веках, известный исторический факт, но это не исключает того, что это весьма древний туркменский род, и его представители могли периодически совершать кочевки на Кавказ уже с древности. С родом Игдыр, по убеждению автора данной работы, связан еще один геральдический элемент среди материалов кобанской и ряда других культур. В состав этого рода Игдыр входит подразделение – **ру**, называемое «казаяклы», дословно «гусе-ногий», и действительно имеющее родовой знак-тамгу в виде **гусиной лапки**. Родовое подразделение «казаяклы» входило и в состав древнего туркменского племени «салыр», обитавшего в северном Прикаспии – на Мангышлаке. Общей племенной тамгой племени «салыр» также являлась **гусиная лапка** (А.В.Курбанов, «Ставропольские туркмены», 1995, с.36, табл.1). Эти этнографические факты необходимо сопоставить с известными гусинно-

лапчатыми шумящими привесками, широко распространенными у части кобанского населения и выявляемыми также в погребениях Европы и Азии, в частности в культуре полей погребений и срубной культуры. А поскольку эта деталь не имеет утилитарного назначения, а является **родовым знаком-тамгой (!)**, следует предположить, что она не могла экспортироваться как товарное изделие, а распространялась только вместе с носителями этого родового знака - **огузами-туркменами из рода Игдыр, родовых подразделений «салыр» и «казаяклы»**. Поскольку фраза «казаяклы» дословно означает «гусепогодий» стоит обратить внимание на кобанскую подвеску (рис.47) комментарии к которой излишни. Подобные совпадения родового знака-тамги, эпонима и топонима Игдыр, вышеприведенных кобанских материализованных фонетико-семантических комплексов с языком и этнографией туркмен довольно серьезное основание для этнических интерпретаций кавказских культур и учета роли туркмен в древнейшей истории Кавказа и этногенезе кавказцев.

Рис.48

Родовой знак «гусиные ножки» вышеупомянутых туркменских родов «казаяклы», «салыр», «игдыр», встречается и в культуре полей погребений раннежелезного века Европы в комплексе с дуговидными фибулами (рис.48), аналогичными кобанским, а также в скифских погребениях Закавказья, погребениях срубной культуры. Приводимое здесь изделие (рис.48) экспонируется в Швейцарском государственном музее в Цюрихе.

Приводившаяся гипотеза о связях и встречных миграциях населения Кавказа и Европы получает более точную, этнически интерпретированную аргументацию, подтверждающую полиэтнический, тюрко-германский характер кобанской культуры и кавказского населения эпохи поздней бронзы и раннего железа. Вопрос о комплексном сопоставлении конкретных погребений с указанными родовыми знаками автором не рассматривался в силу ограниченности возможностей.

То, что факты тюрко-германской омофонии отражались в кобанских изделиях, как, например, в ромбических гравировках топоров, аргументируется еще несколькими сюжетами на бронзовых поясах. Если балкарец, показывая на свой пояс, скажет «**бельбауум**» - (это мой) пояс, дословно «бель» - поясница, пояс (анатом.) и «бауум» - веревка, немец обязательно услышит в карачаево-балкарской фразе свое слово «Baum» – дерево. И балкарская фраза примет балкаро-германское значение «дерево пояса», а в качестве материализации этой игры слов двуязычный мастер может изобразить дерево на поясе, или его пряжке. Теперь сопоставим наше предположение с описанием поясов из уже указывавшейся работы С.А.Есяна.

«Три пояса с точечным орнаментом найдены при раскопках крепости Тейшебаини (Кармир блур) на юго-западной окраине Еревана. Один из них (табл. V, 3) изготовлен из тонкой листовой бронзы (длина сохранившейся части — 10 см) и украшен двумя полосами, образованными тремя рядами горизонтальных точечных линий [13, рис. 241. Второй кармирблурский пояс (табл. V, 2) также изготовлен из бронзового листа. От него сохранился фрагмент правой половины длиной 10 см и шириной 8 см, украшенный тремя полосами, составленными из четырех точечных линий. Такая же полоса расположена перпендикулярно к ним, соединяя их концы [13, рис. 24]. Третий кармирблурский пояс (табл. V, 1) также

представлен фрагментом длиной 12 см, шириной 9 см. На нем можно увидеть две подобные же горизонтальные полосы, соединенные друг с другом вертикальной полосой. Между ними находится прямоугольник, образованный такими же полосами, внутри которого расположена еще одна горизонтальная полоса. Справа от вертикальной полосы на неровно обломанном крае фрагмента сохранилось изображение древа жизни [13, рис. 82]. Точечные полосы на всех трех поясах с обеих сторон обрамлены рельефными линиями, выбитыми чеканом с обратной стороны.

На Кармир блуре найден фрагмент четвертого пояса, который условно отнесен к данной группе [12, рис. 97]. Это конец пояса с остатками приклепанного кольца, в который продевался язычок пряжки (табл. V, 4). На сохранившемся обломке пояса видна часть изображения древа жизни и обрамлявшей его рельефной линии. »

Как видим в орнаментации поясов, описанных С.А.Есяном, отражены как указывавшаяся туркменская игра слово «линия» и «пастуший пояс», известная и среди поясов Глийского могильника, так и балкаро-немецкая частичная омофония в балкарском слове «бельбаум» – (мой) пояс. В целом территория древнего государства Урарту дает интересный материал для сопоставления с материалами Центрального Кавказа, который необходимо детально исследовать. На обеих территориях встречаются погребения в каменных ящиках, чернолощенная керамика, пояса с линейной гравировкой, тюркские геральдические элементы - шейные гривны и серьги, а также сапожкообразные сосуды тюркского «происхождения».

Поясные пряжки с изображениями «дерева жизни» массовы и в материалах из горного Дагестана (О.М.Давудов,1974). Анализируя гравировки пряжек кобанских поясов, автор обратил внимание и на устойчивость на них спирального и ромбического орнаментов. Ромбы встречаются и на пуговицах, в качестве орнамента (рис 49). Существуют в инвентаре погребений кобанцев и ромбические бляшки, функциональное назначение которых точно не установлено. Это могли быть и нашивки на кожаную основу деталей одежды. В качестве крючков для одежды, у кобанцев известны биспиральные очковидные застёжки и типологически близкие им четырехспиральные поясные бляхи (табл.5). В этой связи также необходимо провести сопоставление лексического и археологического материалов. Так, например, в карачаево-балкарском языке слово «мет», означающее застёжку, пуговицу, имеет и второе значение «ромб».

Рис.49

Рис.50

При этом ложным корнем слова «мет» является, реконструируемое автором, слово «ме» – спираль. Таким образом, фонетико-семантический ряд «ме» > «мет» - спираль > ромб/ застёжка, пуговица, предполагает целый ряд спиральных, ромбических, спирально-ромбических орнаментов на застёжках, в названии которых встречаются эти фонемы. Но слово «мет» – застёжка, встречается и в карачаево-балкарском слове «метеке» – улитка, состоящем из указанного слова «ме» – спираль, и слова «теке» – 1. козел; 2. круг (*устар.*), откуда происходит слово «тегерек» – круглый. В современном туркменском языке слово «текер» также означает «круг». Таким образом, карачаево-балкарское название улитки – «метеке», этимологизируется как «спиральный круг», но в нем ложно присутствует слово «мет» – застёжка, и «теке» – козел. Эта игра слов также была использована в кобанской металлопластике при изготовлении застёжки, стилизованной в виде улитки с козлиной головой (рис.50).

Рис.51

С древним карачаево-балкарским словом «мет» – застежка, пуговица, связано и происхождение тюркского слова «бешмет», дословно «пять пуговиц», названия пяти-пуговичной верхней одежды. Слово «бешмет» широко известно на Кавказе, присутствует также во многих современных тюркских языках Средней Азии, но не этимологизируется, почему-то, на их основе (Севортян Э.В. «Этимологический словарь тюркских языков», Т2, с.123-124). Это произошло ввиду древности слова «мет» - застежка, сохранившегося, вероятно, только в карачаево-балкарском языке. Средневековая карачаево-балкарская фиксация слова «бешмет» – пять ромбов-пуговиц, на материальном носителе имеет место в графике ряда аланских стел из верховьев Зеленчука (рис.51), на которых изображены ромбические пуговицы. При анализе гравированных на каменной стеле деталей верхней одежды аланского воина, характерным представляется то, что пуговицы кафтана ромбовидные и их количество равно пяти. При этом их асимметричное расположение, вызванное необходимостью прорисовки руки,

сделано умышленно, чтобы отразить их количество - именно пять, и само слово «бешмет». В противном случае ничто не мешало расположить их симметрично и не обращать внимания на их количество. Серебряные ромбические пластины до современности используются у карачаевцев и балкарцев как деталь застежки ворота парадной бурки. В качестве деталей застежек ворота бурки использовали и спиральные аппликации из плетеных серебряных и кожаных шнуров. Этот спиральный узор или способ плетения назывался у балкарцев и «шайтан чалыуу» – бесово плетение.

Мотивы спирали, ромба, ромба с волютами довольно популярны и в орнаментации карачаево-балкарских войлочных ковров – кийизов. В этой связи необходимо сопоставить карачаево-балкарское слово «метеке» - улитка, с названием войлочных ковров у казахов и киргизов – «текемет», которое представляет собой то же самое слово с переставленными в обратном порядке фонемами «мет» - ромб, и «теке» - 1.козел; 2.круг.

Как указано выше фонетико-семантический ряд в карачаево-балкарском слове «метеке» – улитка, спиральный круг, можно разложить на всевозможные формы орнаментов и их комбинации: спираль; ромб; спиральный ромб; ромб с роговыми валютами, ромб в круге, круг в ромбе и т.д. Все зависит от изобретательности художника. Автор данной книги, в качестве примеров, реализовал следующие решения «орнаментального разложения» слова «метеке» (рис.52).

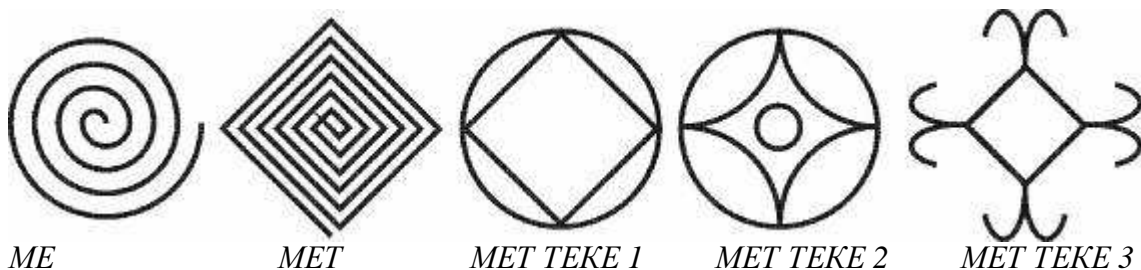

Рис. 52 Варианты графической реализации слов «метеке» и «текемет».

Золотые застежки, форма которых основана на сочленении ромба и рогообразных волют, известны среди находок из Бактрии, опубликованных в книге В.Сарианиди «Золото Бактрии» («Bactrian Gold», Ленинград, 1988г, с.с. 67, 96, 190). Это

графическая реализация тюркских слов «мет» - застежка, и «текемет» - название популярного у тюрков узора (дословно «козел+ромб»).

Карачаево-балкарский фонетико-семантический ряд «ме-мет»- спираль-ромб, присутствует и в туркменском слове «метбугат» - печать. Это предполагает,

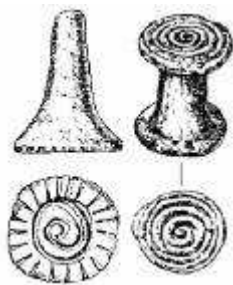

Рис.53

что спиральная или спирально-ромбическая гравировка на печатях также может иметь лексическое туркмено-карачаево-балкарское происхождение. Такие печати со спиральной гравировкой действительно существовали в культуре кобанцев (рис.53). Существовали печати и со спирально-ромбической гравировкой, но в другое время и на другой территории (Трипольская культура эпохи ранней бронзы Приднепровья).

Вышеизложенный материал довольно упорно свидетельствует о том, что тюркоязычное население, представленное носителями двух ветвей тюркских диалектов существовало на Кавказе уже в эпоху поздней бронзы. При этом это не абстрактные прототюрки, а судя по совпадению лексического материала, родовой геральдики и выявляемых этнонимов одно из туркменских племен Игдыр, с родами «казаяклы» и «салыр», а также прямые предки карачаевцев и балкарцев - протоболгары.

Возвращаясь к германской этнической компоненте в кобанской культуре, отметим следующий ряд слов в немецком языке, содержащий фонемы «Наск» и «Наке». Он нашел абсолютно точное отражение и в других кобанских предметах, названия которых или термин их функционального применения совпадает с данными фонемами:

«Haken» – крюк; крючок.

«haken» – зацеплять крючком (застегивать)

«Hakenkreuz» – свастика.

«zuhaken» – застегивать на крючки (платье, обувь, ремень).

Рис.54

Фонетическая тождественность германского существительного «Наске» - топор, мотыга, с глаголами «haken», «zuhaken» - застегивать на крючок, привела к появлению в материалах кавказских бронз застежек, стилизованных в виде

топориков. Эта традиция прикладного искусства существовала на Кавказе с эпохи средней бронзы до раннего средневековья (С.Б.Бурков, 1985, с.144). А ввиду того, что

германское название свастики содержит в себе глагол «зацеплять крючком», т.е. застегивать на крючок, изображение свастики появилось на пряжках кобанских поясов (рис.54, фрагменты пряжек). При этом в ряде случаев орнаментальный фонетико-семантический символ на пряжках построен на основе использования лексики и немецкого и карачаево-балкарского языков, что объясняется двуязычием мастера-изготовителя. Так на рис.54 видно, что свастики вписаны в ромб, название которого – «мет», и есть слово «застежка» в карачаево-балкарском языке.

Если германское слово «застегивать на крючок», созвучное названию свастики, сопоставить с вышеисследованным карачаево-балкарским словом «мет», означающим застежку, пуговицу, но в тоже время содержащем семантический ряд «спираль» (рис.55, 56), «ромб» (рис.57), можно предположить,

что кобанский мастер, знавший оба языка, также мог объединить эти графические символы на пряжке ремня, и придумать новый тюрко-германский «символ» застёжки – свастику в окружении спиралей (рис.58). Ромбо-спиральная свастика встречается и на пряжке аппенинской культуры Вилланова, периода Беначчи II. (рис. 59). Это еще один факт западных связей кобанской культуры, общеизвестный в науке. Утверждавшаяся гипотеза германо-тюркского двуязычия части кобанского населения подтверждается трактовкой орнаментов на поясных бляхах, которые сочетают в себе как ромбы, прямоугольные свастики, так и свастики, построенные на основе ромба и спиралей.

Рис.55

Рис.56

Рис.57

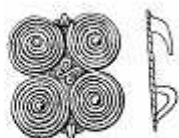

Рис.58

Рис.59

Рис.60

В немецких словах: «Haken» - крючок; «haken» – застегивать на крючок, в качестве ложного корня фонетически присутствует и слово «Hack» – лошадь. Этого достаточно для того, чтобы немецкий металлург использовал изображение лошади на самом поясе или поясной пряжке. Подобные факты материализации германской игры слов также имеются в инвентаре кобанских погребений. В виде фигурки скачущей лошади с крючком на обороте изготовлена известная поясная бляха, выявленная из кобанского захоронения (рис.60). Но на головке лошади-застёжки гравирован ромб, балкарское слово «мет» - застёжка; ромб. А на бронзовых поясах из Тлийских могильников, поясах из Самтаврского некрополя (Н.Урушадзе, 1984, с.66-67), поясах с территории Армении изображения вереницы лошадей довольно часты. «Лошадиные» пряжки имеют аналогии как у скифов Европы, так и далеко на Востоке – в тагарской культуре Мину синской котловины, Красноярского края.

Относительно кобанской поясной пряжки в виде скачущей лошади (рис.60) можно привести еще одну аналогию. Она относится собственно не к поясным пряжкам, а касается стиля изображения лошади. Это фигурка лошади, приводимая на рис. 61. Она датируется VIII в. до н.э. и экспонируется в Национальном музее в Афинах. То, что кобанская лошадка-пряжка и данный конек из Греции выполнены в одном стиле не вызывает сомнения, если не сказать, что они выполнены одним мастером-литейщиком. Единственное, что требуется - это выяснить обстоятельства находки греческого экспоната. Найден он в погребении, типичном для Кавказа, или это предмет кавказского экспорта, что можно выяснить и методом металлографического анализа бронзы.

То, что немецкое слово «haken» - застегивать на крючок, фонетически тождественно слову «hacken» - клевать (о хищных птицах) лексический факт.

Рис.61

Следовательно, крючок пряжки, да и сама пряжка ремня у немецкого ремесленника могут ассоциировать с орлом или орлиной головкой. Предположение также продуктивное и давнее результаты при исследовании кобанского инвентаря (рис.62). Как видно из формы данной орлиной пряжки, она отражает игру слов немецкого языка, а непрофессионально выполненные гравировки свастики, нанесенные на нее несколько позже, вероятно владельцем-немцем, также являются продолжением упражнений в «народной» этимологии и трактовки слова «Hakenkreuz» - свастика/ ключующий крест/застежка-крест.

Рис.63

6. МЕЧИ, КИНЖАЛЫ, НОЖИ. Анализируя графику орнаментов и зооморфных изображений мечей и кинжалов кобанской культуры, автор рассматривает наиболее оригинальные и исторически значимые из них, получившие глобальное Евразийское распространение. Но при этом выясняется и этническая принадлежность их создателей, поскольку это факты продолжения вышеуказанных традиций «народной» этимологии в прикладном искусстве и ремесле кобанских металлургов - оружейников. Возьмем для анализа простое немецкое слово «**greifen**» - брать, хватать. Более древняя форма этого глагола должна

Рис.64

была звучать «**gereifen**» и происходить от существительного «**Reifen**» – кольцо, обруч, с глаголообразующей приставкой «**ge-**». Т.е. этимологически напрашивается вывод о том, что немецкий глагол «брать», «хватать» восходит к существительному «кольцо» и подразумевает обхват предмета кистью руки, при котором пальцы реально смыкаются в «кольцо». Следующей формой склонения глагола «**greifen**» – брать, хватать, является слово «**Griff**» - 1.схватывание, ухватка, захват; 2. ручка, рукоять, **эфес ножа, меча**. 3. **гриф**. Таким образом немецкий фонетико-семантический ряд «**greifen**» - «**Griff**» - «**Greif**», содержит глагол «брать», «хватать», существительные «ручка», «эфес», «кольцо», «орел-гриф». Это предполагает, что **немецкий** оружейник может придать эфесам, рукояткам изготовленных им ножей, кинжалов, мечей вид **кольца** (рис.63), **орлиной головы** или **орлиных хватающих лап**. Данное предположение можно было бы считать отвлеченным, если бы в реальности все указанные формы не встречались в массовом количестве в оружии кочевников Евразии начиная с эпохи поздней бронзы. А если добавить и то, что немецкое слово «**hacken**» помимо значения «колоть», «рубить», имеет и рассмотренное значение «клевать», применительно к хищным птицам, то становится ясным источник происхождения не только клювовидных топоров, но клювовидных протом кобанских кинжалов (рис.64), а затем и скифских мечей.

Рис.65

Но немецкие мастера оружейники не остановились только на этом варианте реализации фонетико-семантических форм. В их языке существует еще одно слово «**Schaft**» - рукоятка, ручка (молота, ножа и т.д.). В этом слове в качестве ложного корня присутствует слово «**Schaf**» - овца. Еще одна прекрасная игра слов для использования её в качестве зооморфного мотива в оформлении

эфесов кобанских мечей и кинжалов, один из которых приведен на рис.65 (экспонат из коллекции кобанских бронз в музее г.Сен-Жермен, Франция).

Суммируя вышеприведенный материал можно утверждать, что традиция придания эфесам кинжалов и мечей **кольцевидных** форм, изображения на них головок **грифов** или **баранов**, оформление протом ножен мечей и кинжалов клювовидным завершением основана на игре слов немецкого языка, что говорит об этнической принадлежности их изготовителей или изначальных «стилистов». Эти образцы художественного стиля существовали уже в оформлении кобанского оружия, а в дальнейшем распространялись на другие территории. О том, как это происходило – в виде экспорта изделий или миграции кавказского полиэтнического населения будет сказано далее. Но коротко остановлюсь на одном лексическом факте в казахском языке. В нем слово «**балдак**» означает как **кольцо**, так и **эфес** кинжала, меча, сабли. Этимологически слово «балдак» происходит от древнетюркского «бал» – голова, и подразумевает «головку» рукояти клинка. Заимствованием из тюркского является и русское слово «набалдашник». Но в казахском, и в целом тюркских языках, не прослеживается связь этого слова с понятием «кольцо». Следовательно, можно предположить, что слово «балдак» - эфес, приобрело значение «кольцо» исторически, на основе длительно существовавшей традиции кольцевидных эфесов холодного оружия на обширных территориях Средней и Центральной Азии, известной в материальной культуре саков и сармат. Кольцевидные эфесы холодного оружия встречаются и в карасукской культуре, имевшей западное происхождение и связи с Кавказом.

При общении двух мужчин разной национальности на одном из их языков вполне естественен и их интерес к созвучным словам, тем более к лексике арготивного плана. Так, например, карачаево-балкарское слово «бер» – дай, фонетически тождественно немецкому слову «Bär» – медведь, слово «тау» – гора, немецкому «Tau» – канат и т.д. В ряде случаев подобная межязыковая игра слов может вызывать смех, как, например, фонема «**шам**», которая в карачаево-балкарском языке означает «священный», «прекрасный», в древнегузском «ночь» и «свеча», а в немецком «половые органы» - «**Scham**».

Рис.66

женской, с выраженным обозначением половых органов (рис.66). Стиль изделия – явно кобанский. И стоит обратить внимание на тюрко-германские созвучия: «**Шам**» - свеча, «**Шамдал**» - подсвечник (тюрк.), «**Scham**» - половые органы (нем.). Иное объяснение данному сюжету в стилизации свечи также возможно. Но неоднократно демонстрировавшаяся лингвистическая практика кобанских мастеров-бронзолитейщиков и указанная игра тюркских слов довольно точно отражают причину возникновения данной «половой» интерпретации кобанского подсвечника.

межязыковые шулки могут иметь и реальное воплощение. Так, случайной находкой дорожного строителя в пригороде г.Нальчика, стал один интересный бронзовый подсвечник, представлявший собой втулку с тремя антропоморфными

фигурками – двумя мужскими и одной

Как видно из продемонстрированного материала, совпадение германских и тюркских фонем и их семантики с многочисленными зооморфизмами и деталями орнамента в кобанских изделиях **явление не случайное, а продуманное и упорно реализуемое** древними мастерами. Возникновение самого зооморфного стиля – есть результат осмысления и анализа собственной речи и **оригинальная форма письма средствами пластики и орнамента**. При этом автор и не утверждает присутствие тюрков или германцев в каждой культуре с развитой зооморфной стилизацией изделий. Вероятно, ряд случаев объясняется простым экспортом кавказских изделий или копированием их сюжетов.

Если данный анализ зооморфизмов в кобанской культуре и этническая интерпретация ее создателей не вызывает возражения, стоит обратить внимание на ее внешние связи: карасукская культура, тагарская культура (опосредованно через карасукскую), ряд позднебронзовых культур Ирана и Европы, а далее к киммеро-скифской культуре. Анализ материалов этих культур на предмет выявления подобных или новых германских, тюркских, германо-тюркских «фонетико-семантических» зооморфизмов поможет понять роль Кавказа в истории развития металлургии Евразии и истории материальной культуры евразийских народов.

Приведенный материал достаточен для утверждения германо-тюркской полиэтничности кобанских племен. Процесс сложения этой общности может быть изучен на основе анализа археологических культур предшествующей эпохи – эпохи средней бронзы Кавказа и Европы.

Глава III. ХЕТТЫ

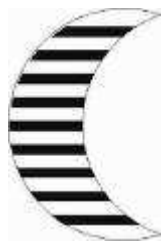
Одним из регионов, на территории которого во II тысячелетии до н.э. возникали древние государства, обладавшие яркой культурой в том числе и письменностью, является Малая Азия. В водовороте миграций древних народов

здесь также пересекались культуры запада и востока, севера и юга. Регион с благоприятным для жизни климатом и богатыми природными ресурсами привлекал к себе всех. В результате уже с древности на его территории проживали многие народы, представители семитских, индоевропейских, кавказских, тюркских языков. Наиболее яркие страницы истории Малой Азии связаны с периодом существования хеттской империи, основанной вторгшимися с севера завоевателями. После того как исследователи письменности хеттов стали выявлять и доказывать принадлежность некоторых народов, входивших в хеттскую коалицию, к кругу индоевропейских народов, интерес европейской науки к Малой Азии существенно возрос. Существует достаточно большое количество научных работ посвящённых истории, культуре и языку хеттов. На основе анализа некоторых из них автор данного исследования продолжает аргументацию теории о периодической и широчайшей миграции древних германских и тюркских народов, влиянии их материальной и духовной культуры на ход развития многих регионов и территорий. Затрагиваемый в исследовании регион Малой Азии прочно вошёл в науку как регион, где впервые была освоена металлургия железа. С хеттами связывают широкое распространение оружия, предметов культа и орудий труда из железа. Анализ хеттских текстов, касающихся металлургии, был бы немаловажен с точки зрения установления приоритетов в освоении технологии железа. Изучая работы специалистов по данной теме, автор применял те же методы реконструкций металлургических терминов на основе лексики немецкого и тюркского языков. Анализируемым материалом являлись хеттские клинописные тексты по металлургии, серии КВо и КУВ (КВо - *Keilschrifttexte aus Boghaskoi*; КУВ - *Keilschrifturkunden aus Boghaskoi*.), опубликованные в специальной статье В.Ардзинбы в сборнике «Древний Восток. Этнокультурные связи».

Одной из известных особенностей в письменности хеттского государства, которое объединяло несколько народов, было применение метода аллографии. Суть этого метода в следующем. Поскольку письменность хеттов была основана на традициях шумеро-аккадской клинописи, то хеттские слова могли в ряде случаев записываться знаками из шумерской клинописи, но при чтении вместо шумерского слова читатель сам должен был произвести нужную замену и произнести его хеттский синоним. Предполагая глубокую древность германской металлургической лексики, ввиду того, что одна из высокоразвитых позднебронзовых культур Кавказа была связана и с германским этносом, я стал проводить реконструкции наиболее абстрактных терминов из хеттских металлургических текстов. Наличие подобных абстракций могло объясняться существовавшей государственной монополией хеттов на производство и торговлю железом, требовавшей сохранения секретов его выплавки. А лексические методы, которыми пользовались древние германцы и тюрки для зашифрованной передачи этнонимов, топонимов, гидронимов, их «лингвистические» методы создания зооморфных форм в изделиях металлургии автору были уже известны, также как теперь и читателям.

Предположив, что существовала древнегерманская фраза «Eisbarren» - железный слиток (*автор утверждает, что в древнегерманском языке слово «железо» существовало и в фонетической форме «Eis», современное «Eisen»*), я обратил внимание, что немецкое слово «Barren» - слиток, очень похоже на слово AN.BAR. - хеттское название железа. Данное слово считается по происхождению шумерским, и клинописный знак первого слога в шумерской клинописи имеет также вариант чтение EN.

Возможным вариантом происхождения термина AN.BARR может быть следующий ряд межязыковых фонетических и

семантических трансформаций. Существенную путаницу внесла созвучность древнегерманского слова «Eis» - железо, с тюркским словом «Ай» - луна. В шумерском, как и в древнетюркском языке, слово луна звучало и в форме «AN» и тогда германская фраза «Eisbarren» - железный слиток, трансформируясь через посредство тюркского «Ай» - луна и шумерского «AN» - луна, могла превратиться в фразу AN.BARREN. Данное предположение можно было бы считать гипотетическим, но действительно в шумерской письменности знак луны, заштрихованной параллельными линиями (рис.1), обозначал слово «металл», что опять указывает на германо-тюркские корни этого символа. Параллельные линии на символе луны передавали двусмысленное немецкое слово «Barren»- 1.слиток; 2.параллельные линии, параллели, в то время, когда древнегерманское слово «Eis» - железо, было записано через тюркское слово «Ай» - луна. Шумерская логограмма является тюрко-германской записью древнегерманской фразы «Eisbarren» железный слиток.

Другим возможным вариантом появления этого слова могла стать ошибочная перестановка слогов в немецком слове BARR.EN - его обратное чтение в форме EN.BARR. или AN.BARR. Объяснить это можно существовавшими в древности методами письма и чтения как слева направо, так и справа налево. Традиция, которая и сегодня различает письменность европейцев от письменности арабов. Существовал и метод поочередной записи и чтения строк слева направо и справа налево, метод называемый «бустрофедон» При столкновении двух традиций письма появление ошибочного обратного чтения и дальнейшей записи слова BARR.EN в форме AN.BARR, более чем вероятно.

Приведу следующие аргументы в пользу достоверности чтения BARR.EN - слиток (герман.) или AN.BARR.EN - железный слиток (германо-тюрко-шумерское):

1. **UDU.AN.BAR.GE** - фраза из хеттских текстов KBoXXVI 196Vs6 и KBoXIV 72Vs1 дословно означающая «баран из черного железа». Термин записан с применением шумерского слова UDU- баран (*Deimler A. Sumerisches lexikon. Rom, 1927.*), но суть его в неверной трактовке немецкого слова BARREN. Дело в том, что оно очень похоже на слово «БАРАН» - означающее известное домашнее животное. Слово «БАРАН» присутствует в целом ряде языков: русском, украинском, словацком, сербо-хорватском, польском, чешском, татарском, венгерском, греческом. Попытку выяснить происхождение этого слова предпринимал Макс Фасмер, автор «Этимологического словаря русского языка». Но это слово с древности известно и на Ближнем Востоке. Слово BAR.AN встречается в клинописных текстах III тыс. до н.э. из древнего сирийского города Эблы. В текстах TM.75.G.2342, TM.75.G.1480, TM.75.G.1853 оно постоянно появляется при перечислении скота. Упоминаются BAR.AN.(бараны-овцы) маленькие, 3-4-5 летние, мужского и женского пола. Это - же слово обозначает одну из форм налоговых платежей или подарков. Более подробно об использовании слова BAR.AN в эблаистских текстах изложено в работе итальянского лингвиста Пелио Фронцароли (*Pelio Fronzaroli. Problemi di fonetica eblaita, 1. "Studio Eblaiti", 1, 1979, p.p.65-89.*)

Итак, связь немецкого слова «Barren» - слиток с шумерским и хеттским словом AN.BAR.- железо, более чем прозрачна. Вопрос в том, что это? Ошибка древних писцов или умышленное искажение терминологии древнегерманскими металлургами с целью сохранить тайны своей профессии. Специалисты утверждают, что металлургические технологии и термины из Малой Азии распространялись далеко на восток, в Индию, Китай. В этой связи интерес представляет и происхождение слова «bari», металлургического термина в австронезийских языках, указанного в работе Р.А.Бласта. (*R.A. Blust. Addenda to*

«Proto-Austronesian Addenda» and «Proto-Oceanic addenda with Cognates in NonOceanic Austronesian Languages» II.- Working Papers in Linguistics.Vol.5. P. 3.).

Фонема GE, означающая в хеттских текстах «чёрный», вероятно также взята из шумерской клинописи, где слово GI(G) означало «чёрный». **Но, что означает хеттский термин «черное железо»? В русском языке «черной металлургией» называют металлургию железа. В балкарском языке фраза «черное железо» (кара темир) означает железную отливку (!). Следовательно, хеттский термин «черное железо» имеет отношение к подобным фразеологизмам, которые присущи, вероятно, не всем языкам.**

Тюркское слово «кара» - чёрный, ошибочно записанно в шумерской письменности в форме GI(G) или неверно читается современными исследователями. Аргументы и разъяснения по чтению данной фонемы будут приведены.

Если в принятом клинописном чтении этнонима шумеров SAG.GIG – черноголовый, где SAG тюркское слово «голова», фонему «GIG» заменить на тюркское слово «KARA» - черный, то получится известный и в античности тюркский этноним SAG.KARA – сагкарауки, саггартии, синонимичный этнониму БАЛКАР(А). Письменный знак «GIG» употребляется и при записи названия одного из злаков, что являлось передачей тюркского, в частности и балкарского, слова «кара будай» - названия гречихи, дословно «черная пшеница».

Возвращаясь к хеттским текстам, хочется отметить, что в KUB.XLIII 43 Vs5 появляется странная фраза **«серп луны из черного железа»**, а в погребениях Аладжа-Хююка (Анатолия), датируемых 2400-2100 г.г. до н.э., была найдена железная подвеска в виде полумесяца. Древнегерманское слово «Eis»- железо, созвучное тюркскому слову «Ай» - луна, в древности было заимствованно в целый ряд языков:

- знак луны для передачи слова «металл» в шумерской письменности;
- Айши - железо в аккадском;
- Айас - железо, бронза в древнеиндийском;
- Айах - железо, металл в древнеиранском;
- Айес - медь, в латинском;

Напомню, что и авестийское название железа – «**haosafnae**», также имеет древнюю историю и связано с германо-тюркским смешением языков. Живое и реальное персидское слово «**xosuf**» означает «затмение луны». Но почему термин «железо» в Авесте связан с понятием «затмение луны», т.е. «черной луной». Это поразительно напоминает вышеприведенную хеттскую фразу.

Итак, изначальный германский термин **Eisbarren** – железный слиток, превращается в тюрко-германский термин AN.BAR(REN) – лунный слиток. **А поскольку балкарское слово «слиток» - кара темир, дословно означает «черное железо», аллографическое чтение может дать фразу «серп луны из черного железа».** Первооткрывателями железа в Малой Азии являлись германцы и тюрки, и именно они «зашифровали» термин железо в «лунный» кеннинг.

Двусмыслие древнегерманского слова «Eis»- железо; лёд, стало основой создания кеннигов в эпосе «Эдда». Железный меч в древнегерманских сагах называли «льдина сражений», «льдина щита». Это говорит о том, что создание профессиональных и поэтических кеннигов на основе идентичности немецких слов «железо» и «лёд» использовалось как древнегерманскими металлургами, так и поэтами-скальдами. Но если датировка появления этих кеннигов в германском эпосе вызывает затруднения, поскольку на протяжении тысячелетий эпос хранился и передавался преимущественно в устной форме, то интерес немецких специалистов по клинописи должен вызвать 56 параграф хеттских законов. Согласно этого параграфа **хеттские кузнецы по меди не освобождались от**

государственных повинностей по «раскалыванию, ломке льда». Понять эту форму государственной повинности весьма затруднительно (?!). Возникают вопросы:

1. где и для чего ломают лёд?
2. зачем государству нужно такое количество льда?
3. почему к этому простейшему процессу привлекаются кузнецы по меди, а не крестьяне, гончары или рабы?

Объяснить суть этой фразы можно, только применив германо-тюркское аллографическое чтение. Если в германском языке существовало двусмысленное слово «Eis» - **железо/ лёд**, то в тюркском существует двусмысленное слово «Буз» - **лёд/ломать**. На основе этого первичная германская фраза означавшая «**производить железо**» при аллографической замене германского слова «Eis» на тюркское «Буз» могла приобрести двусмысленное содержание «**производить ломку льда**». Теперь становится ясным, что согласно 56 параграфа хеттских законов кузнецы по меди не освобождались от государственной повинности по **производству железа**. Цеха по производству меди и бронзы существовали у хеттов отдельно от железолитейных в целях сохранения приоритета и секрета на технологию железной металлургии. Но, учитывая огромный по тому времени спрос на железо (стоимость которого в несколько раз превышала стоимость золота), а также государственную монополию хеттов на его производство и торговлю, становится ясным причина этой формы государственной повинности для кузнецов по меди и бронзе. К примеру, подобная форма государственного налога железной крицей существовала в Швеции ещё в недалёком позднем средневековье, как и в социалистическом Китае (КНР).

При трактовке этнической принадлежности первооткрывателей металлургии железа в Малой Азии многие учёные связывают их с хаттами и их предполагаемыми потомками - современными адыго-абхазами. Но в своей специальной статье «К истории культа железа и кузнечного ремесла (почитание кузницы у абхазов)», В.Г.Ардзинба пишет: «... в абхазском языке, как считает автор настоящей статьи, исконное название железа вытеснено, по-видимому, заимствованием из иранского: абхазское *ajha* - железо, топор...».

Демонстрировавшаяся фонетическая связь германского слова «железо» с балкарским (и общетюркским) словом «луна» и довольно древний и широкий ареал распространения этого «железо-лунного» символизма неожиданно выявился и в народных обычаях и верованиях абхазов, связанных с кузнечным ремеслом и кузнечной. В той же статье В.Г.Ардзинбы, со ссылкой на материалы этнографов, указываются специальные обрядовые пироги в форме круга, изображавшем **солнце** и в форме полумесяца, представлявшем **луну**, приготавливаемые к ритуальному празднику кузни. Данный праздник кузни, существовавший у абхазов в старину, приходился или подгонялся **на новолуние и начинался с восхождением луны**. «*Нас поведёт луна в кузню*», - говорили шедшие на годичное моление в кузню.

Отмеченные символы солнца и луны в культе кузни и кузнечного ремесла у абхазов находят объяснение и в имени их эпического кузнеца - нарта **Айнара**. Это имя и состоит из двух древнетюркских слов «**Ай**» - луна и «**Нар**» - солнце. В книге «Абхазский народный героический эпос», её автор, - Ш.Х.Сулакая, пишет, что имя Айнар на почве абхазского языка не этимологизируется.

Сердцевиной эпоса «Нарты», существующего у народов Кавказа может являться германо-тюркский эпос о сыновьях солнца и луны - нартах. Также не смогли многие исследователи объяснить на почве кавказских языков и сам термин «Нарт» - название эпических героев, происходящее от древнетюркского «Нар» - солнце. Германо-тюркская лексическая линия такова:

Sonne – солнце
Sohn, Söhne – сын

В германском языке слова «солнце» и «сын» фонетически тождественны (!). Это могло стать тюрко-германской основой кавказского эпоса о «сыновьях солнца» - Нартах, отца которых балкарцы называли Дыпбет – сияющий лик (солнце).

Нар – солнце (др.балк.).

Нарт – солнечный (др.балк.).

Нарт батыр – солнечный герой (балк.,эпич.).

Кюн – солнце (балк.).

kühn – смелый, отважный (нем.).

Но вернемся к исследуемой теме.

Другим элементом культа кузни у абхазов является тесная связь образа змеи с кузней и кузнецом. Кузнец никогда не убивал змею. По поверьям, человек, которому дано стать кузнецом видит во сне змею. Данное поверье также, по предположениям автора, заимствованно и восходит к символизму тюркского языка и вербальной магии. Тюркское слово «Ур» - бей, фонетически тождественно словам «Ур/Уран» - змея, и является корнем слов «Урум» - удар, и «Урумчи» - кузнец. В фразеологии тюркской речи, как отмечалось выше, нет выражения «змея укусила», существует выражение «змея ударила». Таким образом, змея может стать символом кузни и залогом силы ударов кузнеца. Да и в хатском слове «**Uresch**» - кузнец (!), так же присутствуют тюркские слова «бить» и «змея».

Но образ змеи в хеттском искусстве несет еще одну тюрко-германскую смысловую нагрузку. Вот, что пишет О.Герни в упомянутой книге «Хетты»:

«Барельеф из Малатьи иллюстрирует либо этот, либо сходный миф; бог сопровождается фигурой меньшего размера, выступает с поднятым копьём против свернувшегося кольцами Змея. Из тела Змея, кажется, выскакивают языки пламени» (ук.литер.,с.161, подчеркнуто мною – Р.Т.).

Почему из тела Змеи «выскакивают» языки пламени. Дело в том, что немецкое слово «Otter» - гадюка, содержит в себе балкарское слово «От» - огонь, а заодно и слово «Тер» - пот, испарина. Поэтому в хеттском искусстве «Змея» - олицетворение Огня, а в германских сагах существует кеннинг «Гадюка испарины». В тех же германских сагах мировой Змей (немецкое «Otter»), заливал землю ядом, что связано с балкарским слово «От» - 1.огонь; 2.яд.

Таким образом по двум фонетико- семантическим линиям название змеи может символизироваться тюрками с Ударом (кузнец) или с Огнем (кузней). А мифологизация этих терминов могла стать основой обрядов или профессиональных примет у кузнецов. В частности, у абхазских.

2. **AN.BAR. SHA GUNNI** - Фраза из хеттского текста KUBXLII 21Vs6, дословно означавшая «железо очага». В этом тексте говорится о существовании особого вида железа, называемого «железо очага». Поскольку стоимость этого вида железа была выше, чем обычного, а количество изделий из него встречалось реже, можно предположить, что речь шла о стали. Немецкие слова «hart»- твёрдый, крепкий; «Herte»- твёрдость и «herten» - закалить (сталь) очень созвучны слову «Herd»- очаг, горн. Древнегерманские фразы «harteis» - твёрдое железо, «**Eishertung**» - закалка стали, могли содержать слово «**Herd**» - очаг, горн, откуда и появился хеттский (германский) металлургический кеннинг «железо очага», указанный в данном тексте и обозначающий закаленную сталь. Дополнительным аргументом того, что эта игра слов зафиксированна в хеттских текстах является факт, изложенный в книге О.Герни «Хетты». Он приводит выдержку из клинописных текстов Богазкея, описывающих похоронный обряд методом кремации:

«...Вокруг УКТУРИ на которых сжигается тело...»;
«...На второй день, как только рассветает, женщины идут к УКТУРИ, чтобы собрать кости. Они гасят огонь...».

Пытаясь объяснить значение слова УКТУРИ, О.Герни пишет: « **В контексте напрашивается перевод «погребальный костер», но само слово означает «твердый, фиксированный, постоянный».**»

Как видим и в данном случае имеет место древняя аллографическая запись, в которой при записи на не германском языке (слово УКТУРИ - Р.Т.) немецкое слово «**Herd**»- очаг, горн было перепутано со словами «hart»- твердый, «**Herte**» - твердость. А в случае замены этого слова на немецкий синоним, слово «**fest**» - твердый, получают объяснение зороастрийский термин «Авеста», имя греческого бога-кузнеца Гефеста, римских жриц очага Весталок и известного слова «фестиваль», судя по всему означавшего в древности праздник огня, очага.

3. **1 GU. GUD AN.BAR GE** - «Один затылок (шея) быка из чёрного железа» (?!). Непонятная фраза из текста KUB XLII 19 Vs.4. Она представляет наиболее интересный материал для исследования и выявления первичного звучания терминов металлургии железа. В приведённом варианте записи самой фразы использована шумерская лексика, в которой слово «gu-u» - означало шея, затылок, а слово «gu-ud» - бык, согласно словарю шумерского языка А.Даймеля.

Предлагаемый мной вариант реконструкции данной аллограммы следующий. Выше уже рассматривалось созвучие немецких фраз «твердое железо», «калённое железо» с фразой «железо очага, горна», отразившееся в хеттских текстах. При переводе на тюркский язык, в частности и на древний карачаево-балкарский, германская фраза «железо очага» будет звучать в виде «От джага темир», игра слов в которой допускает толкование «железо бычьего воротника». Да и укороченная фраза «От темир» - железо огня, имеет второй смысл «бычье железо». О фонетической тождественности слов «огонь» и «бык» в древнем карачаево-балкарском языке уже неоднократно говорилось. Таким образом германский металлургический термин «твёрдое железо», «калённое железо», применявшийся к стали, из-за двусмыслия при переводе на тюркский язык был умышленно превращён в понятие «бычье железо». Если данную тюркскую фразу перевести обратно на немецкий язык и использовать германские слова «**Farr**» - бык, «**Färre**» - бычок, то станет ясным происхождение латинского слова «**Ferrum**» - железо, греческой фразы «**far nassein**», обозначавшей закалку стали и тюркского слова «**Булат**» - сталь, в котором также присутствует немецкое слово «**Bull**» - бык.

И если немецкое слово «**Hals**» - означает «шея», то в греческом языке появляется слово «**Halis**» - сталь, а в античных греческих источниках упоминается народ «халибы» - производители железа.

Взаимопроникновение и калькирование терминов металлургии в германском и тюркском языках явно имели место. Приведу ещё один пример. Карачаево-балкарское слово «тур» - встань, становись, связано со словом «турч» - чугуун, которое в древности, предположительно, могло означать сталь или передельный чугуун. Данное предположение основано на весьма близкой аналогии в немецком языке: «stellen» - ставить, становиться, «stall» - стойка; «Stahl» - сталь. Точнее была бы запись в форме «Stall», иначе нужно допустить связь слова «Stahl»- сталь, с глаголом «stehlen» - воровать.

Образование древней и современной лексики, связанной с металлургией требует более глубокого изучения. В хеттской терминологии явно прослеживаются немецкие и тюркские термины, оформленные в виде энигматических выражений, т.е. зашифрованных терминов.

4. **DUMU SAL AN.BAR.** - очередная фраза из текста, описывающего изделия из железа. Дословно означает «Девушка из железа». Возможность существования железных женских статуэток не исключена, хотя дороговизна железа не оправдывает его не рациональное применение. Больше всего в текстах упоминается холодное оружие и орудия труда из железа, потребность в которых была очень высока. Данный кеннинг мог быть очередным символом металлургического термина. В карачаево-балкарской фразе «Темир магдан» - железная руда, слышится немецкое слово «Magd» - служанка, т.е. девушка. Эта игра слов и могла стать основой символа «железной девы», «богини» или «служанки» железных руд.

Если обратиться теперь к финским эпическим сказаниям, то там мы действительно встречаем прямое указание на то, что металлические руды появились благодаря трем девушкам-богиням, дочерям верховного бога Укко. При этом руды созданы из капель молока, пролитой ими из груди. Увязать понятие «женского молока» с «железом» весьма проблематично, если не обратить внимание на игру русских слов «железа (грудная)» и «железо». В этом созвучии и кроется, вероятно, «славянская тайна» происхождения эпических финских «железных» руд. Т.е. металлургия железа и ее терминология, распространяясь с юга, могла попасть к финнам и через посредство славян, но в традиционно зашифрованном и мифологизированном виде

Известно так же, что главный герой финского эпоса «Калевала» - Ильмаринен, искал железную руду в медвежьих и волчьих следах, что также указывает на сакрализацию немецкого металлургического термина «Bergspur»- дословно «горный шпур». Термин связан с методикой рытья рудоразведочных рвов-шпуров в поисках месторождений железных руд. Но в немецком языке имеется игра слов «Berg»- медведь и «Berg»- гора и «Spur» - 1.след; 2.колея, что позволяет толковать термин «горный шпур» в виде символа «медвежий след» и однозначно указывает на истоки возникновения финского эпического сюжета нахождения железной руды в «медвежьих следах». В

тюркских же языках прослеживается созвучие слов «волк» и «сталь». «Курт» - волк, «Курч <Куртч» - сталь, булат (кар.балк). Фразу «След волка» можно легко перефразировать в «стальной след». Вероятно с тюркской игрой слов «волк» и «сталь», «булат», связано происхождение старой традиции германских кузнецов ставить на клинке меча клеймо с изображением волка и называть клинки волчьими именами. На Кавказе в позднем средневековье были известны клинки, называвшиеся «Гурда» - волк (тюрк.). Но есть еще одна игра слов. Известный химический элемент – вольфрам, используемый в металлургии для упрочнения стали, имеет немецкое название, дословно означая «Волчья слюна». Может «волк» - это символ «вольфрама», упрочняющей присадки к стали. А в эпосе карачаево-балкарцев металлы являются «отрыжками», «блевками» бога солнца, обозначая самородки металлов. О древности металлургической терминологии в немецком языке и подобных трансформациях при их заимствовании в другие языки свидетельствует еще один факт. В корне индоевропейского слова «Metall» случайно присутствует карачаево-балкарский корень «Мет» - ромб. Если перевести его на немецкий язык он будет звучать в форме «Raute» - ромб (нем.), откуда и появилось финское слово «Rauta» - железо. Данный пример может указывать на направление миграций металлургических терминов от германского

этноса в финский. Как и вышеописанные случаи германской и германо-тюркской игры слов, отразившиеся на финских эпических сюжетах о «медвежьих» и «волчьих следах», о девушках-богинях создавших металлические руды, происхождение финского слова «Rauta» - железо, можно отнести к результатам проникновения тюрко-германского символизма из области металлургической терминологии. Напомню и примеры из первых глав, о ромбовидных гравировках на кобанских топорах и турбо-сейминских кельтах из Приуралья. Но германское слово «Raute» - ромб, содержит в качестве корня древнегерманское слово «Ra» - центр, середина, следовательно, в центре «германского» ромба должна присутствовать точка – символ центра. Это также имеет место в гравировке рукояти одного из рассматриваемых хеттских кинжалов (Рис.2.3).

Случай с германо-тюркскими созвучиями «Eis» (железо) – «Ай» (луна), нашедший отражение в знаках шумерского письма и получивший широкое распространение в восточных языках уже рассмотрен. А созвучие германских слов «Metall» - металл, «Metzeln» - резать, «meten» - рубить, резать, и балкарского слова «Met» - ромб, было зафиксировано в гравированных орнаментах на лезвиях и рукоятках хеттских (рис.2.1-2.3) и кобанского (рис.2.4) кинжалов. При этом указанные германские слова имеют параллели в русских словах: «метить» (насечка), «метчик» (резак), «меч» < «метч» (рубитель). Ромбовидная гравировка на кинжалах, топорах, ножах встречается и в кобанской культуре Кавказа, карасукской культуре южной Сибири и центральной Азии, на кельтах из Сибири.

Но германские и тюркские (хеттские) оружейники-лингвисты были весьма изощрены в создании «говорящих» орнаментов. Германо-тюркская интерпретация терминов «Metall» - металл, «Metz» - меч, через посредство балкарских фонем «Me» - спираль, «Met» - ромб, или может дать основу для спирально-ромбической гравировки на клинках, что имеет место на рукояти второго, из приведенных, хеттских кинжалов (рис.3). Приводимые иллюстрации свидетельствуют, что это не просто предположения

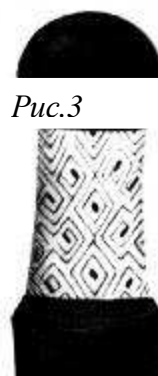

Рис.3

автора. Меч со спиральной гравировкой известен и среди скифских мечей Подунавья.

А какое отношение имеет к клинку ряд кораблей, выгравированных на лезвии хеттского кинжала из тех же погребений Аладжа-Хююка. Дело в том, тюркское слово «КАМА» - кинжал, содержится и в древнетюркском слове «КАМАР» - корабль. Античные греческие историки писали, что жители Причерноморья совершали пиратские рейды на кораблях, называемых «камарами». Тюркское слово «камар» - судно, этимологизируется от слова «кам»/ «кем» - река. При безгласной записи слова «К-М-» - кинжал, и «К-М-Р», «К-М-» (КЕМЕ) – корабль, идентичны. Балкарское «КЕМЕ» - корабль, «КАМА» - кинжал (см.рис.4). Да и в хеттских текстах слово «кинжал» передаётся именно этим словом «КЕМЕ».

18 (K)EME. GIR GAL SCHA-BA 2 TUR - 18 лезвий больших кинжалов (мечей), в их числе 2 маленьких. (Фраза из хеттского текста KUB XLII 11 V.6.). Это довольно сложная аллографическая запись фразы, в которой присутствуют балкарские слова «Кама» - кинжал, и «Саба» - оружие. Оспорить данный факт созвучия тюркских слов «кинжал» и «корабль», отраженный в гравировке на хеттском кинжале, довольно трудно, ведь это не просто совпадения, а звучание тюркской речи в хеттских текстах и прикладном искусстве.

Приведу пример из германских саг для того, что бы разъяснить происхождение «лунной» и «корабельной» интерпретации хеттских кинжалов.

«Владыка льдины луны ладьи». Таким весьма сложным кеннингом обозначали в древнегерманских сагах воина. Воин – это «владыка меча». Но почему меч назывался «льдиной луны ладьи» уже разъяснено.

Ай – луна (тюрк.)

Eis – железо; лед (др.герм.).

Кама – кинжал; ладья (др.тюрк.).

Он составлен из первичного понятия «Владыка железного кинжала (меча)», поэтизированного средствами германской и тюркской лексики. Термин «лёд» использован и для обозначения железа и в вышерассмотренном 56 параграфе хеттских законов. Теперь обратим внимание на сам факт! Поэтические гиперболы (кеннинги) древнегерманских саг отражены на хеттских кинжалах и в хеттских текстах (!!!). **Германские саги - древнейшая поэзия в мировой литературе.**

Исследованное индоевропейское слово «Metall» интересно и тем, что его вышеприведённое карачаево-балкарское созвучие «Мет» (*древняя безгласная форма записи М-Т*), нашло отражение и в другом аккадском названии железа «amutu» (*безгласная запись -М-Т-*).

Рис.5

Хочется отметить еще один интересный факт. Существовала древнеегипетская традиция отливать заготовки из меди и цветных металлов в глиняные формы в виде сапожков, обуви (!). Подобная сцена показана на рельефе из гробницы царя Мерерука. Традиция опять таки связана с германо-тюркской игрой слов. В немецком слове «Messing» - желтая медь, латунь, присутствует карачаево-балкарское слово «Мес»- кожаные полусапожки, ноговицы.

Шутка древнего металлурга, понимавшего оба языка, приобрела материальную форму и стала профессиональной традицией. О древности этих традиций приходится лишь догадываться. Автором выявлено и карачаево- балкарское слово «Тот» - ржавый, присутствовавшее в лексике древнеегипетского языка.

Карачаево-балкарское слово «Мес» - кожаные сапоги также имеет отражение в хеттском искусстве (рис.5). То, что тюркское слово «сосуд» связано со словом «обувь», «нога» уже демонстрировалось в самом начале книги, как и этот хеттский сосуд-сапог.

Этот ремесленный канон имеет довольно богатую статистику, разбросанную во времени и пространстве, что говорит о не случайном, а «лексическом» его происхождении. Теперь рассмотрим вариант «лексической» орнаментации балкарского слова «Мес» - кожаные сапоги. В корне слова «Мес» присутствует рассмотренное выше слово «Ме» - спираль (др.балк.). Значит, на сапогах надо нарисовать эту самую спираль. Так гласит закон Логоса. И вот на прилагаемом рисунке изображение хеттского сосуда для питья, изготовленного в виде сапога с изображением спиралей. Совпадение и этническая интерпретация создателя этого сосуда может быть гарантирована на 100%. Слово «Мес» - кожаный сапог, среди тюркских языков присутствует, по предположению автора, только в карачаево-балкарском языке, поскольку имеет тюрко-германское происхождение.

Каб – сосуд/ обувь (др.балк.).

Mass, Messe – сосуд (др.герм.).

Мес – кожаная обувь (балк.).

Касательно хеттских сосудов, необходимо вернуться к тюркскому слову «каб/кап» - сосуд, которое при склонении «капланы» - сосуды (*множ.число*), превращается в слово «каплан» - тигр. Эта игра слов, реализованная в металле в виде ритуального бронзового сосуда, известна из материальной культуры тюрков Китая. Имеется она и в хеттском искусстве (рис.6). Совпадения форм сосудов с лексикой однозначны и аргументируют этническую принадлежность части хеттов – являвшихся кавказскими прото-болгарами, предками современных карачаево-балкарцев.

Рис.6

Тюркское слово «Каб» - сосуд, было заимствованно и в арабский язык в фонетической форме «Габ», и в древний аккадский язык, в котором слово **kubarinnu** означало «длинный сосуд».

Говоря именно о карачаево-балкарском присутствии в составе хеттской империи хочется обратить внимание на этноним одного из народов, населявших тогда Малую Азию. То, что этноним «Балкар» означал бритоголовый и имел многочисленные синонимические нео-этнонимы уже аргументировалось. Один из них – это этноним «кашха»/ «кашка» - лысый, бритоголовый (кар.балк). А в хеттской империи известен народ под названием «кашки», «каска», созвучный имени народа «кашкайцев» - части азербайджанцев и сегодня проживающих в Иране. Да и название княжества «Кашкар» в центральной Азии имеет тоже происхождение, синонимичное этнониму «Балкар». А мог ли существовать в Малой Азии этноним или топоним «Балкар»? Вот, что пишет один из авторитетов в области хеттологии Джеймс Маккуин, в своей книге «Хетты и их современники в Малой Азии»:

*«Союзником Табала были многочисленные мелкие княжества, расположенные вдоль торговых путей через горы Тавра-Тухана (вблизи современной Нигдэ), где сидел правитель, оставивший нам свое изображение с иероглифическими надписями в Ивризе (поблизости от **Булгар-Мадена**), в Иштунде (Каратепе на р.Джейхан) и в Хупесне (по-видимому современном Эрегли). И еще были **каска**, но их точное местонахождение в тот период нам неизвестно»* (ук.литер. Москва, 1983 г.с. 54).

Другой известный хеттолог Оливер Герни в своей книге «Хетты» также упоминает этот топоним «Болкар - Маден»:

*«Точное местонахождение медных рудников установить не удалось, но несомненно, что главным рудным центром по добыче серебра и свинца был тогда, как и сейчас, **Болкар – Маден** в килликийском Тавре, поскольку поблизости находятся позднихеттские памятники»* (ук.литер., с.76).

Может ли быть случайным совпадением существование этнонима «Балкар» в качестве топонимообразующего на территории хеттского государства, связи которого с Кавказом подчеркиваются обоими указанными авторами? Нет! Простых совпадений, с учетом приводимого здесь материала, быть не может!

А слово «Маден», вероятно, приближенное чтение балкарского слова «Магдан» - руда, ставшего источником хеттского (тюрко-германского) кеннинга «девушка из железа».

Но если автор утверждает о широком присутствии и влиянии германцев на становление хеттской империи, он должен привести аргументы и этого утверждения. Они есть. Довольно широко распространенной в науке этимологией этнонима «Герман» - названия германских народов, является версия «копыеносец», состоящая из германского слова «Ger» - копьё, и «Mann» - человек;

мужчина. Посмотрим, имеется ли такая антропоморфная скульптура в культуре хеттов и Кавказа, раз автор утверждает кавказские корни полиэтноса - хеттов.

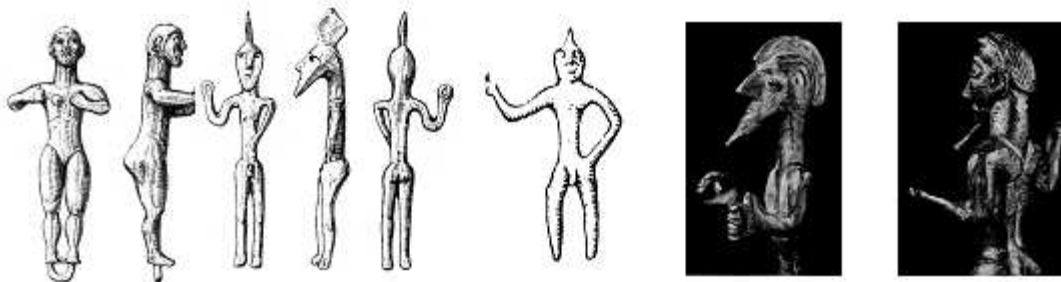

Рис. 7.1

7.2

7.3

7.4

7.5

Приводимые выше изображения «копьеносцев» выявлены в кобанской культуре Кавказа (рис.7.1 - 7.5). Некоторые из них отлиты с явно выраженными фаллосами, подчеркивая созвучность слов «Ger» и «Her» и значение германского слова «Mann» - мужчина (автор книги ретушировал излишне гипертрофированный фаллос скульптурки на рис.7.2). Обратим внимание на то, что часть этих фигур изображена с «гребешками», название которых в немецком языке «**Kemme**». Следует предположить, что это изображение германцев – **кеммерийцев** (немцев-горцев Кавказа), т.е. «копьеносцев с гребешками», согласно игры слов немецкого языка.

Подобные «копьеносцы» встречаются и в антропоморфной скульптуре хеттов. В хеттских текстах также существует термин «человек копья», т.е «Germann». А его материализованные в искусстве хеттов образы - прилагаются на рис.8.

Рис.8

Осетины – ираноязычный народ Кавказа, который наряду с тюрками-балкарцами считаются кавказоведами пришлым из южнорусских степей населением Каказа. Но есть одно интересное осетинское слово, проливающее свет на историю хеттов-германцев. Осетинское слово «**Арц**» - копье, может быть использовано для передачи этнонима «Germann» - копьеносец. В этой связи напрашивается гипотеза об осетинском (!) происхождении названия одной из областей хеттского государства – **Арцава**. Отметим, что немецкое слово «Ger» - копье, проникло в вайнахские

языки, в которых слова «Герз», «Гердз» означают «оружие», а другое вайнахское слово «Гебаг» - копье, похоже на заимствование из карачаево-балкарского языка, в котором слово «Гебох» - копье (кар.балк.). Оно этимологически восходит к словам «Геб» - литейная форма, и «Ок» - стрела. «**Сюнгюльчи**» - копьеносец, так зовут одного из героев эпического цикла «Нарты», сказаний карачаев-балкарцев. Это калькирование на карачаево-балкарский язык этнонима «**Germann**» - копьеносец. В северном Китае германцев они называли «**сюнгю**» - копье, что вошло в историю в виде этнонима одного из хуннских племен - «**сюнну**». А в кобанской и хеттской металлопластике изображение человека с копьем и есть передача этого этнонима – «Germann».

Назвать эти факты очередной случайностью, конвергентным явлением, автор не может, т.к. связь хеттской культуры с Кавказом не подлежит сомнению, о ней утверждают многие ученые. Высказывая мнения, что хетты пришли в Анатолию через Кавказ, что кавказские археологические культуры той эпохи

имеют много общего с Малой Азией, советские ученые очень робко или совсем абстрактно утверждали о индоевропейской принадлежности создателей этих культур Кавказа. Изложенный материал свидетельствует о том, что уже в эпоху бронзы существовал не абстрактный индоевропейский народ, а реальный, германский народ, самоназывавшийся «Germann» и говоривший на уже сформировавшемся германском языке, а не на прото-индоевропейском.

В связи с хеттской культурой и ее связями с Кавказом, часть советских кавказоведов, утверждает нахско-дагестанскую и хурритскую версию происхождения ряда культур Кавказа и Малой Азии эпохи бронзы. Но в кавказоведении есть еще одна проблема, решить которую пока не удастся. Утверждая о наличии в эпоху бронзы «кавказской языковой семьи», носителей истинно «кавказионского» антропотипа, никто из ученых конкретно и аргументировано не назвал современный кавказский народ и язык, являющийся потомком тех самых кавказионов бронзового века. Может потому, что аргументировать эту гипотезу «кавказской языковой семьи» довольно сложно в силу ее научной ошибочности?

Языковая семья. Что это такое? Это то, что лежит в основе родства этносов, хоть и затрудненно, но понимающих друг-друга даже спустя тысячелетия. Русский может понять речь серба, украинца, поляка, болгарина. Немец – датчанина, голландца, шведа. Балкарец – казаха, туркмена, киргиза, уйгура. Но феномен «кавказской языковой семьи» состоит как раз в том, что кавказские народы и народности, проживающие сегодня буквально «за речкой», не понимают друг-друга. Нет общности даже в базовой лексике. Терминах: гора, вода, дерево, земля, небо, мать, отец, ребенок и т.п. В чем причина? Назвать это родством затруднительно, и как могут настолько видоизмениться родственные языки одной языковой семьи, если их носители живут довольно тесно, в пределах десятков, сотни километров друг от друга. Может эта этническая пестрота следствие миграционных процессов и никакой «кавказской языковой семьи» не существовало. **Тем более, что из многих кавказских народов горцами самоназываются буквально единицы, в частности, например, карачаево-балкарцы (таулу - горец), аварцы (маарулал - горец), чеченцы-горцы (ламерой - горец).**

Тут ученые могут возразить, приведя факты антропологического (краниологического) родства населения. На Кавказе сложилась довольно туманная ситуация, когда схожим антропотипом обладают народы в корне отличающиеся по языку. Например, к тому самому древнему кавказионскому антропотипу относятся: сваны, чеченцы, осетины, карачаевцы, балкарцы, разговаривающие на совершенно различных языках. Вроде физический облик один, а языки разные. При этом иранский язык осетин и тюркский язык карачаево-балкарцев считается в науке «пришлым» на Кавказе по отношению к носителям «кавказских» языков.

В этой ситуации следует задуматься о причинах антропологического родства кавказского населения и его языковой пестроте и прямо поставить вопрос: а что такое антропотип? Это тот физический облик, присущий определенному этносу и передаваемый из поколения в поколение. В несколько видоизмененном виде он проявляется в случае межэтнических браков. Если к этому довольно логичному доводу привести и мнение выдающегося антрополога Дебеца, утверждавшего, что кавказионский антропотип имеет, мягко говоря, тяготение к «северной расе», к антропотипу населения «русской равнины», все может получить объяснение. Черты «северной расы» Дебец отмечал и среди носителей карасукской культуры. Германцы и могут оказаться тем самым «северным элементом с русской равнины», на базе которого формировался

кавказионский антроп и древняя бронзовая культура Кавказа. А при краниологических измерениях и сопоставлениях современного населения Кавказа не лишне спросить и фамилию обследуемого кавказца. Тюркские (в т.ч. и конкретно карачаево-балкарские) фамилии очень часто встречаются среди осетин, кабардинцев, вайнахов, среди народов Дагестана. Это следствие ассимиляционных процессов, объясняющих краниологическое, а не языковое родство. Возможно, поэтому у антропологически родственного населения Кавказа отсутствуют корни единого **кавказского пра-языка**, существование которого как такового под большим вопросом.

Выявление «германизмов» в лексике кавказцев может подтвердить гипотезу автора данной книги. Они имеются в карачаево-балкарском, осетинском языках, должны присутствовать и в нахско-дагестанских языках. Может их просто еще не выявили, или называют эти германизмы общим термином «индоевропейские изоглоссы». О балкарско-германских лексических параллелях будет сказано далее. Приводимые лингвистом А.Старостины в его специальной статье о индоевропейских и кавказских лексических соответствиях факты, обнаруживают за термином «индоевропейский» германскую лексику, морфологически перестроенную в «кавказских» языках. Тем более интересно то, что эта лексика затрагивает термины земледелия, животноводства, металлургии.

По мнению автора данной книги ираноязычное, германоязычное и тюркоязычное население присутствовало на Кавказе очень давно.

По непонятным причинам не развивается в работах современных лингвистов-кавказоведов и тема наличия в ряде кавказских языков параллелей с финно-угорскими и самодийскими языками, отмеченных еще в прошлом веке немецким лингвистом Максом Мюллером, утверждавшем, кстати, о механическом смешении, а не родстве кавказских языков. В недавнем прошлом этим лексическим связям также была посвящена работа лингвиста С.А.Старостина, который отметил целый ряд фонетических и семантических соответствий в ряде языков народов Кавказа с языками реконструируемой им «енисейской языковой семьи». Научная проблема и тема для исследования есть, нужно просто заняться этим.

Но вернемся к хеттским текстам.

4. **E SCHIANAS ; ENA KISCHIB** – «дом печати». Термин, обозначающий в хеттских текстах цеха по производству железных изделий. Так, например, в КВо I 14 приводится фрагмент письма хеттского царя Хаттусили III царю Ассирии:

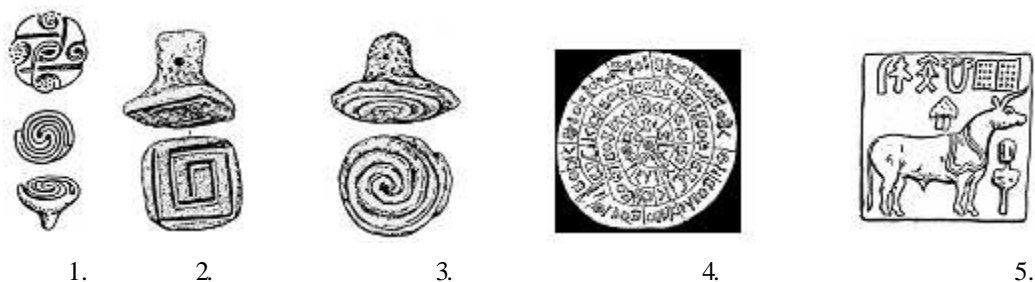
«Что до хорошего железа, о котором ты мне писал, хорошего железа в моем доме и «доме печати» в Кицувате нет. Сейчас плохая пора для производства железа, о котором я писал. Они сделают хорошее железо, но пока ещё не закончили работу.»

Термин «дом печати» в данном случае не совсем понятен. Он больше подходит для обозначения царской канцелярии или «типографии», но не для обозначения металлургического цеха. Появление этого термина могло быть связано с умышленной зашифровкой германской фразы «Stampfehütte» - обозначающей металлургический цех. В этой фразе присутствуют двусмысленные слова «Hütte» - 1. дом, хижина; 2. металлургический завод и «Stampfe», «Stempel» - 1. печать, клеймо; 2.(техн.) штамп. Стоит обратить внимание и на игру слов «Дом» и «Домна» в русском языке. Игра слов позволила скрыть под термином «дом печати» металлургическое предприятие, в технологии которого был известен и процесс **штамповки**. Поэтому хеттский «дом печати» - это немецкий «штамповочный цех». Ни слишком ли много убедительных германизмов в хеттских текстах, язык которых считается вымершим. Просто этот язык объявлен

«умершим» в лучшем случае - в результате искренних заблуждений в исследуемом материале, в худшем – в результате предвзятого отношения.

Теперь коротко о таком предмете в искусстве и жизни древних народов, как печати. Что ими запечатывалось – не столь важно, хотя в ряде случаев это и есть самое важное. А в рядовых случаях для нас важна орнаментация печатей, подлежащая фонетическому чтению.

Есть такое туркменское слово «Метбугат» - печать. В нем присутствуют неоднократно приводившиеся карачаево-балкарские слова «Ме» - спираль, «Мет» - ромб, что подразумевает спиральную, ромбическую, или спирально-ромбическую орнаментацию на печатях. Присутствует в этом слове «печать» и слово «буга» - бык. Теперь обратим внимание на целый ряд печатей, изготовленных в разное время и на разных территориях.

6.

Рис.9

1. Печать со спиралью. Чатал Хююк. Турция. IV тыс. до н.э.
2. Печать с ромбической спиралью. Трипольская культура. Украина. III тыс. до н.э.
3. Печать со спиралью. Кавказ. Кобанская культура. II тыс. до н.э.
4. Фестский диск. Эгейская культура. II тыс. до н.э.
5. Печать с быком. Индия. Харатта. II тыс. до н.э.
6. Развертка хеттской цилиндрической печати. II тыс. до н.э.

Их объединяет одно – тюркское слово «Метбугат» - печать, и ее «фонетическое» орнаментирование: спиралью (Ме), ромбовидной спиралью (Мет), быком (Буга), ромбо-спиральной свастики. А древнее соседство балкарцев в и туркмен в пределах Кавказа уже аргументировалось. Хеттский орнамент из ромбо-спиральных свастик широко использовался в орнаментации кобанских изделий Кавказа, и очень хорошо сохранился до сегодняшнего дня в орнаментальном

искусстве карачаево-балкарцев, как и многие другие орнаменты эпохи бронзы Кавказа (Студенецкая. Народное искусство карачаево-балкарцев.).

5. **5 NIG GID.DA AN.BAR.** - пять длинных сосудов из железа. Фраза из хеттского текста KUB XLII 11 V.3. На самом деле эта фраза означает «5 отливок гравированных топоров». В данной фразе явно присутствует карачаево-балкарское слово «GIDA» - топор, а слово NIG я предложил бы читать в форме NAGSCH/ NACKSCH. Дело в том, что карачаево-балкарское слово «Накыш» означает узор, орнамент, гравировка, чеканка, насечка. Происходит оно от древнегерманского слова «NAG/ NACK» - змея, этимологизируемого как «обнажённая», «не имеющая кожного или волосяного покрова». Сравните современные немецкие слова «nackt» - голый, обнажённый; «Natter» - уж, змея, гадюка, вероятно происходящие от древнегерманского слова «Nackttier»-обнажённое пресмыкающееся.

Происхождение карачаево-балкарского слова «Накыш» - узор, орнамент от древнегерманского слова «Nack»/ «Nag» - змея, (современное англ. Snak - змея) легко объясняется и указывает на изящность узоров и орнаментов змеиной кожи. В итоге карачаево-балкарская фраза «Накыш гида» (NACKSCH GIDA) означает «орнаментированный, гравированный топор». А карачаево-балкарское слово «Саут» имеет два значения: оружие и посуда. Поэтому слово «Гида» - топор (оружие), понято как сосуд (посуда). Двусмыслие балкарских слов внесло ошибку при трактовке и этой фразы.

Одно из древнегерманских названий змеи – «Nagt», попало в древнееврейский язык, в котором слово «нахаш» означает «змея».

Важные государственные документы, такие как межгосударственные договора, хетты гравировали на бронзовых, серебряных, железных пластинах. В тексте KBo IV Rs.22 упоминается договор хеттского царя с правителем Даттасы Ульми-Тесупом. Текст этого договора был отгравирован на железной табличке. При этом слово «гравировать» записано в фонетической форме «**kazziia**». А в фразеологии карачаево-балкарского языка слово «**казыу**» (kaziu) как раз и означает «гравировка», «резьба», при работе с такими материалами как дерево, металлы, камень. Да и само хеттское слово «**hatrai**» - писать, используемое в хеттских документах имеет связь с карачаево-балкарским словом «**Хат**» - письмо, почерк, каллиграфия. Напомню, что и хазарская письменность назвалась «хаттским» письмом.

В этой связи приведу один факт из книги О.Герни «Хетты», когда он описывает хаттский, или протохеттский язык:

*«На этом языке произносили свои заклинания жрецы многочисленных культов; большая часть этих культов была посвящена ведущим божествам хеттского пантеона. Однако, все эти тексты очень короткие и не дают достаточного материала, чтобы составить ясное представление о структуре и словарном составе языка...Как мы отмечали выше, тексты на этом языке предварялись словом **hattili**...»* (ук.литер., с.111).

*«Мы уже видели, что наиболее ранние обитатели Анатолии были народом, который мы называем **xamma**, потому, что они говорили на языке, именуемом в хеттских текстах **hattili**»* (ук.лит., с.57).

А что представляет собой фраза «**hattili**» из хеттских текстов. Фраза «**Хаттили**» означает на карачаево-балкарском языке «**язык письма**», т.е. письменность, или может означать «язык хаттов», если такой народ существовал. А в эпических сказаниях древнейших соседей балкарцев – осетин, герои разговаривают на «хатиагском» языке. Может это легенды о существовавшей письменности и умении древних балгар-кавказцев писать на языке «хаттили» и

читать на «хатиагском» языке. То, что в средневековье хазары заимствовали у болгар «хатское» письмо, также уже указывалось.

Но если существовал народ, действительно называвшийся «хаттами», то кем он мог быть по языковой принадлежности или кто его так назвал. Тут возможен ряд вариантов:

1. Тюркский народ, носивший этноним «сак» - олень; голова. На языке англичан тюрков-саков можно назвать «хат» - олень, или «хед» - голова. Может хатты и хетты – это английское название тюркского племени саков.

2. Известно, что в античности существовал и германский народ «хаттуарии», упоминаемы в античных источниках.

Фонетические совпадения слишком очевидны, но тогда надо признать и присутствие англичан в волне индоевропейцев, хлынувшей через Кавказ в Малую Азию. Инглинги, саксы – древние племенные подразделения германского суперэтноса, а не продукт раннесредневекового «разложения» готов на нынешние германские народы. Современный английский язык германский в своей основе, но с элементами влияния кельтских, французского, латинского языков.

Олень – животное не очень характерное в качестве культового для Малой Азии и тем более для Ближнего Востока. Например, жизнь семита во многом связана и зависит от верблюда, являющегося для него транспортным средством в условиях пустынь и основным домашним и рабочим животным, или коз и баранов. Олень же географически характерен для северных широт, будь он благородный или северный. А на хеттских штандартах очень часты изображения оленей. Соопоставим теперь это с тюркской и германской лексикой.

Огуз – бык (огуз.).

Сак/Саг – олень (древ.огуз.).

Сагун – царь, глава, вождь (огуз.).

Саг – олень (осетин.).

Сак – античный этноним народа (саков) Казахстана.

Саксы – этноним одного из раннесредневековых германских племен.

Nat – олень (англ.).

Хаттуарии – античное германское племя.

Hirsch – олень; старый служака, ветеран (нем.).

Штандарты с изображениями оленей или быков могли быть читаемыми на тюркском или германском языках, передавая этнонимы народов или титулы – «царь».

Огромный интерес для проведения историко-этимологических изысканий представляет современное немецкое слово «**Veil**» - **топор**. В корне этого слова присутствует древнегерманское числительное «**Bei**»- два, парный, используемое для обозначения парности, совместности действий, парности предметов, т.е. «**бинарности**». К такому выводу пришел автор.

Происхождение слова «топор» от числительного «два» явно указывает на древнее «знакомство» с символом двойного топора, широко распространённого в период бронзы в Средиземноморье и на Ближнем Востоке. Точнее не «знакомстве», а «авторстве» германцев в изобретении этого оружия и символа. Данное германское числительное «**Bei**» - два, парный, абсолютно тождественно тюркскому слову «**Бай**» - бог; священный. Проведение данной аналогии связано с исследованием происхождения древнего символа Малой Азии - Двуглавого Орла. Он изображён на скульптурах главной галереи в святилище Язылыкая (рис.10).

Рис.10

В мифологии тюрков, в том числе и карачаево-балкарцев, присутствует «Бай Куш» - священный орёл, сидящий на вершине мирового дерева. Данный сюжет мифологии будет рассмотрен ниже, а сейчас хочется обратить внимание читателей на слово «Бай Куш». Германское осмысление тюркского термина может символизировать «священного орла» в виде «двухглавого (парного) орла». Трактовка происхождения этого символа, как орла, объединяющего Европу и Азию и поэтому устремлённого взглядом в обе стороны, не выдержит серьёзной критики. Никто ещё не доказал, что географические термины «Европа» и «Азия» существовали во времена хеттов, и что граница между ними, как и сегодня, проходила по проливу Босфор. Да и почему именно орёл, а не лев, бык или лошадь. Можно напомнить, что и на вершине мирового дерева Игдрасиль, описываемого в древнегерманских сагах также сидел Орел. В народных преданиях балкарцев также присутствует белый двухглавый орел – Таурус Куш.

7. **SCHINITI** - свинец. Это слово из хаттского языка. Можно предположить, что шипящая огласовка характерная для семитских языков, внесла искажение в германское слово «Zinn»- олово. Оно довольно чётко этимологизируется и указывает на связь данного название металла со словом «Zahn», «Zehne» - зуб, зубы; «Zinke»- зубец (вилки). Такие металлы, как олово и свинец были известны ремесленникам очень давно. Отличительной особенностью этих металлов является их вязкость и пластичность. А метод апробации металла на «зуб», с целью его идентификации, так же широко распространённое явление, известное до средневековья. Поэтому не исключено, что хаттское слово «SCHINITI» является искажением или производным от германского «Zinn» - олово.

Интерес представляет и слово «TIS (W)V» - свинец, реконструируемое лингвистом С.А.Старостиным как общесеверокавказский (?) термин, хотя в нём так же явно присутствует тюркское слово «TIS / TISCH» - зуб.

Завершив анализ хеттских клинописных текстов связанных с терминами металлургии хотелось бы продолжить выявление элементов германской, тюркской лексики и символики в мифологии хеттов. Начать это исследование будет логичным с центрального персонажа мифов - бога грозы и молнии.

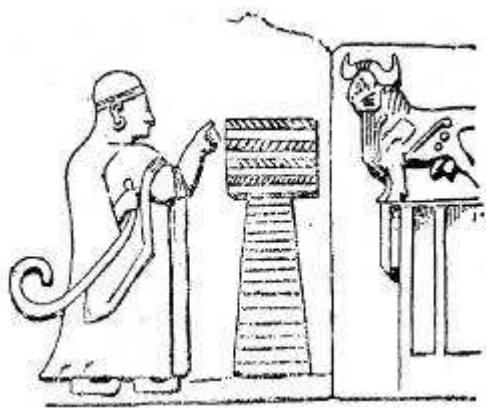

Рис. 11

Культ молнии зафиксирован в языческих верованиях многих народов, поскольку она повсеместно отождествлялась с проявлением божественной силы, его огненной мощи. Молния символизировалась с огненной стрелой, посланной рукой бога и прожигающей небо на своём пути к Земле. Исходя из подобных весьма логичных древних представлений о молнии, попробуем реконструировать эти образы в тюркском языке. Молния в карачаево-балкарском языке также называется «От» - огонь, а имя божества молнии – «Элия». Фраза «От чакды» означает «молния блеснула», дословно «огонь искранул». В данной фразе сразу привлекает интерес двусмысленное слово «От», означающее огонь и применяющееся в устойчивых фразеологизмах и к молнии. Второе значение этого слова «бык» и его применение в хеттских текстах уже демонстрировалось выше. Таким образом, тюркским символом небесного огня - молнии, так же может стать бык. А фраза «Отха табынуу» - поклонение огню, молнии, имеет второй смысл «поклонение быку». Это и имело место в

мифологии и изобразительном искусстве хеттов. На приводимом слева рисунке из книги О.Герни изображение барельефа из Аладжа-Хююка. Царь, поклоняющийся быку – символу бога Грозы. (ук.литер., с134). Быки изображены и возле бога Грозы на барельефе в святилище Язылыкая. Приведу один из хеттских текстов, связанный с культом бога Грозы:

«О бог Грозы города Циппаланды, живое воплощение главы богов, ешь и насыщайся, пей и утоляй жажду» (О.Герни, с.134).

В языческом пантеоне балкарцев одно из божеств носит имя «**Эли Цоппа**», а «**Элия**» - бог Грозы и Молнии. Существует и игра слов «Эль» - поселение, село, страна, с именем громовержца «Элия», что могло быть отражено в хеттском тексте – «город Циппаланды». Но если в парной балкарской фразе «**Цоппа Элия**» имя громовержца Элии будет трактоваться как село, страна, то его можно аллографически «германизировать», превратив балкарскую фразу «Цоппа Элия» в балкарско-германскую «**город Цоппа-Land**».

Среди эпитетов молнии, существование которых было бы возможно в германских языках, внимание привлекают слова «loh»- яркий, пылающий; «Lohe»- пламя; «lohen» - пылать. Они созвучны словам «Loch» - дыра, отверстие; «lochen» - дырявить, пробивать. Если германское слово «дырявить», «пробивать», созвучное слову «пылать», «пламенеть», перевести на карачаево-балкарский язык оно будет звучать в форме «**Тешиб**» - дырявить. Так дело в том, что «**Тешуб**» - это имя бога грозы хеттов. Германо- тюркское происхождение этого имени, учитывая уже имеющуюся статистику подобных межязыковых трансформаций и калькировок, не вызывает сомнений.

Из древнегерманского эпоса «Эдда» известно, что богом грозы древних германцев был Тор, обладатель могущественного молота - молнии. Имя этого бога также встречается в хеттских текстах, но в виде аллографической записи. В частности, в тексте КВо X, 24, III, 27-28; IV, 1-3. В нём упомянут «железный топор копья» с изображением бога Грозы использовавшийся в царском ритуале под названием «**место у ворот**». Сопоставим указанные факты с лексикой германского языка:

1. Слово «Herr / Gert» - господин, с которым раньше германцы обращались и к богу, созвучно слову «Gert» - копье. В ритуалах хеттов перед царём всегда шёл придворный держащий в руке копье, как бы оповещая окружающих о приближении их господина. «Железный топор копья» с изображением бога Грозы - это символический топор (молот) господина (бога) Грозы.

2. Хеттский ритуал называется «место у ворот». По-немецки это фраза «Torplatz» - место у ворот, но в ней появилось имя древнегерманского бога грозы Тора. Фраза «Torplatz» означает как «место у ворот», так и «место (площадь) бога грозы Тора». Вероятно, речь идет о святилище бога Тора и рассмотренный хеттский текст описывает ритуал поклонения богу Грозы, носившего у хеттов-германцев имя «Тор».

3. Но немецкое слово «Тог», помимо того, что означает «ворота» и являлось именем бога – громовержца имеет и значение «глупец», «дурак». Если это значение имени громовержца перевести на балкарский язык, это будет слово «Тели» - глупец, дурак. А поскольку имена громовержцев используются в ономастике – это германское личное имя «Tohr», балкарское личное имя «Илия», можно предположить, что неверной балкарской калькой с немецкого имени «Tohr» будет имя «Тели». **Телепину** – это имя одного из хеттских царей, правившего в середине II тыс. до н.э. Наверное, это была балкарская передача реально существующего и сегодня германского имени **Thor**, имени древнегерманского бога-громовержца. На балкарском языке слово «**Тор**» означает «рыжий», а в германских сагах его также называют «рыжим».

4. Если существовал хеттский город бога громовержца, носивший балкар-германское название «Цоппаланд», то, как он мог бы называться в другой германо-балкарской вариации. Естественно этот город был бы назван «Тог» или «Тору». Хеттский город Торвис (Торувис) стал широко известен благодаря греческой передаче его названия. Греки называли его - Троя (Troia). Вот, что пишет О.Герни по этому поводу:

«Это название встречается всего лишь один раз – в списке городов и областей страны Ассува, которая сама нигде в другом месте больше не упоминается.» (ук.лит.,с.52).

Страна Ассува – это Сирия. И вот на чем основано мнение автора. То, что в древнебалкарском, как и в персидском языке, Сирия и город Дамаск назывались «Шам» уже указывалась. Но это балкарское слово имеет еще два значения: «**святой**» и «**ночь**». Балкарское «**Акшам/Ахшам**» – вечер, дословно «белая ночь», время, когда солнце зашло, но ночь еще не опустилась.

В первом значении, при переводе на семитский язык, город «Шам» - Дамаск, можно назвать «Кадеш» - святой. Такой город и страна появилась на страницах хеттских текстов и локализуется именно на территории Сирии. У города Кадеш в 1286 году до н.э. произошла битва хеттов с войском египетского фараона Рамсеса II. Вероятно к этому древнему названию города Кадеш – святой (др.евр.) восходит и название «Священного Города» - Иерусалима, в названии которого слово «Иеро» - греческое слово «священный».

Второе значение балкарского слова «Шам» - ночь, означавшего и «Сирия», при переводе на семитский язык звучит «Ассу» - ночь (арабск.). Так появилась страна «Ассува», упоминаемая в хеттских текстах лишь один раз. И в данном случае аргументы присутствия тюрков-балкар среди хеттов более чем убедительны, поскольку значения слова «Шам» - священный; ночь, присущи древнебалкарскому языку.

Имеется в балкарской ономастике и личное имя «Шаман», в котором слово «Шам» означает «святой». При частичном калькировании этого имени на семитский язык получается имя «Кадеш-ман». А **Кадешман - Тургу** (!) – это имя касситского царя Вавилона начала XIII века до н.э. (О.Герни, с.35).

Рис.12

Рис.13

Наиболее интересным и значимым для автора исследования явился факт существования у хеттов культа бога-меча, также как и у античных скифов, алан, хуннов. В соответствующей главе книги «Сага о Кавказе» этот культ был довольно подробно исследован. Теперь рассмотрим

аналогичный культ у хеттов, подтверждающий его тюрко-германское происхождение. А вот как выглядит пантеон хеттских богов-мечей из известного святилища Язылык-Кая. На рис.13 изображено шествие двенадцати богов – меченосцев. По предположению ученых в этом святилище проводились ежегодные празднества, завершавшиеся «священным бракосочетанием». Напомню, что имя бога-меча у германцев было Херу, в связи с чем, скифские мечи-акинаки приобрели явно выраженные фаллические рукояти. Вероятно, потому, что культ меча носил и фаллический смысл, заключенный в германском имени бога – меча (**Hehru**) и арготивном названии ножен (**Scheide** – 1.ножны; 2.

женский половой орган). Упоминаются в хеттских текстах, связанных с культом бога-меча и «двенадцать богов распутья». Интересный термин «боги распутья». В немецком языке фраза «**Scheideweg**» - распутье, перекресток дорог, имеет второй смысл «дорога в ножны», «дорога в вагину», т.е. «дорога» фаллического бога-меча по имени Херу. Поэтому, вероятно, празднества в этом святилище завершались «священным бракосочетанием». И в данном культе хеттов прослеживаются явные германские параллели. Да и ряд русских слов: путь, распутье, распутник, распутная, подтверждает вышеизложенную трактовку хеттских «богов распутья», ритуалов священного бракосочетания в храме Бога-Меча. А богом-мечом древних славян был Сварог, имя которого по происхождению шведско-германское слово Svar/Schwer – тяжелый, Svart/ Schwert – меч.

Теперь несколько слов об кавказских аланах и их стране Барсилии, известной по истории раннего средневековья. То, что автор утверждал древность присутствия алан (они же балгары, барсилы, часть кеммерийцев и скифов) на Кавказе, и то, что их барсовая этнонимика, реализованная в виде барсовых геральдических бляшек, существует с эпохи бронзы можно аргументировать и на примере из хеттской истории. Страна кавказских алан называлась ими по-тюркски: «Барсиль» - страна барсов, «Барсэль» - страна барсов, поселение барсов. А слово «алан» - снежный барс (дословно «пятнистый»), является формой взаимобращения карачаево-балкарцев. Факт, многократно отмечавшийся карачаево-балкарскими историками.

Попробуем теперь отыскать барсов и их поселения в хеттской истории, граффити и текстах. Так, например, на барсах стоят боги хеттов, изображенные в святилище Язылыккая, а шкурами леопардов накрывался трон хаттов. Какие еще совпадения можно отметить на приводимом изображении хеттских богов с Кавказом и аланами-барсилами:

1. Барсы – символизируют богов хеттов, которые могли быть асами-аланами.
2. Боги хеттов стоят на вершине двуглавой горы, вероятно – Эльбруса.
3. Немецкое слово «Kulm» - вершина горы, омофонично карачаево-балкарским словам «кул» - раб, «кулум» - (мой) раб. Поэтому, один из хеттских богов (третий слева, рис.14) стоит на «двух рабах», что являлось германо-балкарской аллограммой фразы «на двух вершинах». Боги держат в руках шаровые булавы, которые реально существовали в вооружении хеттов (рис.15). Это довольно оригинальные булавы с четырьмя симметрично нанесенными на сферу булавы шипчиками.

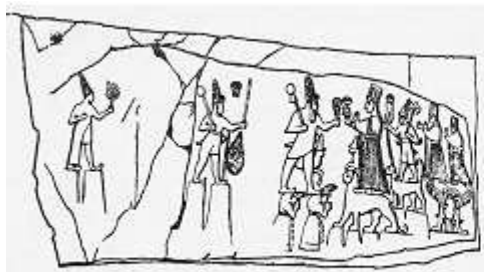

Рис.14

Рис.15

Рис.16

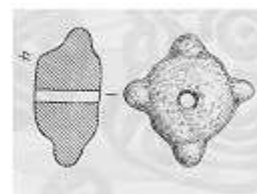

Рис.17

Такие 4-х шипичные булавы существовали у хеттов (рис.15), кобанцев Кавказа (рис.16) и хорошо известны из погребений Тлийского могильника второй

половины II тыс. до н.э. О происхождении этих 4-х шишечных булав можно привести выдержку из книги И.М.Мизиева «История рядом»:

«На правобережной Украине каменные булавы «в виде креста с шаровидными оконечностями» были найдены на поселении древнего этапа трипольской культуры и в древнейших слоях Мариупольского могильника на нижнем Дону (ныне г.Жданов).» (ук.лит. Нальчик, Эльбрус, 1990г.с.10).

Известны находки подобных 4-х шишечных булав и на Дальнем Востоке (рис.17). Совпадения форм 4-х шишечных булав не случайны, а назвать это конвергентным явлением в материальной культуре древнего населения Украины, Кавказа, Малой Азии и Маньчжурии было-бы верхом некомпетентности. Интересно, что тюркское слово БАЛГЪА – булава, содержится в этнониме БАЛГЪАР – балкарец. Может булава – это символ царя балгар.

4. Боги хеттов носят конические головные уборы – колпаки. А скифских жрецов греки называли «колпаконосцами». Подобные головные уборы были характерны и для части сакских племен Азии, называвшихся персами «саки-острошапочники».
5. «Барс Эль» - поселение барсов, страна барсов (*кар.балк.*). В данной фразе слово «Эль» имеет и значение «ладонь», «линейная мера длины в один палец». Немецкое слово «Elle» имеет те же значения «локоть» (*анатом.*) и «локоть» (*мера длины*). «Барс Элле» - поселения барсов (*кар.балк.*). Т.е. в обоих вариантах возникает балкаро-германская игра слов «поселение» и «рука», что можно записать аллографически через посредство германского слова «Hand» - рука, «Hände» - руки. Тогда балкаро-германский вариант названия страны алан - «**Барсэлле**», будет звучать в германском языке приглушенно «**Парсханд**», «**Парсхенде**». О.Герни пишет, что Парсуханда – это один из главных городов хеттов, где производилось железо.
6. Двухзначное тюркское слово «Эль» означает не только «поселение, село», но и «страна». Таким образом, можно подумать, что тюрки называют село, поселение – страной. Если использовать немецкое слово «**Land**» для обозначения страны – это правильно, но использовать его для обозначения «села», «поселения» - будет аллографической ошибкой. Этот лексический факт приведен для того, чтобы объяснить, почему один из хеттских городов назывался немецким словом «**Ланд**» (О.Герни, с.23), а другой Цоппа-ланд. Цоппа – балкарское языческое божество молнии.

На этом небольшое исследование, аргументирующее тюрко-германские элементы в культуре хеттов можно завершить. Дальнейшее, более подробное исследование может дать ещё много интересных фактов. После падения и заката хеттской империи, народы, составлявшие её, население вошли в состав вновь образованных государств.

Рис.18

Рис.19

Завершая главу о хеттах, необходимо вернуться к Кавказу. К району, с которого началось вторжение хеттского полиэтноса в Малую Азию. На кавказские параллели с культурой хеттов, указывает большинство исследователей, проводящие параллели в инвентаре северокавказских культур и хеттов. Та, например, Дж.Маккуин обратил в своей книге внимание на сходство скульптуры быка из Аладжа-Хююка (рис.18) с золотой фигуркой быка из известного

Майкопского кургана (рис.19). А может это геральдический знак туркмен – огузов, легендарный предок которых именовался Огуз-хан, дословно «Бык-Хан». Да и на известном золотом сосуде из Майкопского кургана изображены:

барс, лев, бык и горный тур. Удивительно, но все эти животные передают этнонимы: алан-барсилов, асов, огузов, саков (турков). Шествие животных идет на фоне двух двуглавых гор – Эльбруса и Казбека. Совпадения случайны? Вряд ли!

В археологических культурах Кавказа эпохи ранней и средней бронзы есть еще один «говорящий» экспонат. Это «рогатые» и «фаллические» очажные подставки, широко распространенные в культурах Закавказья. Об этом довольно распространено написано в работе Кушнаревой К.Х. и Чубанишвили Т.Н «Древние культуры Закавказья». Это массивный глиняный очаг с тремя фаллическими выступами-подставками из поселения Караз (ук. литер. с.68; с.111), или, например, очажная подставка в виде головы быка (ук.литер. с.142). Что это? Это – продолжение тюрко-германских традиций «фонетико-семантического» стиля. Германское слово «Herde» - очаг, содержит древнегерманское слово «Хер», известное и в русской арготивной лексике в том же значении. Значит «германская» очажная подставка должна быть фаллической. Изображения фаллосов на очажных подставках встречаются и в латенской культуре Европы (середина I тыс. до н.э.). Да и в карачаево-балкарском языке существует интересный термин: «От кётю», дословно «половой орган огня», означающий **очажную подставку**. Произнося фразу «Отха салга» - поставить (что либо) на огонь, очаг, можно обнаружить, что она имеет второй смысл «поставить на быка». Значит, карачаево-балкарец изготовит очажную подставку в виде головы быка или с рогами. Археологи их так и называют «рогатые очажные подставки». Подобные изделия известны в Закавказье с эпохи ранней бронзы – III тыс. до н.э. Очередное случайное совпадение, конвергентное явление? Нет! Это еще одни материализованные следы германской и тюркской лексики в археологических культурах Закавказья эпохи бронзы.

На приводимых ниже рисунках (рис.20,21) изображены рогатые очаги-алтари древних храмов кавказской Албании, этническая принадлежность населения которого уже давно дискутируется. Но семантика этих «рогатых очагов-алтарей» - тюркская.

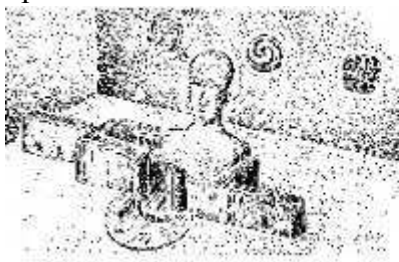

Рис.20

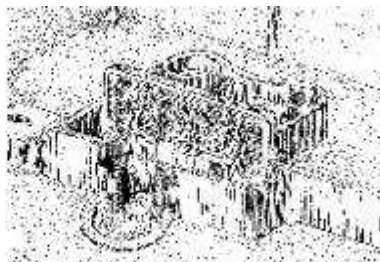

Рис.21

Рис.22

Рассмотрим теперь печати с территории древней Албании (рис.22). Они сопоставимы с спиральными кобанскими печатями и весьма своеобразным прямоугольно-ломанным начертанием свастики, известном и по рассмотренным выше гравировкам на кобанских топорах и андроновских сосудах. Опять явные совпадения, учитывая сложность последнего свастичного орнамента и невозможность его случайного появления.

Азербайджан, по признанию многих исследователей признается родиной Зороастра и зороастризма – религии огня. В этой связи автор предлагает ознакомиться со следующим материалом.

Глава IV. Отдин – Религия Огня

Данный раздел главы посвящен религии огня – зороастризму, истоки которого также лежат в области философии древних тюрков и германцев, пришедших в Иран с Кавказа. Аргументы из области материальной культуры, факты проникновения тюркской и германской терминологии вооружения и коневодства в иранские языки приведены в соответствующей главе книги «Сага о Кавказе». Дополнить этот материал можно и фактами из области философии.

Отдин – верховное божество и земной герой германской мифологии, бого-человек из рода асов (алано-балгар). Его имя на карачаево-балкарском (алано-балгарском) языке означает «**Религия Огня**» - **От Дин**. Согласно легенд, он закончил свой жизненный путь где-то в Скандинавии и стал первым, кто был посмертно кремирован. С пламенем погребального костра он вознесся в свой небесный дворец – Валгаллу.

Подобный факт из мифологии и тюркский смысл имени германского божества - Отдина, требует более детального исследования и сопоставления с традициями другой религии - зороастризма, учитывая вышеприведенное утверждение и многочисленные аргументы о проникновении кавказского тюрко-германского полиэтнического населения в Иран в конце II тыс. до н.э. Зороастризм, как религиозно-философская система проповедовал идею очищения и духовной чистоты, поклонение огню, как божественной очистительной силе. Доктрины этой религии были изложены Пророком Зороастром в виде текстов – Гат, и собраны в священном писании «Авеста».

Зороастризм был уже стар, когда о нем впервые упоминается в исторических источниках. Установить точные даты жизни пророка весьма затруднительно, но есть некоторые свидетельства, позволяющие предположить, что Пророк Заратуштра жил, по-видимому, после 1500-1200 гг. до н.э. Возникнув, предположительно около 3500 лет назад, учение Зороастра было государственной религией Ирана с VI в. до н.э. по VII в. н.э. и наложило свои отпечатки на все последующие религии Ближнего Востока. Основная трудность в изучении основ зороастризма для современных исследователей заключается в том, что многие священные тексты утеряны, а сам язык Авесты весьма архаичен и изобилует словами и терминами, **которые встречаются только в текстах и отсутствуют в живых иранских языках**. Поэтому многие термины Авесты толкуются исследователями согласно общего контекста, а не реконструируются и этимологизируются на основе иранских языков. И именно авестийским терминам, выявлению их достоверного содержания и истории их возникновения посвящена последующая часть авторского исследования.

Исследование проведено опираясь на специальную работу «Зороастрийцы. Вера и обычаи» (Издательство «Наука», ГРВЛ, Москва, 1988г.) одного из ведущих иранистов современности, профессора Лондонского университета Мэри Бойс. Начну с самого термина «Авеста», в полной версии называемого «Зэнд-Авеста».

«**Зэнд-Авеста**». Совокупность зороастрийских текстов называется **Авеста**, **Зэнд-Авеста** или упрощенно **Зэнд** и традиционно истолковывается как «Обыкновенное изречение». Факт определенностораживающий, поскольку их тексты – Гаты, не обыкновенны по своей философско-религиозной сути. Довольно сложно представить, что язык древних и современных иранцев столь различен, что не позволяет точно переводить и понимать не только тексты Авесты, но и самое слово Авеста. Иносказания и символизм в священных писаниях и легендах присущи многим древним религиозно-философским школам. Можно предположить, что религиозное учение первоначально было создано для узкого круга лиц – членов касты, и поэтому изобилует аллегориями и иносказаниями. Такой факт может иметь объяснение, в противном случае, если

учение создавалось для народа, то непонятно столь завуалированное изъяснение в текстах писаний. Но в ходе авторского исследования возникли факты, указывающие на то, что философский символизм и терминология зороастризма созданы не на древнеиранском языке, а на тюркском и германском языках, а местами используется тюрко-германское «эсперанто», т.е. искусственное словообразование на стыке двух языков, как это имело место во многих вышеприведенных примерах.

Одним священных символов зороастризма является пламенеющая Огнем Чаша. Следовательно, стоит проверить по словарям как называется Чаша в тюркских и германских языках, и какая тюрко-германская игра слов здесь может возникнуть, поскольку эзотерика составлялась с использованием обоих языков. В германском языке одним из названий Чаши является слово «**Kumm**». На карачаево-балкарском языке омофоническое слово «**Кум**» означает «**Песок**». Теперь переведем слово «Песок» обратно в германский язык. Получается слово «**Sand/ Sände**» - песок. Первый этап и метод эзотеризации немецкого слова «**Kumm**» - Чаша, через посредство карачаево-балкарского омонима «Кум» - Песок, в немецкое слово «**Sand/ Sände**» выявлен.

«**Авеста**». В данном случае также не очень сложно реконструировать первоначальный германский философский смысл и сам термин. Поскольку сердцевиной религии Зороастра является Священный Огонь, рассмотрим германское слово «**Herd(e)**» - очаг, горн. Оно омофонично слову «**Härte**» - твердость, крепость, синонимом которого и является слово «**fest**» - твердый, крепкий. Подобный факт омофонии двух первых слов и синонимии второго и третьего слова уже рассматривался в главе, посвященной хеттам, приводилась и ссылка по книге О.Герни. Он приводит выдержку из клинописных текстов Богазкея, описывающих похоронный обряд методом кремации:

«...Вокруг УКТУР, на которых сжигается тело...»;

«...На второй день, как только рассветает, женщины идут к УКТУРИ, чтобы собрать кости. Они гасят огонь...».

Пытаясь объяснить значение слова УКТУРИ, О.Герни пишет: «**В контексте напрашивается перевод «погребальный костер», но само слово означает «твердый, фиксированный, постоянный».**»

Опираясь и на этот факт, автор констатирует, что его предположение является аргументированным и верным. Именно германская омофонично-синонимическая игра слов «**Herd(e)**» - очаг, горн, «**Härte**» - твердость, крепость, «**fest**» - твердый, крепкий создала целый ряд терминов, связанных с огнем:

Гефест - имя греческого бога-кузнеца. Слово явно германского звучания.

Весталки - название римских жриц очага.

Фестиваль - судя по всему, слово, означавшее в древности праздник огня, очага.

Fest – праздник, торжество (нем.). Однозначно напрашивается вывод о том, что и этот термин связан с древнегерманским праздником Огня, Очага. Автор назвал бы его «**Feuertag**». Имеется и другой ряд слово живого немецкого языка, указывающий на верность этих выводов:

Feier - празднество, торжество;

Feiern - праздновать, чествовать;

Feiertag - праздник, дословно праздный день, день торжества.

Изначальная связь этих терминов со словом **Feuer** - **огонь, пламя**, довольно прозрачна, а фраза **Feiertag** - праздник, с историко-этимологической точки зрения, правильной звучала бы в предложенной выше форме **Feuertag** - **день огня**, отражая древнегерманскую историческую традицию ежегодного празднования **дня огня**.

Таким образом, эзотерическое использование немецкого слова «fest» - крепкий, твердый, для обозначения Огня, Очага является не просто предположением автора, но реально возможным и реально реализованным тысячелетия назад лексико-эзотерическим фактом, проникшим в хеттскую письменность, древнегреческую и древнеримскую мифологию.

Теперь, соединив слова «**Sände**» и «**fest**», получим фразу «**Sändefest**» - Зэнд Авеста, названия свода священных писаний зороастризма. Думается, аргументы германо-тюркского происхождения этого термина были довольно убедительны. А поскольку немецкое название чаши, тождественное карачаево-балкарскому слову «песок» породило фразу «Зэнд», ее еще раз перевели, но уже на иранский язык, в котором щепень (песок) называется «Риг». Так появился уже новый, иранский термин - «**Риг Веда**».

Алам Иш – Вселенская Работа (кар.балк.). Понятие «космос», «мироздание» в языке Авесты так же имеет тюрко-германское искусственное происхождение. Так одно из священных писаний зороастрийцев называется «**Бундахишн**», что переводят с пехлеви как «сотворение основы (мироздания)». Рассмотрим как образовалось это слово. Карачаево-балкарское слово «**Алам**» – мир, вселенная, космос, содержит в себе слово «**ала**» – пестрый, синонимом которого в германском языке будет слово «**bunt**». А карачаево-балкарская фраза «**Алам иш**» – вселенская работа, при замене первого слова на германское слово «**bunt**» может принять германо-тюркскую фонетическую форму «**buntich иш**» - пестрая работа (сравните с авестийским Бундахишн), подразумевая «вселенская работа». Эта же фраза может трактоваться по-тюркски и как «**Великая Работа**» - Ала Иш.

Арийу - это карачаево-балкарское слово, означающее «**чистый**». Понятия ритуальной чистоты, самоочищения от грехов и очищение мира от зла есть основополагающее понятие религии Зороастра. А с позиции балкаро-германского двуязычия ритуально чистый, безгрешный человек будет обозначен термином **Арийу-манн – чистый человек**. Слово «Арийу» - чистый, исконно тюркское слово, почему оно так и не нашло этимологического объяснения в иранских языках. А ведь именно к божеству **Айрийману** (Арийуману – Р.Т.), который огнем очистит мир в день Фрашо-кэрэти, авестийского Апокалипсиса, обращена вышеназванная молитва «Айрийема-ишйо», точнее «Арийу иш» - благое дело, очистительная работа.

Термин **Арийу – чистый**, это тюркский религиозно-философский термин для обозначения чистого, безгрешного человека – арийца. Он не имеет никакого отношения к понятиям расы или национальности, хотя многие с удовольствием жонглируют этим термином. Но философско-религиозный термин «арийу» - чистый, имел отношение только к членам касты чистых, в которую принимали далеко не по расово-национальным или антропологическим признакам. Остальные миряне – люди или народы, не исповедовавшие идею Духовной Чистоты, не считались арийцами. **Ариец, в полном понимании этого слова – это монах, аскет, жрец, священник.**

Гаты. Так называются тексты священных писаний зороастризма. Но это слово «Гат» - есть тюркское слово «письменность», «страница». В карачаево-балкарском языке слово «хат» означает «письмо», «письменность», «каллиграфию», а в современном туркменском языке слово *Гат* означает страницу (книги, документа). Этимологически тюркские слова восходят к понятию «линия» и традиции письма по разлинованной поверхности. Но, возможно, связаны с линейным типом письма – руникой. Опять тюркизм в терминологии зороастризма.

Рис. 1

Farrn. Учёные-иранисты объясняют это древнеиранское слово как «благодать». На самом деле это германская калька с карачаево-балкарской игры слова «От» - **огонь; бык**. Германское слово «Farr» - **бык**, стало основой термина «Farrn» - благодать, применительно к объекту поклонения – **огню**. А в космогонии зороастризма известны три величайших Огня, которые вспыхнули на спине Быка. Игра древнего карачаево-балкарского слова «От» – **огонь; бык**, использовалась и в символизме зороастризма, в частности в ходе обряда посвящения в сан. Парс-священнослужитель держал в руке жезл с **бычьей** головой (рис.1), который символизировала его посвящение в сан высшего служителя Священного **Огня**. Карачаево-балкарская фраза «от баши» имеет несколько значений: 1. глава (старший) огня; 2. пространство над очагом; 3. голова быка (*древн.*). Связь символизма зороастризма с лексикой тюркского языка заметна. Фраза «От баши» - Глава Огня, имеет и другой смысл «Быкоголовый». Возможно, легенда о Минотавре тоже родилась на основе символизма Религии Огня.

Бог Митра режущий быка – один из основных изобразительных канонів религии Зороастра. Он возник на основе известного космогонического мифа о сотворении мира. Создавая мир, боги поместили в центре земли три одушевленных творения: одно растение, единожды созданного быка и одного человека по имени Гайо-Мартан – «смертная жизнь». Затем они разожгли огонь, как видимый, так и невидимый, в качестве жизненной силы, наполняющей одушевленные творения. С целью приумножения этих творений боги совершили затем тройное жертвоприношение: истолкли растение, зарезали быка и убили человека. После этого акта «расчленения» появилось множество растений, быков и людей. Символизм данного мифа построен на многозначности тюркского слова «от» - огонь;

Рис. 2

трава; бык, и подразумевает, что в начале творения мира был огонь. Можно предположить, что речь идет о космогоническом мифе, когда в начале времён мир существовал в виде хаоса и тьмы, но в его середине появились огонь (бык) и исходящий от него свет. Родился первый сюжетный ряд мифа о сотворении мира. Первородный огонь (он же мифологический бык), и свет, исходивший от него, были рассечены богом, и этот акт положил начало жизни во Вселенной. Этим мечом, возможно, был спектр, т.е. радуга, которую карачаево-балкарцы и сегодня называют мечом бога. Карачаево-балкарская фраза «От джарыу» – **Свет Огня**, имела и второе значение «**рассекание быка**», «**рассекание огня**». С ней связан мотив жертвоприношения богами «единожды созданного быка», т.е. огня, с целью создания множества быков-огней. Этот сюжет – Митра реже быка,

широко известен в символизме (рис.2). Классическим является и изображение собак, слизывающих кровь жертвенного быка. Вероятно, и здесь имеет место ирано-немецкая игра слов «хун» - кровь (иранск.) и «Hund» - собака (немец.).

Хакъ - истина, правда, истинный, настоящий. **Хакъын** – клянись (кар.балк.). В карачаево-балкарском языке слово «клятва», «клянись» происходит от слова «истина», «правда», «настоящий». Пользуясь данной карачаево-балкарской аналогией от германского слова **wahr (вар)** - верный, настоящий, правильный, можно создать искусственное слово **wahren (варен)** - клясться, давать клятву. Предположение не отвлечённо - гипотетическое. **«Варуна» - это название торжественной клятвы зороастрийцев.**

Имя Wahr (Вар) – это и имя богини клятв в древнегерманской мифологии, в современном немецком языке слова с таким значением нет, что подтверждает гипотезу о существовании сакральной германской лексики в касте жрецов. Карачаево-балкарская фраза **«Бек динли»** означает «Очень Верующий», и сопоставима с названием зороастрийцев **«бехдин»** – (принадлежащий) благой вере.

Дахма – могила, позднее место трупоположений, «башня молчания» (авест.). В зороастрийской архитектуре известны «Башни Огня» на которых пылал Священный огонь, в митраизме известны подобные башни, на верхние площадки которых выносились трупы умерших, для того, чтобы их плоть расклевали орлы. В данном случае возникает предположение о том, что на верхней площадке башен зороастрийцы могли и кремировать тела. Авестийский термин интересен тем, что он созвучен германскому слову **«Dach»** - «крыша», «кровля». А ведь именно на верхней площадке башен (крыше) происходили погребальные обряды митраистов и возможно кремации у зороастрийцев.

Ариу джан – 1.чистая душа; 2. чисто гори. Эту карачаево-балкарскую фразу можно философски символизировать образом «чистого пламени огня», поскольку слово **джан** – душа, тождественно глаголу «гори». В зороастризме огонь наделен святостью и чистотой, а также способностью очищать от греха. **Джаныммы ариуладым** – я очистил свою душу. В этой карачаево-балкарской фразе присутствует второй, игровой смысл **я очистил свое пламя.**

Джаннет – рай, место пребывания душ усопших на карачаево-балкарском языке. Это слово образованно от карачаево-балкарского слова «джан» - душа, но при этом слово рай вырисовывается и как огненная, очищающая среда. Слово «джаннет» известно и в арабском, и персидском языках, но ошибочно считается по происхождению арабским. В арабском языке слово **«джаннат»** означает **«сад»**, и является омофоном карачаево-балкарского слова «джанат» - горит. В связи с этой игрой слов интерес вызывает происхождение персидского слова **«бише»** - сад, которое происходит от карачаево-балкарского слова **«биш»** - горячий; вари, **«бише»** - варясь, **«бишет»** - вариться. Подобны межязыковые фонетико-семантические отражения довольно часты.

В обрядах зороастрийцев, посвященных умершему, поминальная пища готовилась в течении **30** дней, а сами поминки проводились ежегодно в течении 30 лет. Цифра **«30»** в этих обрядах также имела сакральный смысл. В карачаево-балкарском числительном **«Отуз»** – 30, присутствует слово **«От»** – Огонь, **«Оту»** - его Огонь. Душу (**пламя**) умершего, вознесшуюся в рай (**пламенный мир**), поминали в течении тридцати (**огненных**) дней и лет, как следует это из символизма карачаево-балкарского языка – изначального языка парсов.

Согласно легенд, пророк Зороастр также получил божественные откровения, когда ему было **30** лет.

Игра слов в германском языке могла стать основой появления еще одного древнеиранского слова и связанных с ним обрядов. Германское слово **heiß** –

горячий, жаркий, пламенный, в древнегерманском могло означать и имя, так как присутствует в слове *heißen* – называть, именовать. В карачаево-балкарском языке синонимами германского слова *heißen* являются слова *ат* - имя, *ата* – называй, именууй, *атар* - назовет, наименоует. В результате появилось зороастрийское слово *аташ* – *огонь*.

Таким образом, появившаяся германо-балкарская игра слова *огонь* со словом *имя* привела к возникновению обычая, хорошо известного в сасанидском Иране. **Огням стали давать Имена. Огни Душ, Именные Огни** – так они назвались на среднеперсидском языке.

Изложенный анализ лексического материала Авесты, по мнению автора, довольно убедительно аргументирует карачаево-балкаро-германские корни и происхождение одной из древнейших религиозно-философских систем Востока - зороастризма, как и этническую принадлежность Зороастра к одному из этих этносов. Религия огня в Иране возникла в эпоху поздней бронзы в результате инфильтрации части тюрко-германского кавказского населения Кавказа в Иран. Имя германского бога Отдина, дословно - религия огня (кар.балк.), и храмы культа огня древней Албании (Азербайджана) свидетельствуют об этих связях и существовании религии огня на Кавказе в эпоху бронзы.

Глава V. Карачаево-балкаро-германские лексические параллели

Говоря о тюрко-германском симбиозе в пределах Кавказа в эпоху поздней бронзы (кобанская культура) необходимо аргументировать это и фактами лингвистического характера. А таковые факты есть, и их происхождение надо объяснить. Согласно общепринятым в кавказоведении гипотезам о происхождении карачаево-балкарцев, они являются многослойным этническим «пирогом»:

1. Кавказский субстрат. В языковом и этническом плане так и не определенные наукой кавкасионы эпохи поздней бронзы (кобанцы).

2. Далее шло наслоение ираноязычных кочевников – скифов, сармат и аланов. Сплошная ираноязычность этих народов аргументируется также весьма неубедительно.

3. Финиширование этногенеза карачаево-балкарцев завершали гунны-болгары и кипчаки-половцы, тюркизировавшие предыдущий кавказо-иранский этнический субстратный пласт.

Если это верно (с чем автор в корне не согласен), то как объяснить и датировать наличие германизмов в карачаево-балкарском языке. Ни гунны-болгары, пришедшие с северного Китая, ни кипчаки-половцы, «родившиеся» на Алтае не могли внедрить в язык карачаево-балкарцев германскую (!) лексику. Это могло быть возможно только в рамках выдвинутой в данной работе гипотезы о балкаро-германском симбиозе в эпоху поздней бронзы – кобанская культура. Если немцы и карачаево-балкарцы соседствовали – это должно отразиться в лексике их языков. Теперь рассмотрим сотню этих соответствий.

Карачаево-балкаро - германские лексические параллели.

№ п.п.	Карачаево-балкарская лексика	Германская лексика
Фонетико-семантические соответствия		
1	Ант – клятва Айт - говори	ahnden – карать, наказывать (за клятвопреступление ?) Eid – клятва, присяга
2	Ана – мать	Ahne – прабабка, прародительница
3	Анна тиль – родной язык (дословно «язык матери»)	Muttersprache – родной язык (дословно «язык матери»)
4	Амма – бабушка	Amme – кормилица, мамка
5	Адиль – справедливый	Adel – дворянство, знать (благородство – это справедливость)
6	Базыкъ – толстый (в т.ч. о низком звуке)	Baß – бас (голос, тон, «толстый звук»)
7	База – свояк, муж своячницы (диал)	Base – кузина, тетка; кума
8	Боза – хмельной напиток, буза	Böse – злой, сердитый (пьяный?)
9	Бау – сарай, хлев	Bau – постройка, здание, корпус
10	Батан – кучка сена, навильник	Batzen – куча глина, руды (и т.п.)
11	Бюг – согни; Бюге - сгибающая	Bug, Bűge – сгиб; сустав
12	Биль – знай	Bilden – образовательный, творческий

	Бильдир – ознакомь, сообщи	
13	Борч – заём, долг	Borg – займы, в долг
14	Бёчке - бочка	Bottich – чан; Böttcher – бондарь
15	Бурху – крошка (хлебная и т.п.); осколки (чего либо)	Bruch, Brüche – ломка, поломка, разлом.
16	Эль – ладонь; пядь (<i>мера длины</i>)	Elle – локтевая кость; локоть (<i>мера длины</i>)
17	Энди – теперь (<i>термин применяемый по завершению какого-либо процесса, события</i>)	Ende – конец, исход
18	Эн – ширина (<i>поперечный размер</i>)	eng – тесный, узкий
19	Фахму – талант, способности в определенном ремесле	Fach – область науки; специальность
20	Ата джурт – отцовский, отчий дом (<i>фразеологизм</i>) Фатар – комната, жилище	Vater – отец Vater haus – отцовский дом (<i>возможная аналогия термина Ата джурт – отчий дом</i>)
21	Фасык – безнравственный, порочный, бесчестный. Бет – лицо; честь, нравственность. Бетсиз – порочный, безнравственный (дословно «безликий»)	Fass(ade) – лицо; физиономия (<i>аналогией в германском языке могло бы быть слово Fasslos – безликий, т.е. бесчестный, безнравственный.</i>)
22	Гак-Гак – кудахтање Гаккы – яйцо	Gackern – кудахтать, клохтать, гоготать
23	Исси - горячий	Esse – кузнечный горн
24	Аша – ешь Къаб – ешь Къабын - зажгись	essen – есть, кушать Asche – пепел, зола; сосуд, горшок
25	Ат – имя; огонь (<i>др.тюрк.</i>) Исси – горячий; Исим – имя(<i>тюрец</i>)	heiß – жаркий, горячий heißen – называть, именовать
26	Къатын – женщина; жена	Gatte – супруг; супруги.
27	Къат – слой, ряд; линия (<i>уст.</i>)	Gatter – решетка; забор
28	Лахор – громкий разговор, громкий смех	Lache – смех, хохот Lacher – хохотун; взрыв смеха
29	Хаууа – воздух	Hauch - дыхание
30	Хайрат – поминки	Heirat – брак, женитьба
31	Хайт – ура Хайда – айда, ура, давай	heiße – айда, ура heiter – веселый, радостный
32	Ханс – трава	Hanf – конопля
33	Халиууан – карниз, навес по фасаду дома, веранда	Halle – крытое пространство, ангар Helle - свет
34	Хонта – дурень, придурок	Hohn – издевка, насмешка höhnern – издеваться, высмеивать
35	Калтырауу – дрожь, озноб	kalt – холодный, kalten – холодеть, стынуть, остывать.
36	Кап – 1. футляр, ящик, коробка; 2. чехол, кофух.	Kapsel – футляр, коробка, кофух.

37	Кап – чехол, кожух.	Kapuze – капюшон, капор, башлык
38	Кар – доход, прибыль, барыш	karg – скупой, расчетливый, жадный
39	Кёт - половые органы; анус Кётен – половые органы; анус Котак - фаллос	Kot – грязь, нечистоты; кал, помёт
40	Куршоу – обруч, круг	Kurve – кривая; поворот, вираж
41	Гетен – лён, полотно, брезент	Kattun - ситец
42	Кеф - пьяный	Keifen – браниться, ругаться
43	Керки – топорик с поперечным лезвием, кельт Керек – инструмент	Kerb – зарубка, насечка
44	Киндик – пупок; пуповина (ребенка)	Kind – ребёнок
45	Кицуу – щекотка; зуд	Kitzel – щекотка; зуд
46	Кюф – закром; ящик для хранения зерна	Koffer – кофр, чемодан, сундук
47	Кюль - зола	Kohle – уголь
48	Мараз – недомогание, болезнь; уныние	marode – утомленный, усталый, разбитый
49	Мермер - мрамор	Marmor – мрамор
50	Матух – вялый, инертный, усталый	Mattigkeit – слабость, вялость, усталость
51	Мени - меня	mein – мой, свой
52	Сени - твой	sein – его, свой
53	Биз – мы	all – весь; всякий, каждый
54	Биз - шило	Ahle - шило
55	Мерке – мерка, сосуд стандартной емкости в 10 литров	Mark – торг, ярмарка (<i>др.герм.</i>)
56	Мискин – нищий; жалкий, убогий	mies – гадкий, безобразный
57	Мурдар - убийца	Mord – убийство; Morder - убийца
58	Морт – плесень, заплесневелый	morsch – гнилой; ветхий; дряхлый
59	Мор – коричневый (<i>болотистый цвет</i>)	Moor – болото (<i>коричневая жижа</i>)
60	Мор – коричневый	Mohr – негр, мавр.
61	Мор – коричневый	Mohrrübe – морковь (<i>коричневая репа</i>)
62	Мырды – болото	Moog – болото
63	Мыллык – труп	mulmig – истлевший, трухлявый
64	Мудах – грустный, печальный	müde – усталый, утомленный Müdigkeit – усталость, утомленность
65	Мур-Мур – бормотание, ворчание	Murren – ворчать, роптать
66	Нёх – зазноба, любовница	Nähe – близость; соседство
67	Наршан – ненадежный, не вызывающий доверия (<i>о человеке</i>)	Narr – дурак, дурачок; шут Narren – дурачить (<i>кого-либо</i>)
68	Накырда – шутка, острота, насмешка	Neckerei – насмешка, поддразнивание
69	Огюз – бык; вол	Ochs – бык
70	Орналтыу – основание, размещение, обосновывание, организация (<i>чего либо</i>)	Ordnung – порядок; систематизация; устройство; упорядочение

71	Саб – ручка (<i>инструмента, холодного оружия</i>) Саба - оружие	Säbel – сабля
72	Зат – вещь, предмет	Sache – вещь, предмет
73	Сакъ – осторожный, осторожно, медленно	Sacht – тихий, осторожный, медленный
74	Занг – звон, отзвук, эхо, дребезжание Зангырдау – звонок, колокольчик	Sang – пение, напев, песня Sänger – певец
75	Сау – дои(ть); Саугъан – доящий	Saugen – сосать, высасывать
76	Шауай – торговец (<i>лошадьми</i>)	Schau – выставка; осмотр, обозрение
77	Сырма – чистый, без примеси	schier – чистый, без примеси.
78	Тон – меховая шуба Шелий – скорняк, специалист по шитью меховых изделий	Ton – звук, тон Schall, Schälle – звук
79	Шимир – грязный Шимирлик - грязь	Schimmel - плесень schmirig – грязный, нечистоплотный, неопрятный
80	Сай – мелкий, неглубокий, мель (речная)	seicht – мелкий, мелководный
81	Сай – доля, часть	Seite – сторона
82	Зинк – потеряться, исчезнуть	Sinken – погружение; падение, понижение
83	Штаб, Штап, Штарк – о звуке удара, пощечины	Stab – палка, посох, прут Stark - сильный, крепкий
84	Тала – долина, поляна	Tal, Täler – долина
85	Тенгиз – море, океан	Tang – водоросли (морские)
86	Таша – тайник	Tasche – карман
87	Таууш - звук	Taub – глухой
88	Тауук - курица	Taube - голубь
89	Тау – гора Тауай – охотник на медведя	Bär – медведь Berg - гора
90	Терен – глубокий (в т.ч. о посуде)	Terrine – миска (суповая)
91	Тюрме – тюрьма	Turm, Türme – башня, тюремный замок
92	Тёрт – 4 (<i>числ.</i>)	Tertia – 4 и 5 классы в некоторых школах Германии.
93	Зор – насилие, принуждение	Zorn – гнев, ярость
94	Иннет – идея, мысль, цель; дух, сознание	innen, Innere – внутренний
95	Кегей – спица колеса	KegeI – конус; кегля (форма спицы колеса)
96	Кюсеу – желание, устремление (в т.ч. любовное)	Küsse - поцелуй
97	Кукук – кукушка	Kuckuck - кукушка
98	Уку - филин	Uhu - филин
99	Гёренке – мера веса (около фунта)	Geringe - малость, немного, пустяк
100	Голпу – помятый, деформированный, измятый	holprig – неровный, ухабистый, деформированный.

В данной таблице приведен список из 100 слов – соответствий между карачаево-балкарским и германским языками, а в примечаниях дан их историко-этимологический анализ. Список составлен «на скорую руку» из довольно явных созвучий, без глубокого исследования всего лексического материала обоих языков. Но даже это небольшое 100-словное фонетико-семантическое сопоставление лексики карачаево-балкарского и германского языков заставляет поставить вопрос об исторических причинах этих соответствий. Материалы по археологии, историографии, топонимике, этнонимике, языческим верованиям, литературоведению, изложенные в книге «Сага о Кавказе», объясняют причины этих германо-балкарских соответствий и датируют их эпохой бронзы, а территорией межэтнического контакта выведен Кавказ.

В совокупности с приведенным археологическим материалом они должны уверовать скептиков в достоверности предложенной автором этой работы гипотезы о присутствии балкарского и германского населения на Кавказе с эпохи бронзы. **Гипотезе, которая может стать аксиомой в кавказоведении.**

Примечания и дополнения. (нумерация по таблице).

1. Слово *ант* – клятва, происходит от слова *айт* – говори, в котором ввиду восприятия морфемы *ай* в значении – луна, вероятно ошибочного, она заменена в этом значении на синоним *ан* – луна (др.тюрк.), что и превратило понятное слово *айт* – говори (т.е. клянись), в довольно темное слово *ант* – клятва. В более древнем и верном значении слово *айт* – говори; клятва, сохранилось в германском языке: *Eid* – клятва, присяга (нем.).

Учитывая, что слово *ант* – клятва, «младшее» производное от слова *айт* – говори; клятва, но существовало уже во второй половине I тыс. до н.э. (с ним связано калькированное образование этнонима славян-антов), можно предположить, что первичная форма *айт* проникла в германский язык до этого, т.е. не позже середины I тыс. до н.э.

8. Слово *боза* – брага из ячменя, существует в лексике карачаево-балкарского языка весьма давно, как соответственно и технология его приготовления. Напиток довольно крепкий и кружка хорошей браги довольно скоро способна захмелить человека. Важно отметить, что этот хмельной напиток готовится именно из ячменя, как и пиво – *сыра*. В культуре соседнего с карачаево-балкарцами народа, например, брага делается из проса. Сопоставленное в таблице германское слово *Böse* – злой, сердитый, вероятно связано с карачаево-балкарским словом *боза* – брага, через понятие пьяный, дебошир и т.п. Аналогия присутствует и в русском языке, в котором от другого тюркского варианта этого слова - *буза* – брага, происходит понятие *бузить* (дебоширить).

С карачаево-балкарской культурой производства ячменной браги – *бозы*, связан один очень оригинальный элемент погребального обряда, встречающийся на Кавказе в материалах кобанской и срубной культур. Это закладка в могилу покойника сосудов с ячменной гущей, отходом производства браги-бозы. Если предполагать, что в последний путь покойника было принято провожать с конем, оружием, дорожной пищей, питьем и т.п., то остается непонятным предназначение несъедобных отходов - ячменной гущи, барды. Секрет этого обряда в карачаево-балкарском языке и вербальной основе этого похоронного обряда. Рассмотрим ряд балкарских слов и фраз:

Талкъ – уничтожение, истребление (т.е. смерть).

Талкъ болду – (он) уничтожен, (он) исчез (т.е. убит или умер).

Талкъан I – (*рел.*) последняя молитва в обряде похорон молитва над закрываемой могилой.

Талкъан II – гуша, барда от приготовления ячменной бозы.

Таким образом, сосуд с ячменной гушей, шелухой, бардой в кобанском или срубном погребении Кавказа – это карачаево-балкарский вербальный символ последней молитвы над усопшим.

Говоря о традициях пивоварения необходимо сопоставить осетинское слово **æлутон** – пиво особой варки, упоминаемое в эпических сказаниях о нартах, с германским по происхождению словом **Olut** – пиво.

9. Слово *бау* – сарай, хлев, восходит или к первичному слову *бакъ*, *баг* в значении ухаживать, заботиться (в т.ч. о скоте) и далее *сарай*, *хлев*, или к слову *баг* – веревка (т.е. место привязи скота, стойло) и далее *сарай*, *хлев*. В германский язык – *Vau*, оно вероятно попало из тюркского в общем описательном значении *постройка, корпус, здание*. Древность параллельного существования слова *Бау/Vau* – в карачаево-балкарском и германском языках аргументируется рассмотренным в книге «Сага о Кавказе» кеннингом *корабельный сарай* из древнегерманских саг. Отмечен и параллелизм в архитектурной терминологии: *ёгюз агъач* – несущая балка кровли (дословно воловье, бычье бревно) (кар.балк.) и *Vock* – 1. опора, козлы; 2. козел, бык, баран (самцы) (нем.).

Значителен и факт, приведенный в п.33 лексической таблицы. Для типичного карачаево-балкарского дома характерен навес перед зданием по первому этажу, или открытая веранда второго этажа, называемая *Хелуан*. Эти нежилые, крытые пространства хорошо освещены, поскольку вход в жилище ориентировался на восход солнца, а их название в балкарском языке довольно прозрачно германское: *Halle* – крытое пространство, ангар *Helle* - свет. В жилищной терминологии существует еще одна параллель.

Hut – охрана, защита, стража (нем.).

hütten – охранять, оберегать, стеречь; пасти скот (нем.).

Hütte – горная хижина, хата (нем.).

Если в карачаево-балкарском языке с целью получить новое «от-германское» слово *горная хижина, дом, хата*, построить кальку, то получится следующий лексический ряд:

сакъ – охрана, стража, защита (*древ.кар.балк.*).

сакъла – охраняй, оберегай, стереги; ожидай.

Возникает вопрос, откуда и когда на Кавказе появился термин *сакля* - горное жилище, горский дом? Он присутствует, например, в грузинском языке: это слово *сахлис* – дом, также как и карачаево-балкарское слово *кала* – башня, крепость; город, вошло в лексику грузинского языка в том же значении город – *калаки*. В несколько измененных фонетически формах карачаево-балкарское слово *кала* – башня, крепость, город, заимствовано и в адыгские (*къаля*), вайнахские (*гъяла*) языки.

А рассмотренное германское слово *hütten* – пасти скот, удивительно перекликается с карачаево-балкарским *кют, кюте (küit, küite)* - пасти скот. В карачаево-балкарском и германском языках, естественно, должны быть определенные взаимозаимствования и параллелизмы терминологии животноводства. Попробуем их отыскать. Так в древнегерманском языке существовало слово *Far* – бык, засвидетельствованное в кеннингах древнегерманских саг. От него происходят следующие слова:

Far – бык.

Farre – бычок.

Färse – телка.

Farm – ферма.

Fahren – ездить, ехать; править, управлять (гужевой транспорт).

Farbe – масть (животного); цвет, краска.

farben – линять, менять окраску (о дичи); красить, окрашивать.

Farin – сахарная пыль; сахар низкого качества (вероятно древнее значение «порошок», «сыпучее»).

Как видим, фонетико-семантический ряд очень логичен: *бык* – *бычок*, *бык* – *ездить* – *управлять*, *телка* – *ферма* – *масть*, *цвет* – *линять* – *красить*, *окрашивать*.

А что будет, если «внедрить» в германский язык карачаево-балкарское слово *Мал* – скот (крупно- и мелкорогатый), надеюсь, что оно создаст новую синонимическую лексику. Теперь посмотрим на следующий ряд германских слов, сопоставляя их с предыдущим:

Mal – отметина у животных; родимое пятно (= *Farbe*).

malen – красить, рисовать красками (= *farben*).

Maler – художник (= *Farber*).

Malter – мера сыпучих тел (= *Farin*).

А поскольку каждый день пастух возвращает стадо с пастбища в загон, сарай он должен пересчитать свой скот, тем более, если этот скот не его, а хозяина. И тут возникает вопрос о происхождении германского слова *mal* – раз (счѣтн.), *ein mal*, *zwei mal*, *drei mal* – один раз, два раза, три раза и т.д. Может это германотюркский счѣт: «один-скот», «два-скота», «три-скота» и т.д.

23-25. Довольно интересен для выяснения приведенный в этом пункте таблицы ряд германских и карачаево-балкарских слов, перекликающихся как по звучанию, так и по семантике и игре слов. Поскольку эта лексика затрагивает фундаментальные, первичные понятия *есть*, *горячий*, *огонь*, *зола*, *имя* и слова как бы перетекают из языка в язык, повторяя определенную игру слов, предположить древность этого лексического пласта и связей довольно затруднительно. Наряду с понятиями *горячий* карачаево-балкарский и германский языки объединяют понятия *холодный*, *холод*, *мороз* (см. табл., п.35), и связанное с этим понятие *дрожь*, *озноб*.

39. Еще один важный аспект в лексике любого языка – арготивная лексика и фразеологизмы. Их исследование помогает понять первобытную духовность, нравственность народа, его отношение к эросу, браку, семье, продолжению рода, нравственности, морали, понятиям греха, чистоты и грязи в широком смысле этих слов. В ряде случаев эта лексика может заимствоваться из другого «малопонятного» языка, с целью не употреблять свои исконные, дословно понятные слова и фразы. Это уже говорит о присутствии в народе нравственности. Рассмотрим ряд примеров.

В германском языке слово *nackt* – голый, обнаженный, связано с понятием *Nacht* – ночь. Эта связь слов довольно логична, ведь ночь – это время сна, когда древний человек, как и современный, устав от дневных забот и труда скидывал с себя одежду и засыпал. Но ночь – это и время супругов. На тюркском языке слово *ночь* звучит *Шам*, что вызывает вопрос о происхождении германского слова *Scham* – стыд, срам; половые органы.

44. Связь германского слова **Kind** – ребенок, дитя, с карачаево-балкарским **Киндик** – пупок, пуповина (ребенка), настолько прозрачна, что не вызывает сомнений. Но когда и где произошло проникновение германского слова *Kind* и его от-германского ново-словообразование *Киндик* в карачаево-балкарский язык? В эпоху средней бронзы (хеттский период), поздней бронзы (кобанский период) или в раннем средневековье? Важно другое. Значит женщины – соседки (немки и карачаево-балкарки) делились опытом родо-вспоможения, а может это слово

внесли в карачаево-балкарский язык германские снохи, поскольку акушерский термин не связан со сферой деятельности мужчин.

Остановимся на этом важном моменте – народной медицине эпохи бронзы, а также терминах анатомического характера.

Бала – ребенок, дитя (кар.балк.). В этом слове, как можно предположить, германская женщина (поскольку дети - это сфера занятости и взаимодействия женщин) услышит слово *Ball* – шар, мячик. Это может стать основой мифологизации происхождения перво-человека, созданию легенды о том, что он родился в образе шара, мячика. Как тут не вспомнить русскую сказку про колобка или древнеиндийского героя-первочеловека Вивасват. По Ригведе он родоначальник всех людей, ставший потом богом солнца, но родился в виде шара, без рук и ног.

Далее эта карачаево-балкарско-германская игра слов *Ball* – *Бала* закрепилась в самом германском языке. От слова *Kreis* – круг (графическое изображение сферы – это круг), было образовано слово *Kreiserin* – роженица. Это произошло не позднее середины II тыс. до н.э., поскольку кавказские мигранты в Центральную Азию и Южную Сибирь (кобанцы-кеммерийцы) стали рисовать на скалах женщин с раздвинутыми ногами, между которыми рисовался круг (У.Брей, Д.Трамп. Археологический словарь, с.217). Естественно, рисовали эти граффити женщины-немки, в магических целях, с целью родо-вспоможения.

Ader – кровеносный сосуд. (герм.). Еще один термин анатомического характера, попавший, вероятно, в германский язык из карачаево-балкарского, в котором слово *Адыр* как раз и означает *сосуды, емкости, посуда*. Но поскольку звук *ы* не произносим в германском языке, получилась фонетическая форма *Ader*. Как видим, сопоставление кровеносных жил с «сосудами» (кровеносный **сосуд** – русск.) имеет древнюю историю и германское слово имеет карачаево-балкарское происхождение.

Среди лексики, относящейся к анатомии человека, есть еще один балкарско-германский параллелизм. В карачаево-балкарском языке словом *гинджи* называют куклу, а фразой *кёз гинджи* – зрачок глаза (дословно «глазная кукла»). Фразеологизм довольно оригинален, малообъясним, но полностью соответствует и германской игре слов *Puppe* – кукла; манекен и *Puppil* – зрачок глаза (анат.)!!! Подобные совпадения не могут быть случайными.

52-53. Анализ совпадений игры слов карачаево-балкарского - *биз* – шило; мы (числит. множ. числа), и германского: *all* – весь; всякий, каждый, *alle* – все, *Ahle* – шило (?!), показал, что слово *биз* – шило, ставшее почти общетюркским является скрытым германизмом – *Biß*, и глагольной формой от слова *beißen* – кусать, кусаться, **жалить (!) (!!!)**. В тексте книги было указано, что карачаево-балкарское слово *сайяу* – шило, происходит от древнегузского и древнетюркского слова *саг/сай* – **колоть, пронзать, жалить !**. *Саксак* – жалить (совр.туркм.). Т.е. в древнегузском языке слово *сагау* – шило, происходит от слова *саг* – колоть, пронзать, **жалить**. Но затем произошла замена слова *сагау* на германскую кальку в глагольной форме *Biß* – укус; **ужаливание** (от глагола *beißen-Biß* – жалить.). Учитывая высокую значимость в быту древних людей шильев (шитье меховой, кожаной одежды, обуви, упряжи волов или лошади и т.п.), их широкое распространение как предмета быта и ремесла на всей территории Евразии в эпоху бронзы, интерес представляет факт заимствования этого слова тюрками из германского языка.

У слова *Сакъ* есть еще одно древнее значение – *бить, ударять; играть на музыкальном инструменте*, сохраняющееся и в карачаево-балкарском языке в слове *Сокъ* – бить, ударять; играть на музыкальном инструменте, но с появлением «о-кания», характерного, например, и для узбекского языка. Таким образом,

древнее слово *сакъ* – играть на музыкальном инструменте, ложно присутствует в слове *сакъал* – борода. Значит «перебросив» эту игру тюркских слов в германский язык, можно от слова *Bart* – борода, создать новое понятие *Barde* – бард, игрок на музыкальных инструментах; певец, поэт, сказитель, которое реально и появилось в германском языке, а далее и в современном русском – Бард (музыкант).

Слово *сакъ* имеет и значение *время, период*, закономерно звучащее в карачаево-балкарском языке в форме *чакъ* – время; период, и *сагъат* – час. Теперь, если в карачаево-балкарском языке понятие времени, периода, **часа** имеет игру со словом **бить** (!), то возникает вопрос о времени появления русского фразеологизма «битый час» и германского слова *Uhr* – час, которое не что иное, как общетюркское слово *Ур* – бей. Возможно, «отбивать» время на гонге (восход солнца, полдень, полночь) был обязан один из стражников поселения.

Но карачаево-балкарский язык в обратном порядке воспринял германскую лексику, по ряду признаков военной терминологии.

Сакъ – **время**, период; сторож, **охранник**. (кар.балк.).

Сагъат – час (кар.балк.).

Сакъла – ожидать (от понятия время); охранять (от понятия охранник). (кар.балк.).

Сакъла – осторожные, бдительные (кар.балк.).

Wache/Wacht – караул; вахта; стоять на посту. (герм.)

Wache/Wacht – **часовые, стража, караул**. (герм.).

Уахты – **время** (кар.балк.)!!! От германского *Wacht*.

К этому ряду военных терминов можно добавить и русское слово *караул*, которое есть заимствование из тюркского в значении *смотрящий*. Кара – смотри (тюрк.).

Но вернемся к теме взаимопроникновения карачаево-балкарской и германской лексики в области музыки, звука, звукоизвлечения .

78. **Ton** – глина (!); звук (!) (нем.). Подобная двусмысленность этого германского слова имеет вполне логичное объяснение. Керамические сосуды имеют свойство «звучать» как объемные резонаторы и при этом высота звука (тона) будет зависеть от степени заполнения сосуда (свободного объема резонатора). Помимо этого сама керамика имеет свойство звучать, тем более, если это керамика хорошего отжига. Ведь недаром в археологии существует термин «звучная керамика», применяющийся для керамики качественного отжига. Эти довольно явные свойства керамики и стали причиной двусмысленности германского слова **Ton** – глина; звук (тон). Учитывая, что керамическое производство явление весьма древнее можно утверждать и о древности появления этого двусмыслия в германском языке.

Schall – звук (нем.). Синоним слова **Ton** – звук; глина, в первом значении, но не во втором - *глина* (!!!). Важным аспектом значений слова **Schale** – скорлупа, оболочка, является то, что глиняные, керамические сосуды (резонаторы) и являются реальной оболочкой, скорлупой и в тоже время источником звука. Слово **Schale** означает также чашка (посуда), чашка (весов), продуцируя из понятия звук, понятия посуды из глины.

Schalmei – свирель, дудка. Слово довольно прозрачное, связанное с духовым методом звукоизвлечения. При этом стоит вспомнить, что свирели, дудки, свистки (трубчатые резонаторы) также изготавливались из глины. Технология довольно проста. Облив удаляемого стержня глиной, его сушка и отжиг с последующим удалением стержня трубки (возможно воскового – выплавляемого, или древесного - выжигаемого). Теперь рассмотрим параллели в карачаево-балкарском языке.

Саз – глина; старинный струнный музыкальный инструмент (?) (*кар.балк.*). Возникает вопрос, почему в языке возникла связь понятий **глина** и **струнный музыкальный инструмент**. Струнные муз.инструменты из глины – это нонсенс. Это связано с тем, что германская игра слов передалась в карачаево-балкарский язык, в котором слово **Саз** – глина, стало обозначать и музыкальный инструмент, но в отличие от объяснимого ударного или духового в германском – струнный (!) в карачаево-балкарском. Факт говорит о том, что логическая связь понятий *глина, звук, тон, музыкальный инструмент* перешла из германского в карачаево-балкарский язык, но «переступив» понятие ударных или духовых инструментов, ударного или духового звукоизвлечения и адаптировалась в понятие струнного музыкального инструмента, связь которого с глиной объяснить весьма трудно. Этот факт, вероятно, говорит или о национальных приоритетах в классах музыкальных инструментов (ударные, духовые, струнные) или о более запоздалом заимствованном калькировании и адаптации понятий из германской лексики в лексику карачаево-балкарского языка.

А связи карачаево-балкарского и германского языков в области ударных инструментов – колокольчиков и т.п. отражены в связи слов, приведенных в п.74 таблицы. Физическое наличие колокольчиков в культуре карачаево-балкарцев и германцев в эпоху поздней бронзы (вторая половина II тыс. до н.э.) аргументируется их наличием в материалах кобанской культуры.

Мюйюз – рог животного (*кар.балк.*). Фактом обратного влияния карачаево-балкарского музыкального искусства на германское, является этимология германского (и в целом европейского) слова **Musik** – музыка. Рога животных также использовались в качестве основы древних музыкальных инструментов. Свидетельство тому, русские слова *рог* (охотничий), *рожок* (муз.инстр.), германское **Horn**- рог (животного); рожок (муз.), русское – **горн, горнист** (муз.) Но для нашего исследования важно то, что европейское понятие *музыка* происходит от карачаево-балкарского **мюйюз** - рог (животного). Точнее было бы записать германское форму этого слова в форме **Müüsik**, с долгим «U-умлаут».

Еще один тюрко-германский семантический параллелизм:

Акь – белый (тюрк.)

Акьыл – ум, мудрость (тюрк.).

Акьын – певец-сказитель (тюрк.).

Weiss – белый

Weise - мудрый, знающий;

Weise - мелодия, напев

Возвращаясь к теме карачаево-балкарско-германского «сотрудничества» в области керамического производства в эпоху бронзы, отмечу, что германское слово **Ball** – шар, мяч, сфероид, участвует в образовании слова **Ballon** – сосуд (современное значение – оплетенная бутылка, древнее - сосуд, горшок). Эта связь германских слов *шар – сосуд*, наталкивает на мысль и гипотезу о происхождении одной известной археологической культуры Европы эпохи бронзы, которую археологи так и называют – **культура шаровых амфор(!)**. Но некоторую новизну в богатство германской лексики внесло карачаево-балкарское слово **Топ** – шар, мяч, сфероид, от которого произошли германские слова **Topf** – горшок (шаровидный сосуд) и **Topfer** – гончар, горшечник! Еще раз напомним, что культура шаровых амфор Европы – это культура бронзового века. Это позволяет датировать давность карачаево-балкарско-германских этнических и «производственных» контактов эпохой бронзы, как на Кавказе, так, возможно, и в пределах Европы.

При исследовании и реконструкциях лексики бронзового века нельзя обойти стороной терминологию торговли, торгового обмена. В этой сфере взаимопроникновение лексики наиболее вероятно, поскольку изолированные, в том числе экономически, народы явление не столь частое. Это более характерно для островных этнических популяций. Рассмотрим теперь лексику, относящуюся к этой теме.

76. Германское слово **Schau** – осмотр, обозрение, выставка, в некотором смысле подходит для его использования в качестве торгового термина, когда торговец выставляет на обзор свой товар, призывая покупателя взглянуть на него, рассмотреть его и сделать свой выбор. Карачаево-балкарец может при этом сказать **Къара** – смотри, рассмотри, осмотри (*глагол*), т.е. сделай выбор. Но это же слово имеет второе значение **Къара** – черный (*прилаг.*). Таким образом, германский термин *Schau* в карачаево-балкарском языке может усвоиться и со значением *Черный*. Предположение гипотетическое, но этот факт имеет место в целом ряде карачаево-балкарских словообразований:

Шауай - торговец (лошадьми). В этом слове вместо карачаево-балкарского слова *Къара* – смотри, осматривай (выбирай товар); черный, корнеобразующей морфемой стоит германское синонимичное слово *Schau* – осмотр, выставка, обозрение.

Шаудан – родник, синонимом которого является слово *Къара суу* – родник (дословно черная (грунтовая) вода). Происходит замена собственного слова *Къара* – черный (*прилаг.*); смотри (*глагол*), на возможный германизм *Schau* – осмотр, обозрение, выставка.

Шаукъам – гидроним в верховьях Баксанского ущелья. Этимологизируется как *Черная река*. В нем можно также подозревать подобную замену собственной лексики на германскую.

Шаугют – мышца (*дословно «черная лепешка» – Шау гюттю*). При этом имеется устойчивый фразеологизм *Къара кюч* – предельное физическое напряжение (*дословно черная сила*). И в данном случае надо подразумевать замену тюркского *Къара* на германское *Schau*.

Шау – смерть. Смерть в представлениях многих народов ассоциирует с черным цветом (траур) и в этом случае вместо двухзначного карачаево-балкарского слова *Къара* – черный; смотри, осматривай, использовано германское слово **Schau**, которому придано и несвойственное ему значение *Черный*.

Шауешик - название дерева, но весьма туманного происхождения. Слово состоит из двух слово *Шау* – черный, и *Эшик* – дверь. В данном случае реконструируется первичное, вероятнее всего огузское, название *Кара Капы болган терек* – дерево с черной корой, которое допускает игру слов *дерево с Черной Дверью*. В ином построении с использованием вышеуказанных синонимом возможно появление калькированного названия *Шау Эшик – Черная Дверь*.

Шаушюгют – название дерева. Другое карачаево-балкарское название породы деревьев с использованием слова *Шау* – черный. В этот ряд аргументов можно включить и иные карачаево-балкарские названия пород деревьев с прямым использованием собственного синонимического термина *Къара* – черный.

Къаракъ ай – хвойная порода деревьев. В термине присутствует слово *Къара* – черный.

Къаракъ аин – черная ольха. В термине присутствует слово *Къара* – черный.

Шаушюгют – черная горная порода. Опять применено германское слово *Schau*.

Шауракъ – темно-серый (*о цвете, масти скота*). И в данном термине цвета, масти указатель темноты, густоты основного цвета, тона является германским

словом *Schau*, адаптированным в карачаево-балкарский язык и со значением *черный*.

Шаулух – название хорошей породы лошадей. В этом коневодческом термине слово *Шау* – черный, передает масть лошади – вороная, караковая. Имеется в карачаево-балкарском языке и термин обозначения масти коней *Къара тор* – караковый, темно-гнедой, в котором использовано собственное прилагательное *Къара* – черный, темный.

Чаука – грач, галка. Как известно, эта птица имеет иссиня-черное оперение, и, используя слово *Шау* – черный, ее можно назвать *Шаука* – черная (птица). Вероятно, в этом словообразовании первый звук *Ш* позднее перешел в *Ч*, что вполне возможно. Сравните Ш/Ч переход в словах *Шаиш* – волос (казах, ногайск.) и *Чач* – волос (кар.балк.).

Шау – черный. Ряд карачаево-балкарской лексики с германским по происхождению корнем *Schau*, ставшим в карачаево-балкарском языке термином *черный*, рассмотрен. Следует лишь добавить, что слово *Шау* – черный, реально существует и в лексике осетинского языка (!). Логика историко-этимологического анализа заключается в том, что германцы жили на Кавказе, лексика их языка проникала в языки соседей и германское слово *Schau* изначально проникло в карачаево-балкарский язык, где произошло его омофоническое превращение в значение *черный*, которое затем перешло и сохранилось в осетинском языке, языке соседей балкарцев.

Обратное направление распространения слова *Шау/Schau* из осетинского в карачаево-балкарский и далее в германский язык также возможно предположить, считая это слово исконным осетинским, но в иных иранских языках это слово отсутствует. Например, слово *черный* в таджикском языке звучит: **сиёх, торик, бад**.

78.Шелий – скорняк, специалист по шитью меховых изделий (кар.балк.). Германское происхождение этого карачаево-балкарского слова имеет весьма древнюю историю, восходящую к эпохе бронзы. Проведем историко-этимологический анализ ряда германских и карачаево-балкарских слов, а также лексических связей между этими языками по исследуемой группе слов. В карачаево-балкарском слове *Шелий* – скорняк, специалист по шитью меховых изделий, шапок, присутствует явное германское слово *Schälle* – звук, синонимом которого является слово *Тон* – звук, тон. Но в карачаево-балкарском языке это самое слово *Тон* – меховая шуба, дубленка. Поэтому карачаево-балкарского скорняка, мастера по изготовлению Тон (ов) – дубленок, меховых шуб, «неправильно» назвали германских термином - *Шелий*, от германского *Schälle* – звук (!!!).

Возвращаясь к лексике торговли, товарного обмена, необходимо затронуть следующие лексические факты, связанные с самим процессом торговли. Товар взвешивается на весах (подвесная равноплечая рейка с веревками, на которые подвешивается сосуд с товаром или устанавливаются чаши для сыпучего товара).

Такъ – подвесь. **Базманны такъ сы** – (пусть) подвесит весы (кар.балк.).

Возникает вопрос о происхождении европейского слова Такса (Taxe), таксировка (оценка) и т.п. В русском языке также отражен это процесс и торговый термин в фразе «сколько весит» (от слова *висеть, висит, подвешен и т.д.*), описывающий процесс торговли – взвешивания.

Тарт – взвесь (кар.балк.), дословно «тяни». Возникает вопрос о параллелизме в русском языке «на сколько тянет», употребляемом в значении «сколько весит». Однотипность лексики, возможно, говорит о непосредственных торговых контактах.

Мерке – сосуд стандартной емкости (кар.балк.). Возникает параллель с германским словом **Mark** – торговля, **1 Mark** – исконная денежная единица Германии, русское **яр-марка** (ежегодные торги, слово заимствовано из германского), испанским **Merkado** – базар, торг, и т.д.

Гёренке – ед.веса около фунта, т.е. 400 граммов (кар.балк.)

Gering(e) – малый, незначительный (нем.).

Berge – давать; **Бир-бирге берге** – обмениваться. (кар.балк.).

Это карачаево-балкарское слово и фраза интересны тем, что в них в сплошном виде присутствуют германские созвучные слова **Berg** - гора, **Birge** – горы. Возникает вопрос - откуда происходит германское слово **Tausch** – обмен, в котором явно присутствует карачаево-балкарское слово **Tau** – гора?

В лексике описания ландшафта есть довольно интересные балкаро-германские параллели.

Тал – ива (балк.).

Тала – поляна, долина (балк.).

Weide – ива (нем.)

Weide – пастбище, выгон (нем.).

Тала – долина (кар.балк.)

Täler – долина (нем.)

Hang/ Hänge – косогор, склон, скат, откос (нем.).

Hängen – висение; повешение, вешание (нем.)

henken – вешать, повесить (нем.)

Tau – гора (балк.)

Tau – канат, веревка (нем.).

Минги Tau – Эльбрус (1000 гор)

Tausend – 1000 (нем.).

Тенгиз – море (балк.)

Tang – водоросли (нем.).

Таууш – звук (балк.).

Taub – глухой (нем.).

Тауук – курица (балк.)

Taube - голубь (нем.)

С точки зрения реконструкции ландшафта, на котором происходил этногенез карачаево-балкарского народа, формировалась лексика его языка интересны следующие слова и устойчивые фразы.

Tau – гора

Таууш – звук.

Это предполагает, что слово «звук» в карачаево-балкарском языке является описанием **эха**, отраженного **от гор звука**, человеческого крика.

Таш – камень

Ташы – таскать

Учитывая, что камень – это строительный материал горцев, материал для строительства каменных жилищ, каменных погребальных сооружений (кобанцы и более ранние традиции могил - каменных ящиков), стоит обратить внимание на то, что термин «таскать» в карачаево-балкарском языке происходит от слова «камень». Даже русское слово «тащ-и» и «тас-кать» - явные тюркизмы от слова **таш/тас** – камень. В условиях обширной степи появление подобных семантических связей *гора-звук; камень-таскать* вряд ли было бы возможно, а в предгорьях – да. Стоит обратить внимание, что большинство тюркских народов тяготеет именно к предгорным ландшафтам, а массовая тюркская топонимика, гидронимика и оронимы горных хребтов от Кавказа до Центральной Азии также

говорит о древней предгорной родине большинства современных тюркских народов. С горами у карачаево-балкарцев связано много терминов:

таулу (горец) – самоназвание.

тау юй (горское жилище), название традиционного балкарского жилища.

тау бий (горский князь),

тау адет (горское право),

тау мал (горский, адаптированный к горам скот).

Кюн батты – солнце зашло.

Батыш – запад, сторона захода солнца. (кар.балк.).

Возникает вопрос. Почему слова «бат» - тони, «батты» - утонул, применяются в фразеологизме «заход солнца»? Значит на западе ареала проживания древнейших предков карачаево-балкарцев находилось **МОРЕ**. Именно в эту водную поверхность могло ежедневно опускаться заходящее Солнце, породив фразеологизм **КЮН БАТТЫ** (Солнце утонуло!!!).

Об антропите в лексике. Лексика, описывающая части тела, тоже довольно информативна в ряде случаев. Возникает вопрос. Почему общетюркское слово «Бурун» - нос, дословно означает «закрученный, загнутый», от слова «бур» - закрути? Среди кобанского и скифского населения (судя по граффити, письменным источникам и краниологическим реконструкциям) горбоносые типы встречаются не редко. «Возвышенные» носы, по описаниям древнекитайских источников, имели и ранние хунны, позднее метисировавшиеся с аборигенными самодийскими, монгольскими народами, китайским населением.

Таким образом, сопоставление и историко-этимологический анализ приведенной в таблице лексики заставляет по иному взглянуть на историю карачаево-балкарского народа, его этногенез, формирование языка и культуры. Однозначно ясным становится то, что они являются древним аборигенным населением Кавказа о чем свидетельствуют вышеприведенные археологические материалы эпохи поздней бронзы (кобанская культура) и не в последнюю очередь - живой карачаево-балкарский язык.

Заключение.

Изложенный в данной работе материал позволяет воссоздать этнические компоненты племен кобанской культуры центрального Кавказа эпохи поздней бронзы - раннего железа. Определена роль Кавказа, как древнейшего металлургического очага Евразии, а его указанная полиэтничность являлась следствием того, что на Кавказ, как источник металлических руд и металлургическую базу, устремлялись как жители Европы (германцы), так и Средней Азии (туркмены). Металлургия бронзы стала для той эпохи жизненно важной. Она позволяла создавать более совершенные орудия труда, оружия и бытовой утвари, поднять любой этнос на новый уровень социально-экономического развития. Да и сегодня роль металлургической промышленности в экономике развитых государств очень важна.

В работе указаны народы: туркмены, карачаево-балкарцы, германцы, причастные к созданию кобанской культуры, что может показаться для гипотез классического кавказоведения невероятным, но может со временем стать аксиомой в кавказоведении, поскольку аргументация автора построена именно на их лексических и этнографических материалах. Важным моментом в данном исследовании является реконструкция взаимоотношений в полиэтнических объединениях эпохи поздней бронзы, в среде кобанских племен Кавказа. Явно раскрыт принцип паритетности языков и тот факт, что существенная часть полиэтнического населения Кавказа владела несколькими языками.

Изложенный материал дает базу для сопоставления кобанской культуры с культурой «кочевников» Евразии – киммерийцев, скифов.

Серьезное внимание кавказоведов должен привлечь и аргументированный (по мнению автора работы) факт длительного проживания части германского и туркменского этносов в пределах Кавказа. Вероятно, уже с эпохи ранней бронзы Кавказ привлекал к себе народы Европы, Азии, Ближнего Востока, аккумулировал в себе достижения этих регионов для того, чтобы синтезировать новую культуру, распространявшуюся затем в обратных направлениях. Именно с позиции признания Кавказа древнейшим евразийским очагом цивилизации необходимо подходить к исследованию этого региона.

Сенсационным открытием для автора данного исследования стало то, что указанные в книге тюркские и германские народы, относимые в мировой науке к воинственным и варварским народам, уже в эпоху бронзы имели представление о письменности, реализуя саму идею письма не только в общеизвестном виде знаков на материальных носителях, а в виде объемной зооморфной пластики, орнамента. Автор предполагает, что реализация письменности в ее классическом понимании позднее была табуирована в этих сообществах по не ясным пока религиозно-мистическим причинам.

Надеюсь, что данная работа найдет определенное признание в научной среде, своих сторонников и продолжателей в среде кавказоведов, тюркологов, германоведов, лингвистов. А предложенная методика «чтения» археологических материалов позволит расширить объем знаний о древней истории Кавказа.

С уважением к читателям,
Руслан Тилов.

Адрес для отзывов по данной работе: r.tilov@mail.ru